

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 1 2017

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2017**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 1 2017

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

International editorial board

Erika Maier, Germany Doctor of Philology
Akmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Allakhverdyan Tamara Nikolaevna, Ukraine, Doctor of Philology
Belous Viktor, Ukraine, Ph.D. of Philology
Dmitrieva Olga Alexandrovna, Russia, Doctor of Philology
Ivanyan Elena Pavlovna, Russia, Doctor of Philology
Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology
Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology
Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology
Muhamed Mustafi, Macedonia, PhD in Philology
Obraztsova Olena, Ukraine, Doctor of Philology
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Rechad Mostafa, Morocco, PhD in Linguistic
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology
Zholshayeva Maira Satibaldiebn, Kazakhstan, Doctor of Philology
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Cover design

Additional design

Editorial office

Kristin Theissen

Andreas Vogel

Stephan Friedman

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-3-7>

Bagirova Nigar Khanlar,
Azerbaijan University of Languages,
(AUL) department of lexicology teacher, Azerbaijan
E-mail: xatireaslanova@yahoo.com

Tense problems in modern English

Abstract: In the globalized world English has become the most important means of international communication among the Peoples of the World. In any part of the world English is either actively learned or taught to day. In such a condition the study of English as a part of linguistic science is more important. Tenses in English occupy a great volume of English grammar which have not been fully investigated up to now.

In the article the developing process of the category of future tense in the system of the English language, the expression of its characteristic features, are analyzed, the functional-semantic field (FSF), model of structure of the notion of future (futuralnosti) and its semantic characteristics are given, also communicative and pragmatic features of language elements composing the constituent parts of the mentioned field are analyzed.

The problem of future tense, functional-semantic characteristics of future tense in the system of language, structural, semantic-cognitive features of the constituent parts of notion of future (futuralnosti), Communicative features of futural situations are investigated on the materials of the Modern English Language.

In the process of the study of the problem we cope with view points of different scholars linked with the analyses of specific features of future tense in the English language and we base upon these views in the article.

Keywords: category of future tense, functional-semantic field, tense paradigm, future in the past tense form.

1. Introduction

Time characters expressed by means of language among the peoples of the world possess similar and distinctive features. Concepts on the tenses are not identical among the different peoples of the world because each of the peoples keeps cultural and social features of cognition of time. "From the appointment of social meaning, tense forms depend on the forms of life and activity of human being" [11].

Modern Paradigm of investigations linked with language, basing on the semantic core of the investigated language requires the analyses of language structures. Grammatical structure of any language for all the languages can be classified as the system of means of expression of a certain collection of categories of notions [2].

So, it is possible to say that grammatical means do not only compose of the elements of paradigms of language systems, but also these means include those structures, which possess their belonging to the materialization of categories of certain understandings in speech.

2. Grammaticalization of Language means

As to the view points of a number of scientists, for example, as to G. Bybee, L. Pagliuja, grammaticalization of language means are not only the process of transformation embracing structural-semantic levels, but also it is a result of deep cognitive process indicating proper changes in the understanding of world by human beings, linked with paralinguistic events [3].

In Indo-European languages grammatical category of future tense form has been formulated a little later than preterit and presence categories. It is surmised that it is associated with extralinguistic factors. Temporal understanding of the people of the ancient times cordially differentiated from the people of the modern period of time. Future as the category of world cognition was not completely formulated in the people of the ancient times, and as a result of it, it was not needed for the formulation of grammatical deictic category to belong the action to future.

In the system of world outlook of Europeans the adoption of Christianity and refusal from paganism

brought to a number of changes. Alongside the change of surrounding world outlook the model of time was subjected to the changes as well. "In the middle ages, during the transition from paganism to christianism, the reestablishment of the essence of time notions of all structures was observed" [6].

The notion of conscious of future (*futuralnosti*) of continued to be developed along with the development of manufacture and urbanization. Already a human being does not link his/her activity with the natural period of time and keeps away from the nature. The more a human being concentrates consciousness, namely the more he/she becomes mentally richer, the more attention is paid to the development of the mankind, the model of time becomes more historical, the general imagination of future is more clearly, distinctly gained, the more typological characteristics of future manifests itself in the human conscious. A human being begins to understand that he/she can control his/her fate and as a result of this he/she expresses still more free notion of future.

The categorization of future passes through several stages in the human thought. In the final stage the category of the future tense passes through the process of grammaticalization.

In the period of Early Middle Ages, in the XII–XIII centuries started such a process which M. M. Gukhman called it as the "paradigmatization of *futurum*". Such a thought existed that the existence of "futural presence" or "modal *futurum*" is the characterization of complete paradigmaticization of the very form [8].

Only towards the XIII century in the English language modal constructions with "wilan" and "sculan" in comparison with other constructions oftener began to be used for the expression of future events, with which they began to enter the paradigm of the verb.

The future paradigm of verbs in the English language gradually was improved with new forms, truly to say, it is enriched with old forms which already existed in the language, but which already possessed new semantic-functional duties.

In the Modern English the construction "to be going to" is used. This construction was subjected to the process of grammaticalization in the XV century. Gradually along with its initial lexic meaning it began to be used in the planned, newly-accepted meaning of future tense [4].

In Modern time the category of future in English is not only used with the auxiliary verb "will", and the construction "to be going to", but it can also be used with the help of other modal verbs and constructions which

are the implicit and explicit means of expression of one and the same event.

A number of linguists by means of the systems of functional-semantic fields accept the methodological lawfulness of learning linguistic and extralinguistic phenomena.

As to the determination of A. A. Bondarenko, "functional-semantic field (FSF) is the grouping of grammatical and "common" lexic units basing on "certain semantic category and also on different combined grouping of lexic-semantic and other means, influencing one-another on the basis of similarity of semantic functions of the very language" [10].

Within the frame of functional approach a number of scientists, for example A. V. Bondarenko, Y. S. Maslov, Q. A. Zolotova, M. V. Vsevolodova, Y. I. Sendels, T. V. Bulingina, M. Y. Golovchinskaya, Y. V. Guliga, M. A. Shelyanina, T. A. Suckomilina and others investigate functional-semantic features of semantic category of Tense. On this ground they formulate grammatical category of tense in the language system.

Among the entire tense categories future tense category is the most subjective one. In most cases it is associated with the positions, dreams, intentions and claims of the speaker and that's why category of notion of future (*futuralnosti*) by means of transformation of modal verbs and constructions, expressing wish and desire is subjected to the process of grammaticalization. This process does not only take place in the English language, but also in many cases it is observed in other Indo-European languages.

G. Bybee has carried out analyses of future tense forms of about 300 hundred modern languages and consequently has compiled the list of grammatical and lexical means, establishing the basis of futural forms. He referred action verbs and means of expression of obligation, wish and possibility and adverbial modifier of time to this list [3].

For the expression of future tense which is used in the Modern English Language, possibility to accept the analytic forms of the auxiliary verb "will" which establishes the tense paradigm of English verb remains unsettled up to now. Particularly, B. Comrie, referred the future tense to the grammatical category of the tense of verbs in English, beyond the borders of the limits of the paradigm of verb, classifies it as something formulated on the basis of privative oppositions of past and past indefinite tenses [5].

The grammatical form of the future tense formed by means of auxiliary verb "will" has appeared relatively late

and that's why to-day, by the substitution of the functions, notion of future and modality today, keep certain semantic polysemanticism.

Basing on these facts, we may come to the conclusion that the grammatical form of future tense is still passing the process of grammaticalization and in the system of the English language the existence of different thoughts on its status causes debates.

3. Category of future tense in the level of Language semantics

Category of future tense in the level of language semantics, being determined as deictic vector category is expressed as futural semantic category, describing the attitude of the classified phenomenon to the time after the moment of speech. Adequately, on the basis of this semantic category the functional semantic field (FSF) of future is formed, but the structural elements demand further analysis.

In the Modern English verbs possess still more developed word-changing and form-making system of means than the other parts of speech. Grammatical criteria which found their manifestations in the system of word-changing and form-making features are the categories of tense, person, quantity (number), voice, mood and aspect. In the English language exist four tense groups of the indicative mood of verbs which are distinguished both as to the view of formation and use:

- I group: Simple Tenses;
- II group: Continuous Tenses;
- III group: Perfect Tenses;
- IV group: Perfect Continuous Tenses [1].

Grammatical tense of the verb is such a grammatical category, by the forms of which, at a certain degree the process which is expressed by the form of this verb and the period of time taking place between the moments of speech, the time attitude is determined. The starting point is the very moment of speech by the grammatical determination of the time, namely it is a certain instant of objective time. This instant is very often is determined with the words as "the instant of the present time, now, this instant, this moment, this minute, this hour" and these words from the view of the situation of the very speech, are accepted as such and such are understood.

4. Classification of Tenses

In the English language any form of the verb is either in non-perfect or perfect form. For ex.: "I wrote — I had written" This belongs to indicative form and also to the non-predicative forms as well. During the comparison of non-perfect and perfect forms tense forms its grammatical category.

Non-perfect forms rule over the action and the situation by themselves. In an unconscious approach to the initial instant or the instant coming after, non-perfect form (beyond the context) does not express any attitude to the action.

A. T. Simirnitski considers that such a grammatical tense category expresses the attitude of the action to the instant of speech. Time category as a form of existence of material world is the determinant of time.

Adequately, exist present, past and future forms of the verbs and the instant of speech, in this case for the tense forms is the point of connection of time.

In the Modern English within the composition of tense, mainly the forms of present and past exist, that's why these tense forms are synthetical (let's compare: wants "istəyir", sees "görür" — wanted "istəyib", saw "görüb") Thus, from the historical viewpoint tense category substantiates confrontation of these tense forms.

Categorical form of the future tense is always analytical, but in some verbs it does not exist generally, for ex: "can, may" etc. Speaking about future it is necessary to note that there is a real difference between the future tense on one side and between the present and past on the other. The difference lies in the fact that the future tense in many cases as something unrealized is linked with modality. This differentiation goes deeper also for the reason, that for the creation of the future tense verbs of modal character are expressed, for ex.: "shall, will". For this reason for the expression of objective future modal meanings may be observed.

Otto Jespersen's view-point in this matter is that future tense forms in the Modern English always have modal meanings that are why no objective future exists. For this reason the scientist offers the system of tenses of the verbs, consisting of present and past tenses.

As to A. T. Simirnitski Otto Jespersen's this offer does not meet the real state of the things. For example: in the sentence "It will rain" there is no modal colouring of the meaning. In many cases in English future tense forms express objective tense and are not linked with modal meanings.

It should be particularly stressed that in the Modern English the plurality of the number of the tense forms are often mentioned. A. T. Smirnitski considers that their plurality derives from the differentiation of present-past and future. This is complicated, on one hand, by the differentiation between common and continuous tenses, and on the other hand between the perfect and non-perfect tenses. So, the tense forms as "present common non-perfect tense, for ex "rains", "present continuous perfect",

for example “has been raining” are created and we cope with three grammatical categories and uniting with one another in certain grammatical forms.

The Future in the past tense form may claim for a special place among the tense forms, namely, in reality instead of the fourth tense form, for example: “Would rain, would see”, etc. As other forms, this form too may change, for example: “would rain, would be raining, and would have rained” etc. In each case, the future in the past tense form by the appearance is absolutely same with the modal verbs “should/would” which in its turn are accepted as conditional mood. For example: “I thought it would rain” — “Mən düşünürdüm ki, yağış yağacaq” — which is expressed by the future in the past tense form. And “I think it would rain, if it were not so windy” — “Mən düşünürdüm ki, əgər belə güclü külək olmasaydı, yağış yağa bilərdi” is Conditional Mood.

The future in the past tense form is used only in Indirect Speech. Without taking the peculiarities of such speeches into consideration, in the general system of the English Language it is impossible to determine the place of the “future tense”. So, in the morphological system of the English language the “future in the past tense” form is not determined as a special “tense”, though it has a cheating resemblance with other tense forms.

V.N. Djigaldo, L.L. Iofik, T.P. Ivanova name this tense form as a “dependent future” [9]. As to them, dependent future tense indicates the action to take place after the instant which is a temporal centre. We must say that temporal centre of past tense form is a certain period of time in the past. The main field of its usage is in the complex sentences. For ex: “He was sure that he would refuse the cigarette”. Such a form in the morphological system of English verb is analyzed as a special form.

Let’s consider A. T. Smirnitski’s thought. Analyzing real attitudes containing the bases of three grammatical forms, it is necessary to pay attention to the following problem: past and future tenses stretching in different directions without a border are different fields. Present tense is a border between these fields. Being the instant of speech in the present tense this border is directly dependent and has crossed with current of time in this or that place. That’s why as to the instant of time it is neither past nor the present.

On one hand, present tense is determined as the in-

stant of speech in the present tense, but on the other hand not any speech can specially note a certain instant, because, unwillingly it becomes continuous in the time.

As to the view point of the scholars the number of tense forms has always been one of the disputable problems.

H. Sweet differentiates compound tenses. He belongs “Present Indefinite”, “Past Indefinite”, “Future Indefinite” to the simple tense forms; but he belongs “Present Perfect”, “Past Perfect” and Future Perfect to the compound tense forms. So, basing on the determination of Henry Sweet we distinguish six tense forms.

N. F. Irtenyeva divides the tense system of the English verbs into 2 places:

1) belonging to the present tense: “the Present, Present Perfect, Future, Present Continuous, Present Perfect Continuous Tenses”.

2) belonging to the Past: the Past, Past Perfect, Future in the Past, Past Continuous, Present Perfect Continuous Tenses [7].

5. Conclusion

Having considered the problem, we may come to the conclusion that in the grammatical structure of the English language verb and verb forms occupy a special place as to the great role which they play in the construction of English sentences.

As an instant of limitation of past from the future by means of speech, present tense forms should be specially marked for it plays an important role in distinguishing instances by means of an event embracing a certain period of time. In a certain degree “Present Tense” as a “durable time” includes the instance of the very speech. The notion of “Present Tense” form establishes the basis of the meaning of the categorical form of (Present). Gradually extending the borders of grammatical tense of Present May be lost in view, generally it may disappear, the meaning of the present tense may transfer to an indefinite continuous tense or can go beyond the tense forms and may indicate no time. For ex: “He is a friend of mine” Or “Twice five makes ten”.

Taking the differentiations in the views of above-mentioned scientists into-consideration, we may come to the conclusion that in the Modern English Language tense problem has not found its unanimous solution.

References:

1. Almamadova S. M. System of Tenses in the English Language. Baku, – 2013, – 111 p.
2. Ananyev B. Y. Cognition of space and time, L., Science, – 1969, – 312 p.
3. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, – 1994, – 398 p.

4. Borkhes Kh. L. Circling Time. Collection in – 3 volumes. – M. Polyares, – T. 1, – 1997, – P. 206–210.
5. Comrie B. Tense. Cambridge University Press, – 2006, – 139 p.
6. Grunbaum A. Philosophical problems of space and time. M. Progress, – 1969, – 590 p.
7. Ionina A. A. English grammar of the XXI century, universal effective course. – M., Ekspo, – 2012, – 416 p.
8. Irtenyeva A. F. Grammar of the Modern English. Theoretical course, – M., – 1956, – 191 p.
9. Jespersen O. Philosophy of Grammar. Publish h foreign literature, – M., – 1958, – 404 p.
10. Turner L. Bases of structural syntax, – M., Progress, – 1988, – 655 p.
11. Thomson A. T. General linguistics, – Odessa, – 1910, – 378 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-7-12>

Bagirova Gunay Fakhraddin,
Azerbaijan University of Languages (AUL)
E-mail: xatireaslanova@yahoo.com

Language personality in the aspect of manifestation of history of culture

Abstract: The article has been devoted to the analysis of the phenomenon of language personality. It is noted that the understanding of expression of human personality in the language, directly existed in science and it was also noted in the ancient times as well. Theory of language personality has been created in the works of such scientists as V.V. Vinogradov and U.N. Karaulov. In the article the problem of appearance of language personality of the writer is considered. As an investigated language material F.S. Fitzgerald's book "Diamond in the size of the Hotel Rits" is taken Hermenevtic analysis is carried out, as a result of which depth of psychological and historical-cultural character of the narrator is determined.

Keywords: language, personality, culture, society, text, interpretation, background information.

1. Introduction

Modern linguistics creates its own terminological system, its own metalanguage and accordingly its scientific apparatus. It is not only a mere designation of old impression on the linguistic culturally marked words, but it is also a new conception. "Language personality" introduces one of the most actual conceptions of modern linguistics. It is clear, that this notion is not taken as an independent understanding, in the isolation of its self-belonging semantic field, created by anthroscopic paradigm. Each of fundamental notion of modern linguistics often is understood as absolute conception. In this appears the value of the very concept, so the cultural words standing behind it. The term *language personality* can be well enough considered as tautology. Human personality exhibits itself in the language as well as the people leave memories about themselves in the written languages. In the history of culture two periods — written period and the period before writing appeared are distinguished. Written language is oriented for the preservation of the speech in the language. In this respect, we think it should be worth mentioning the thoughts of M. Haydegger. As a rule linguists, reminding the German philosopher, repeat

the similar phrase on the notion which can be called that language is nothing more than the *house of being*. In the fundamental works of M. Haydegger called "being and time" we come across more essential consideration on the language. Haydegger writes: A person seems to be an existence, which speaks" [4, P. 165].

2. Ancient Greek Impact on language personality

M. Haydegger bases upon the ancient Greek impression on the human being and points out that the naming of the person as a clever animal is a later factor, because for the Greek a person was before everything a speaking animal. He writes: "Is it an occasional event that the Greeks in their daily existence exhibited themselves advantageously in speaking to one another and at the same time possessed eyes to see one another which in both philosophical conception and the conception before philosophy were equally explained as presence of a person determined the existence of a person as ζῶον λόγου ἔχον. The latest interpretation of this definition of a person in the meaning of *animal rationale* "Witty living existence", telling the truth is not "a lie, but it conceals a phenomenal ground, from which this existing definition has been formulated" [4, P. 165].

In the first place in the process of cultivation human beings stood mastering the language of this society. V.V. Krasnikh writes: "Socialization is the process of upbringing a child in civilized society; main process lies in the fact that a child gains the experience accumulated by, before coming generations; in the process of civilization an individual becomes a personality, a speaking person, a member of a definite national linguocultural society" [2, P. 160].

For e.g. it is considered that culture unites around a fundamental text. In this case identification of a personality is oriented on such kind of fundamental text. For e.g. Arabic consciousness was formulated on the Koran. A. Shimmel, who is the investigator of Muslim mystic philosophy says that it shows itself even in the koreanization of the Muslim mystic [5, P. 38–44]. Russians up to the present time consider, that not only modern Russian literary language is the language of A. S. Pushkin, but the consciousness of people have also been formulated with the spiritual world of Pushkin.

The experience of the last decades monilaterally speaks on the fact that the types of language personality (consequently, and language collectives) even today are formulated. Perhaps this process always remains uncompleted. It is quite true to relate the formulation of language personality to the differentiation of languages as to the spheres of activity. If a language is a social phenomenon, it serves to meet the necessities of the collectives, then differentiation of the sphere of activity brings to the differentiation of the language. Such a differentiation is also logical and successive. In this respect D. E. Rozenal pointed out: "Language as a social phenomenon carries out different functions, connected with this or that sphere of human activity. The most social function of the language is communication, information and impact. For the realization of these functions historically different varieties of the language were formed" [3, P. 18].

The founder of the theory of language personality in the Russian-speaking linguistic discourse, with absolute background academician V.V. Vinogradov can be considered.

3. Role of V. V. Vinogradov in the formation of literary language

Factually already in his fundamental "Essays on the history of Russian literary language of XVII–XIX centuries" and also in his "History of Russian literary language" V.V. Vinogradov lays the basis of the theory of the literary language. Different problems of formulation of language personality are touched upon by them in such works as "Materials and investigations in the field of historical lexicology of the Russian literary language", "Word and meaning as the subject of historical lexical study", "Notes on

lexis of "Life of Savva Osveshenniy" and others. V.V. Vinogradov considers the history of formulation of national Russian literary language in the context of formulation of Russian culture as a whole. History of the formulation of Russian language personality thus, is analyzed on the ground of formation of norms of the national Russian literary language. U.N. Karaulov carried out a special investigation on the phenomenon of language personality. It is worth mentioning that in the book called "Russian language and language personality he speaks about historical perspectives of forming the idea of language personality as one of the central theme in linguistics. U.N. Karaulov determines four paradigms in the history of linguistics: historical, social, psychological and system-structural paradigms. U.N. Karaulov determines the paradigms taking the domination of general imagination on the object into consideration. So, he reminds the words of G. Paul on the fact that language is all through historical [1, P. 12] and speaks on the fact that the sense of historic understanding of the language was dominating in the XIX century, accordingly, it was possible to determine the historic paradigm. At the beginning of the XX century, interest to the psychology of the language increased and consequently, psychological paradigm was formulated. F.de Sosseur determined such thesis as "language is all through a system", successively, systematic and social paradigm in linguistics [1, P. 14]. As we see, here we deal with a priority of ideas or even complication of interests to this or that side of language, but not on the paradigmatic meanings which was determined by T. Kun.

4. Realization of language personality through literary works

In this article we are interested by the manifestation, appearing on the obvious level of phenomenon of language personality of a writer. The object of investigation has been taken the literary material called "Diamond with the size of the hotel Rits" written by F. S. Fitzgerald. In the space of literary work each of the personages composes a certain language personality, i. e. historical-cultural consciousness realizing itself in the language. Here we are interested by the personality of the writer-narrator, which are revealed in the narrative, often in the subconscious level. In the quality of cultural prerequisite for the analysis we can mention that F. S. Fitzgerald emerged from well-equipped American family. Besides his great grandfather cousin had been the author of the anthem of the USA. So, the writer belonged to the people who had built up the country and mentality of its residents. He studied in elite teaching institutions, which left its imprints in his character.

Besides, many other things which were mentioned left undoubtedly their imprints on the character of the image of the narrator. Understanding of “narrator” possesses its specific peculiarities of which we think it necessary to mention. The matter is that the narrator acts as a formal category and clearly is opposed with the writer himself. Very often the narrator and narrated discourse are opposed with scientific discourse, because the narrator translates cultural tradition, while scientific discourse speaks about new occurrences and in this sense it is opposed with cultural standards. Thus, narrator in the natural manner introduces culture in his language. In this respect the role of narrator in the narrative of F. S. Fitzgerald in the highest degree is characteristic. The language picture of the narrator is revealed from the first lines of the narrative.

John T. Unger came from a family that had been well known in Hades — a small town on the Mississippi River — for several generations. John’s father had held the amateur golf championship through many a heated contest; Mrs. Unger was known “from hot-box to hot-bed” as the local phrase went, for her political addresses; and young John T. Unger, who had just turned sixteen, had danced all the latest dances from New York before he put on long trousers. And now, for a certain time, he was to be away from home. That respect for a New England education which is the bane of all provincial places, which drains them yearly of their most promising young men, had seized upon his parents. Nothing would suit them but that he should go to St. Midas’s School near Boston — Hades was too small to hold their darling and gifted son [6, P. 5].

Already this small introduction to the narrative is extraordinarily characteristic for the addressee of American history. The key signs of the discourse are such words as *Hades, several generations, golf championship through many a heated contest, from hot-box to hot-bed, political addresses, had danced all the latest dances from New York, away from home, respect for a New England education, bane of all provincial places, drains, seized upon his parents, nothing would suit them, Hades was too small to hold their darling and gifted son.*

As we see, too many words and expressions in the text perform the role of keywords. Some of them bear deep conceptual character. In the text even hipper reference are discovered intended for the highly — educated reader. For e. g. just with such hipper reference this introductory fragment ends. The expression *Hades was too small to hold their darling and gifted son* monosemantically relates to excited remark of Filip Makedonski, addressed to the son of Alexander, who had just curbed the rabid Butsefal: “Find yourself a reign, who is deserving you, my son. Macadony is too small for you!”

This fragment implicitly contains characteristics of elite American society. This is not position of narrator as a language personality, he does this easily and simply. But it also contains explicit ironical relation to this elite position. This is already conscious relation of the author as a language personality. The last sentence monosemantically characterizes this moment. The remark bears a veiled character, but it is absolutely obvious. Simultaneously it characterizes a person, having received a good education and having learned the history of ancient Greece.

The sentence produces an intertext, may it only indirectly relate to the situation in Ancient Macedonia. In the sentence keywords and concepts are distinguished. These are such words as *too, small, to hold, gifted and son.*

For the hipper mark it is an important fact that the city is not simply small but it is *too* small, because the word “*too*” directly is related to the “*son*”. Just for him it is not simply *small* but *too* small: “Macedonia is too small for you”. In this context the word *too* performs expressive load, as in the informational relation the word *small* is good enough.

If Alexander subjugated Bucephalus, then the associative sign here is the word “*gifted*”.

It is symbolical from the view point of language personality, as the bearer of a certain culture is already the name of the city Hades. It is not accidentally said that the basis of western culture composes two wholes: ancient culture and Christianity. *Hades* means Aid, under earth rain or rain of the dead. Association with ancient Greek Aid is absolutely obvious. In the explicit level only the name was introduced, moreover, being the sign of cultural comprehension, Hades makes demanded very large volume of grounded information. It is clear that much depends on the comprehension of the addressee, but not depending on the addressee and on the degree of his comprehension the sign *Hades* introduces the whole volume of culture and culturological information.

5. Two directions in the formulation of associative space

Despite the fact that *Hades* possesses one and the same denotant in the significative level, it is possible to distinguish two directions, each of which formulates its own associative space. So, the first associative direction forms significate “reign of the dead”, but the second forms — “under earth reign”. In both cases for the ancient Greeks one and the same associative mechanism works. But in the space of the literary text both directions are actual, because they swing about different semantic field.

Hades is associated with the reign of the dead, because the author considers the high society of this city

to be dead but not those of simple people. Herein, by the way, and bible association is associated as well. For e. g. when the Christ calls his pupil to go with him, he says that he will bury the father and will follow him, Christ tells him: "Come after me and let the dead bury their dead (The Gospel from Matfey, 8:22).

This place of the Gospel is never understood monosemantically. Those who are far from the truth, the Christ calls them the dead. Let's also recall the well-known expression of Marcel Prusta, who said that "life is only effort in time". Putting them in other words, when a person enjoys life, he/she doesn't simply live. So, in the western European culture and in mentality impressions on the life have been formulated as the way of efforts, directed to achieve great results. Simple life, without tense physical and spiritual labor is understood as being, existence. In this case semantic field swinging about the concept "reign of the dead" is specially actualized by the author.

The most important side of the thing is that it is spoken not about the dead, but about their reign. Reign is associated with government, i. e. herein there is not simply a graveyard, where the dead lie, but the government, where they carry out certain jobs, they rule over, argue, consider themselves higher or lower someone and even dream of something. There no attempt as to time. Consequently, there is no life at all. Perhaps just this dim feeling of absence of life compels the parents to think that this city is too small for their son and is not able to take their son in with all his talent.

The Concept of "under earth reign" as it was noted, in the actual context is not identical with "reign of the dead". This concept is known before everything to characterize the territory in which to live is unbearable. It is not occasional that further on, in the text it is spoken about John in school and each time they asked him, how they live below, isn't it too warm for them?

Both context and their actualization in the context monosemantically characterize the author's mentality, more exactly, introduce him as a personality, formulated directed under the influence of European spiritualism. It is also important to mention the interweaving of mythological, historical and Christian motives with one another. Another characteristic detail is that this information bears hidden character and is discovered only as a result of hermeneutical analysis. It might seem to be quite a neutral expression *several generations* which absolutely, monosemantically characterizes the author, but it characterized already as a typical American, and moreover it characterizes him as a representative or as off spring of elite American family.

Understanding the fact that culture is the gaining of many generations, always characterized west European mentality and differed it from the understanding of world of many other peoples of the world. For e. g. great Russian poet Pushkin always compared Russia with Western Europe in this respect and came to troubled consequences. He considered that disrespect to the names of saints (is the first sign of illiteracy and weak mindedness) unfortunately is considered in our country as not only permissible but also praise worthy.

6. Economic background determining the language personality

In the quality of the most important economic background of English conservatism it is necessary to remember the right of primogeniture. Just the right of primogeniture laid historical-economic foundation of those cultural traditions, which brought the western Europe to blossom. Speaking on the fact that John came out from a family which during several generations took advantage of the reputation and respect of Hades, F. S. Fitzgerald makes an extraordinarily serious motive. In the context of the very discourse, which the author has created the expression *several generations* denotes that John's family was one of the families which created this Aid. Consequently, they were the bearers of the culture which characterized this place.

Expression of *golf championship* monosemantically characterizes the author as a language personality. Even it is difficult to determine as to the context that pointing to this condition bears non-conscious narrative character, or it is a conscious designing, the peculiarity of the personage characterizing him as the representative of a certain culture and the representative of the class of this culture. Golf is the game played by wealthy Americans, that's why just the word *golf* in the conscious of knowledgeable addressee monosemantically is associated with America and with Americans. Another substantial detail lies in pointing to the father of John who for several years repeatedly kept the first place in golf playing. This is not a neutral information. Implicitly introduced signal speaks of the fact that John's father spent much time and energy in golf playing otherwise he could no longer keep the first place in the golf championship.

The expression *heated contest* in itself in the neutral context wouldn't speak of anything. Nevertheless this expression is necessary to be analyzed in the context of the taking place discourse. The keyword here is certainly, *heated*, because it is associated with Hades and enters the paradigm with the sign, denoting "heat", "fire", "intolerance" and so on. Just this paradigm includes also the expression *from hot-box to hot-bed*. Here it is spoken

on the fact that John's mother reported with a political speech which was distinguished with its emotionality and storminess. The expression *hot-box* denotes steamerpot, hot-bed — heated covered place where plants are grown-panic. As we see the theme of "heat" is continuing and is strengthening.

Absolutely, the expression of political addresses might seem a neutral expression and also it discovers close link between cultural-historical context and monosemantically characterizes language personality of the narrator. The mentioned word combination can be considered absolutely ordinary from the point of view of not only Americans, but also western European culture as a whole. This culture is directly linked with the phenomenon, which in the west is called the history of Democracy. Making reports with political speeches in the ancient Greece is an ordinary phenomenon, which became the highest standard in the social life of just in the United States. A special expression to the theme is brought by a female character, being a part of social debates. Ground information standing behind this sign differs both as to the volume and as to the quality, because simultaneously history of female movement appears to be demandful, particularly in suffragette.

So, Misses Anger was known from boiler still hot-bed workers with his political speeches. With one hint F. S. Fitzgerald creates typical character of American provincial survivor of middle prosperity or even local aristocratess.

In the American culture during the whole twentieth century special place occupies dances. This type of art was used with special popularity, simultaneously ability to dance fashionable dances was considered as a visiting card of modern person. F. S. Fitzgerald speaks about the young Jhon informing that *he had danced all the latest dances from New York*. It is very important here to mention that he danced all the latest dances, i. e. new dances and especially those dances which came from New York. Implicit information is so that John having appeared in New York, would wipe his nose by the capital dandies. One more witness is that Hades is too small for that city.

The phrase sounding on the necessity to leave the house which possesses no special meaning at all acquires symbolical sounding in the context of American culture. The phrase in the type of *away from home* is not only the mere standard of American literature and cinematography, they reflect the language map of the world. Here the main role is played by the constituent part *away*. Perhaps it would be true to understand this phrase in accordance with the internal form of this word: *прочь из дома*. This expression

too sends great volume of cultural information. American pioneers are called pioneers just for this reason, who toured all through the country by carts. The character of the courageous pioneer is known to us in the novels of F. Kuper, J. London and other writers which up to now excites the American youth. So John's house acquires new sense in the context of American history of mastering the wild west.

On the ground of above considered expression *respect for a New England education* appears to be quite innocent. The phrase really bears universal character. The matter is that in all times wealthy provinces were considered as the provinces to be closed space for themselves, meaning monosemantically as failed fate. All the provinces in all times made attempts to go out of the "frames" of the provinces. Unless they managed doing themselves then it was needed to make attempts for the children. Consequently piety before the central education was an ordinary case. But and in this case, in the considered phrase lies great ground.

It is peculiar for the Americans kneeling down before the civilization of their own. But in the western consciousness civilization always was associated with education, then it becomes clear, that respect for a New England education is quite objective law. Certainly, ground information includes the imagination on the serious capital investment for the education, which is as much as in America. The standard situation is so, that activity, into which much money is invested, is extraordinarily attractive. No matter how rough and how practical the Americans seemed to look, in the eyes of Europeans, just Americans thought of investing great capital into the work which brings profit after only ten years.

When Fitzgerald speaks on the respect for a New England education, he means to say not only ordinary longing for the ordinary for the society of the mankind, but giving children a good education. The keyword for the demand for the information background is *New English Education*. The carried out analysis shows, that here it is spoken just on the attitudes of Americans culture to education and science.

Simultaneously American thinking compels the writer consciously appreciate the situation. He understands that longing to go out of the borders of his own cultural environment, his life in his primordial environment objectively brings him to *bane of all provincial places*. Longing for education in this form, which is characteristic for the America makes the best ones leave the provinces and in the true meaning of the word run away from home.

This situation is familiar to us even on the novel of O.de Balzac. It is good enough to remember only

Rastinyak and Loosen de Rubampre. Thousands of youths leave their houses with the hope of subjugating Paris. Today this theme is exploited by the Russian cinematographs. Despite the universality of the theme, its all humanist character, we think in the narrative of F. S. Fitzgerald she actualizes purely American space-time information. All American Patriotism compels F. S. Fitzgerald at the same time to have pity on the fact that piety to the education in the New England in the true meaning of the word dries up the province. The writer as all the other patriots, ideals wants all the American lands to develop parallelly.

Certainly it is not accidental that in this context such an expressive word as *drain* was used. The level of Textual expression directly characterizes the attitude of the writer to the described fact. Longing for receiving just new English education dries up the provinces.

In this context it is necessary to interpret also quite an ordinary expression on the fact that the mentioned *longing* gripped the parents of John too. Such an impression meaning "*seized upon his parents*" means to appear at the feet of a wild animal.

In this context *nothing would suit them* is the objective completion. Simply this phrase on the ground of all which was said, extreme snobbism is characteristic. Americans and today think that nothing in the world

passes for them, neither nothing goes with them, no matter what comparison it might be.

6. Conclusion

"Language personality" introduces one of the most actual conceptions of modern linguistics, which can be considered a new conception. In the formulation of the term language personality M. Haydegger's role is great and that's the reason we have supported his thoughts.

From the Russian writers V. V. Kranish and V. V. Vinogradov have managed developing the concept of language personality.

Investigations show that the role of Christianity and ancient Greek philosophy had great impact in formulation of civilization.

In the formulation of language personality economic background plays great role. That's the reason why we have taken F. S. Fitzgerald as the object of our investigation. F. S. Fitzgerald emerged from a well-equipped American family. Besides his great grandfather cousin had been the author of the anthem of USA.

The carried out analysis creates a certain imagination on F. S. Fitzgerald himself as a language personality.

It becomes obvious that language personality is before everything a cultural-historical personality, introduced in the language. Moreover language shows itself as if the only means of manifestation of personality.

References:

1. Karaulov U. N. Russian language and language personality. – M.: Science, – 1987, – 264 p.
2. Krasnikh V. The Basis of Psycholinguistics and the theory of communication. – M.: ITDQK "Gnozis", – 2001, – 270 p.
3. Rozental D. E. Practical stylistics of the Russian Language. – M.: Vishaya shkola, – 1977, – 316 p.
4. Haydegger M. Being and Time. – M.: AD MARGINEM, – 1997, – 452 p.
5. Shimmel A. The World of Islamic Misticism. – M.: Aleteya, Enigma, – 1999, – 416 p.
6. The Stories of F. Scott Fitzgerald. NY: Charles Scribner's sons, – 1954, – 473 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-12-15>

Vukolova Ekaterina Vladimirovna,
Alfred Nobel University,
lecturer, Department of Applied Linguistics and Methods
of Teaching Foreign Languages
E-mail: high-flyer86@mail.ru

Representation of lexical-semantic peculiarities of the Pittsburgh Speech: impact of social status

Abstract: The present paper deals with the peculiarities of the lexical units' usage of the Pittsburgh Speech due to the social status of the English-language-speakers. Five sense-groups of words appropriate

to each social class (working, middle and upper classes) have been determined: “production materials”, “working tools and equipment”, “working process”, “medicine and education” and “art”.

Keywords: Pittsburgh Speech, social status, speakers, sense groups, working class, middle class, upper class.

The significant difference in the English language usage in the city of Pittsburgh is defined not only by gender and age peculiarities of speakers but their social status. Traditionally, the Pittsburgh Speech is associated with the working class, its way of life, activities and specificity of speaking. In fact, Pittsburgh Speech has been developing together with evolution of steel and manufacturing industry where the working class is largely involved.

Therefore the historical overview is necessary to show what kind of population segment was presented at this territory and why the Pittsburgh Speech was a bit sharp and barbarous.

The history says that the steel industry of Pennsylvania State in general and in Pittsburgh in particular began to develop in 1812. Since that time Pittsburgh has become one of the biggest cities in the USA. The population of Pittsburgh has been growing up to 500,000 people due to a great extent of immigrants, who have been employed in the works and plants of Pittsburgh and its surroundings. Naturally almost all of them came from the working class [5].

Thus non-standard specific “local language” has been appearing due to the fact that the majority of speakers were immigrants. According to Barbara Johnstone, the Pittsburgh Speech has inherited the influence of Scottish and Irish dialects but not the Standard English [1].

“Explosion” of population in the city of Pittsburgh and its surroundings and the opportunities for the immigrants to be employed in the industry caused the local language correlation’ in 1960-s and gave the starting point to the formation of working class belonging of all speakers. Thus, 1960 could be determined as the year of establishment and formation of the Pittsburgh Speech. However this unique speech was not widely appreciated by the community. There were people from the upper class who referred to the Pittsburgh Speech with the prepossession and did not want to react or speak this very language [1, 88].

Further growth of steel industry, active migration, inflow of population and demographic changes in Pittsburgh has helped to develop the lexical data of the Pittsburgh Speech. The succeeding generation has been developing their regional and class consciousness which has become the source of dialectic words.

As a result of all mentioned above there has been appearing and actively using the unique Pittsburgh lexical

units which we divide into several **sense-groups**. The first one can be determined as the **“Production materials” (A)**: *Alunamin – Aluminium; Arn – Iron; Carbon Oil – Kerosene; Concreek – Concrete; Erol – Oil; Still – Steel; Oral – Oil; Sheetrock – Drywall; Wahr – Wire;*

Skwi-et – Skillet; CEEE-ment – Cement; Hork – Steel; Cender truck – Cinder truck; Greeze – Grease; Mannies – Marbles; Bob wahr – Barbed Wire [3].

The examples of the given lexical units’ functioning could be used in the following sentences:

“Da concreek is strong enough. Do not worry!”

Derived from: *“The concrete is strong enough. Do not worry!”*

“This wall is made from sheetrock”

Derived from: *“This wall is made of drywall”*

“One can buy da best still only in Burgh!”

Derived from: *“One can buy the best steel only in Pittsburgh”*

“I need to change da tahr in my car”

Derived from: *“I need to change the tire in my car”.*

The second sense-group of the Pittsburgh Speech is the **“Working tools and equipment” (B)**: *Still Mills – Steel mills; Iron city – Pittsburgh; Clodhoppers – Work boots; Hoosafrazt – Mechanical Device; Toll – Tool; Plowers – Pliers; Cucky – An organic goeey substance [3].*

Those lexical units could be met in different language situations:

“Iron city is da place where I am living and working”

Derived from: *“Pittsburgh is the place whare I am living and working”*

“I will wear my clodhoppers a take my toll”

Derived from: *“I will wear my work boots and take my tool”*

“Still mills in a da city are functioning since 1875”

Derived from: *“Steel mills in the city are functioning since 1975”*

“Working process” (C) – sense-group is marked as the third one. The representatives of the working class often use the specific words directly in connection with the working process. The following words could be indicated among this group: *Dooder Jobs – Do their job; Tahrarn – Tire iron; Cinstruction – Process used to build and repair things; Tet-ni-kal – Technical; Cadillac converter – Catalytic converter; Masonry – Masonry [3; 2; 4].*

The words related to the working process are demonstrated in the sentences as the examples of the usage and their functioning in the Pittsburgh Speech: *“Yinz guyz*

need to git da cadillac converter fixed if yinz'r gonna pass da test!" Derived from: "You guys need to get the catalytic converter fixed if you are going to pass the test"

"We dooder jobs every day"

Derived from: "We do our jobs every day"

"Da masonry was made last month"

Derived from: "The masonry was made last month"

The important data for the Pittsburgh Speech development is the period of 1970–1980 when a major setback took place in the industry. At that time a lot of enterprises in the steel industry were closed and their workers were paid off. The population size was sharply reduced up to 311,000 people. Education, medicine, high technologies, financial services became the main spheres of economic activity [5]. In such a matter, the necessity of high-qualified employees able to work in the new economic conditions was appeared. All at once plenty of representatives of the working class had to leave their working places and find another work. Therefore, the middle and upper classes were enhanced their positions in the city and as a result the usage of the Pittsburgh Speech became less popular and widespread. 1980 was the end of the main migration wave when the most part of local metallurgical plants were finally closed.

With the medicine and university education gaining the leading positions in the city economy, a lot of students and high-qualified experts came to Pittsburgh from different states of the USA. Having communicated with each other and local speakers, representatives of the middle and upper classes began using peculiar Pittsburgh lexical units related to education and medicine. They are as followings:

Am-blee-unce – Ambulance; *Angioplastic* — Angioplasty; *Artheritis* – Arthritis; *Caw-idge* — College; *Liberry* — Library; *Lice-ness* — License; *MU-se-um* — Museum; *Peel* – Pill; *Newkyaler* – Nuclear; *Dennis* — Dentist; *Dinge* — Tooth; *Fiscul Thirpy* — Physical Therapy; *Quirpracter* — Chiropractor; *Skull* — School [3, 2].

The above mentioned words functioning in the sense-group of "**Medicine and education**" (D) could be supported by the following examples:

"Pittsburgh caw-idge has a very good liberry. You can use it"

Derived from: "Pittsburgh College has a very good library"

"I will go to da dennis to cure my dinge"

Derived from: "I will go to the dentist to cure my tooth"

"I will take a pell, there is no need to call the am-blee-unce"

Derived from: "I will take a pill, there is no need to call the ambulance"

"His grandmother has a terrible artheritis"

Derived from: "His grandmother has a terrible arthritis"

The changes in the economy orientation of Pittsburgh attracted the representatives of the so called "creative intellectuals". Cheap accommodation, rooms for ateliers and offices in the former industrial quarters made the opportunities for young representatives of professions like artists, designers, musicians and other "creative" professions to stay in the city after graduating from universities. These English-language-speakers recognized the regional peculiarities of the speech, having interacted with the local population, realized the iniquity of the Pittsburgh Speech. They began to use some of peculiar lexical units. This was done to present their local identity and demonstrate knowledge of the Pittsburgh Speech [2, 94]. So, the next group of our classification could be determined as "**ART**" (E). Lexical units used by representatives of the so called "creative intellectuals" are also related to their activity: *Cammra* – Camera; *Gum* – Eraser; *Keller* – Colour; *Pin* – Pen; *Pitcher* – Picture; *Videoin* – Videotaping; *Cammra* – Camera [3, 4].

Below one could find the demonstration of these lexical units functioning in the following sentences:

– **lexical units of artists:**

"Give me that pin, I want to change da sketch of my pitcher"

Derived from: "Give me tah pen, I want to change the sketch of my picture";

"Da keller of dis pitcher is very pleasant"

Derived from: – "The colour of this picture is very pleasant".

– **lexical units of musicians:**

"During we were videoin for my new song 4 cammras were working"

Derived from: "During we were videotaping for my new song 4 cameras were working".

– **lexical units of cinematograph:**

"Are yinz gonna be videoin the Stiller game?"

Derived from: "Are you going to videotape the Steelers game?"

The "economic explosion" in Pittsburgh in the period of 1970–1980 meant the significant raise of geographical migrant mobility and became the reason for the Pittsburgh dialect levelling that forced to interact between dialect itself and self-identity. Indeed, the local industry had transferred to the region where the working labour = man power was cheap; working people and their families who had been living in Pittsburgh for ages had to change their residence to find a job. The language of Pittsburgh citizens at their new places was really unusual and sometimes provoked laughter. Thus it was the next turn in the

formation of the Pittsburgh Speech: people have been realizing the unique character of this phenomenon and necessity of its protection and conservation. The diasporas where the Pittsburgh Speech has been using, started to be formed in some regions of Pittsburgh. The majority of the diasporas were working people. As a result the connections between the local dialect and social identity were significantly changed.

Thus we can determine three social classes in Pittsburgh society:

- working class (workers of industrial enterprises);
- middle class (teachers and doctors);
- upper class (artists, musicians, actors etc).

Each social class could be characterized by their own vocabulary related to their professional activity:

– *working class often uses the vocabulary related to materials production (A), working tools and equipment (B) and working process (C);*

– *middle class is often related to the education and medicine spheres (D), so their speech is full of terms connected*

with their work: hospitals, diseases, educational establishments and studying process as a whole.

– *upper class or “creative intellectuals” whose sphere of activity is related to art, cinematography, music (E) and other, often use the appropriate for their work vocabulary.*

Our scientific materials show that the speech of namely working class has been inclined to the usage of dialectisms to a far greater degree than the middle and upper classes.

At present it could be said that the local dialect is mostly considered as the tool of regional identity and self-identity with the city but not identification of the English-language-speakers with the social status which has taken a back seat.

Globalization and modern culture have been forcing the representatives of different social classes to integrate. This process reduces sharply the language distinctions between them (social classes). We consider the Pittsburgh Speech not to have the widespread usage in future, but its conservation should become the lifework for all classes of population in Pittsburgh.

References:

1. Johnstone B. Mobility, Indexicality, and the Enregisterment of “Pittsburghese”/B. Johnstone, J. Andrus, A. Danielson//Journal of English Linguistics.– 2006 – Vol. – 34. – No 2. – P.77–104.
2. Pittsburghese Glossary: Nouns [e-source]//Pittsburghese.com. – Access mode: <http://www.pittsburghese.com/glossary.ep.html?type=adjectives>
3. Pittsburghese Glossary: Nouns [e-source]//Pittsburghese.com. – Access mode: <http://www.pittsburghese.com/glossary.ep.html?type=nouns>
4. Pittsburghese Glossary: Verbs [e-source]//Pittsburghese.com. – Access mode: <http://www.pittsburghese.com/glossary.ep.html?type=verbs>
5. Pittsburgh an American city of bridges [e-source]. – Access mode: <http://socialskydivelab.com/pittsburg/>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-15-18>

*Derenchuk Nataliia Viktorivna,
Vinnytsia State Pedagogical University
named after Mykhailo Kotsiubynsky,
postgraduate student of the Faculty of Philology and Journalism
E-mail: harita-19@mail.ru*

The influence of lingual representants on image formation of the modern Ukrainian politician

Abstract: The article considers the study of the communicative aspect of Ukrainian political discourse. The paper deals with the functional characteristics of speech of politicians, as well as their influence on the formation of the image.

Keywords: political discourse, image, political speech, the linguistic portrait, communicative aspect.

*Деренчук Наталья Викторовна,
Винницкий государственный педагогический
университет им. Коцюбинский,
аспирант факультета филологии и журналистики
E-mail: harita-19@mail.ru*

Влияние языковых репрезентантов на формирование имиджа современного украинского политического деятеля

Аннотация: Статья посвящена изучению коммуникативного аспекта украинского политического дискурса. В работе рассматриваются функциональные характеристики речи политиков, а также их влияние на формирование имиджа.

Ключевые слова: политический дискурс, имидж, политическая речь, языковой портрет, коммуникативный аспект.

Известно, что в политическом дискурсе действуют общепринятые законы, которыми субъект политической деятельности должен руководствоваться. В то же время политик характеризуется как уникальная личность, с собственными оригинальными мыслями и риторикой. Он должен иметь свое видение той или иной общественной или государственной проблемы, а, соответственно, и собственное решение. Политик использует те языковые средства, которые являются наиболее оптимальными в условиях достижения определенной цели с учетом выбранной стратегии. Все это формирует политический образ, черты которого являются одновременно оригинальными и узнаваемыми, характерными только для этого субъекта политики.

В последнее время наиболее используемым словом в отношении образа политика (и не только) есть понятие «имидж». Это слово, заимствованное из английского языка, является многозначным по своей сути и может толковаться как «образ, мотив, роль, ампула, маска, типаж, мода, установка, фасад, репутация, лицедейство, прогнозируемое ожидания» [1, 383]. Российская исследовательница Т. Романова определяет имидж «в широком понимании как обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности. Имидж возникает только тогда, когда носитель имиджа становится «публичным», когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия» [3, 109].

Ученые начали исследовать явление политического имиджа еще в XIX в., обращая внимание на политологический и культурологический аспекты его анализа. Лингвистический подход начали применять совсем недавно. В частности, в украинском языкознании такие исследования только начинают приобретать актуаль-

ность. Такая ситуация только усиливает потребность разработки в украинской языковедческой науке механизма исследования имиджа современного политика. Значительно большие успехи наблюдаем в русском языкознании, где проблемой политического имиджа, в частности коммуникативным аспектом, занимаются Е. Калужная, М. Кошелюк, Т. Романова, А. Савицкая, И. Сушненкова, Ю. Таранова, И. Шабунин и др.

Коммуникативный аспект политического имиджа базируется на особенностях языковых репрезентантов, которые тот или иной политик использует в своем дискурсе. Разные коммуникативные функции реализуются благодаря языковым средствам, адекватность выбора которых влияет на политический успех.

В. Гумбольдт считал язык «непосредственной действительностью мысли» [2, 68], что наталкивает на вывод о зависимости внешнего речевого образа личности от ее психологических, внутренних склонностей. Мнение предшествует речи, а, следовательно, определяет характер дискурса, в свою очередь формирует языковой портрет человека, который является неотъемлемой частью имиджа, в том числе и политического. Языковая линия политического имиджа, включая в себя грамматические, лексические и синтаксические средства, дополнена речевой составляющей, в которую входят коммуникативные стратегии, тактики, приемы, составляющие целостную картинку коммуникативного имиджа современного украинского политического деятеля. По И. Стернину, под коммуникативным стилем следует понимать долгосрочную коммуникативную роль индивида [4, 100]. Иными словами политический имидж в области лингвистического анализа выглядит как определенная совокупность более или менее стабильного набора языковых средств, которые

закрепляються за публичним лицем як свойствен-
ные именно ему.

На этом этапе нашего исследования сделаем попытку углубиться в специфику коммуникативного имиджа современного украинского политика, проанализировав конкретные авторские дискурсы. Необходимо выяснить, каким образом языковые репрезентанты определяют характер того или иного политического образа. Понятно, что язык — главное средство реализации любой политической идеи или проекта, поэтому любой политический имидж — это прежде всего коммуникативный имидж.

Популярности на современном этапе развития украинской государственности набрал образ политика-патриота. Очень часто чиновники пытаются деперсонализироваться (слиться с народом), применяя при этом личную форму «мы». Такие формулировки направлены главным образом на то, чтобы привлечь себя к общественным процессам, подтвердить свою солидарность с общественностью: «І впевнений, якщо ми зможемо об'єднатись заради країни, заради великої мети, ми переможемо. Слава Україні!» [5]. А. Парубий известен как активист Майдана, личность с устойчивыми национально-патриотическими убеждениями. Националистический лозунг, который обычно использует политик в своих речах, уже стал традиционным и часто является определенным манипулятивным инструментом для массового сознания, например, как в риторике П. Порошенко: «... я впевнений, все буде добре! Дякую вам і слава Україні!» [5]. Вполне возможно, что фраза «слава Україні» является показателем, который указывает на факт возможного доверия тому или иному политику. Соответственно, субъект использует такие конструкции с целью утверждения собственных патриотических убеждений, или же, наоборот, с целью завуалировать, скрыть истинные убеждения, то есть создать искусственный имидж.

Типичным для образа украинского политика есть использование фраз с атрибутом «европейский». Сформировался ряд клишированных языковых конструкций, воплощающих основные тенденции евроинтеграционного направления украинской политики: европейская политика, европейские ценности, европейские стандарты, европейский уровень жизни и т. д. О. Богомолец отличается от общественных деятелей последовательной направленностью на тесные взаимоотношения с Европой, поэтому часто в своей речи использует те формулировки, которые стали уже, так сказать, положительными раздражителями общественного сознания: «Прошу вас на цьому тижні підтримати

розвиток і наближення української системи охорони здоров'я до європейських стандартів» [6].

На противоположной позиции находятся образы украинских оппозиционеров, ведь закономерно, что их риторика направлена против провластных партий. Это объясняет наличие в речи этой группы политиков таких конструкций, как: «правительство не в состоянии», «отсутствуют конкретные решения», «власть не интересуется мнением граждан» и др. К примеру, Ю. Бойко отличается тем, что он есть одним из самых влиятельных оппозиционных политиков, который уверенно критикует своих оппонентов, предлагая свои решения: «... крім голослівних виступів парламент не приймає ніяких конкретних рішень для покращення ситуації» [6]. А. Вилкул в целом достаточно жестко характеризует деятельность правительства, прибегая к эпитетам, которые выходят за рамки экономического дискурса и, вероятно, не совсем соответствуют реальной ситуации (поскольку мы имеем в виду анализ политиком государственного бюджета на 2017 год): «Шановний народе України, ніде в світі немає такого, щоб бюджет обговорювався на кожній кухні. Люди вже ненавидять цю владу і бояться кожного її наступного року, адже життя стає все гіршим і приклад цього — бюджет, бюджет геноциду на 2017 рік» [7]. Пафосное обращение «народе України» (нехарактерное для имиджа этого субъекта во времена предыдущей власти) звучит из уст многократно дискредитированного политика как своего рода насмешка, содержит скрытую иронию. Соответственно, такое неестественное изменение риторики может толковаться как «одевание маски», введение в заблуждение с целью дискредитации оппонентов.

Среди современной украинской политической элиты можно найти немало образов, резко отличающихся эксцентричностью, в какой-то степени эпатажем. В политологии такое явление называют популизмом, имея в виду заигрывания с так называемым средним классом, то есть с простыми гражданами. Сейчас, на наш взгляд, самым ярким образцом такого типа политической риторики в Украине есть О. Ляшко. Его речь демонстрирует прямую апелляцию к любому гражданину, который на самом деле считает, что он «горбатится за копеечную зарплату»: «... мені баба Маня в селі підказує, яка прогорбатила все життя — і 940 гривень пенсії! Мені дід Іван підказує на заводі, який сталеваром пропрацював...» [8]. С помощью просторечной лексики, часто с добавлением вульгаризмов, политик пытается приблизиться к обществу, заговорить на языке народа. Общеизвестным является его призыв вынести на вилах депутатов из парламента. Конечно, воспринимается такая риторика как

правда, как что-то близкое и понятное, ведь такие мысли переполняют народное сознание. Анализируя политический имидж популиста, понимаем, что приходится иметь дело с коммуникативной имитацией. Политик генерирует информацию, выдвигает идеи не ради того, чтобы все это воплотилось в жизнь, а ради собственных интересов.

Итак, современная украинская политика — плюралистическая. Соответственно, массив политических образов слишком разнообразен, чтобы понять его в рамках одной статьи. Эта часть общественно-политической жизни выглядит перспективной в аспекте лингвокогнитивных исследований.

Список литературы:

1. Борисов Б. Л. Технологии рекламы и PR: учеб. пособие/Б. Л. Борисов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, – 2001. – 624 с.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества//Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: [пер. с нем.]/В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, – 2000. – С. 37–297.
3. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика/Т. В. Романова//Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27) – С. 109–117.
4. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие/И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, – 2001. – 227 с.
5. URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6284.html>
6. URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6345.html>
7. URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6298.html>
8. URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6067.html>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-18-22>

*Dorofeyeva Margarita,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Institute of Philology, PhD, associate professor
E-mail: margarita-dorofeeva@hotmail.com*

System modelling in the specialized translation synergetics: practical aspects

Abstract: The paper is devoted to the peculiarities of system modelling in the specialized translation modelling. The synergetic modelling stages of the specialized translation system as a part of synergetic methodology in the specialized translation theory are presented. The original synergetic method of translation comparative text analysis is proposed.

Keywords: synergetic modelling, specialized translation, synergetic methodology, synergetic specialized translation system model, synergetic informative method of the translation text analysis.

*Дорофеева Маргарита Сергеевна,
Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: margarita-dorofeeva@hotmail.com*

Моделирование системы в синергетике специального перевода: практический аспект

Аннотация: Статья посвящена особенностям моделирования систем самоорганизации на примере перевода специальных текстов. В работе представлены этапы синергетического моделирования

системы специального перевода как часть синергетической методологии исследования специальной теории перевода. Описывается авторская синергетико-информационная методика сравнительно-переводческого анализа специальных текстов.

Ключевые слова: синергетическое моделирование, специальный перевод, синергетическая методология, синергетическая модель системы специального перевода, синергетико-информационная методика переводческого анализа текста.

Ключевой задачей разработки синергетической методологии исследования объекта в специальных теориях перевода является создание модели системы специального перевода (ССП) для разных типов специальных текстов. Механизмами реализации упомянутой модели могут служить синергетические алгоритмы сравнительно-переводческого и предпереводческого анализа специальных текстов, с помощью которых достигается повышение качества специального перевода, а также объективность оценки результатов перевода.

С целью решения поставленной задачи необходимо рассмотреть общие синергетические принципы моделирования поведения самоорганизующихся систем, в том числе и перевода, в их фазе Становления. Конструктивные принципы Становления системы включают, в первую очередь, динамическую иерархию (эмерджентность). С точки зрения В. Г. Буданова, эмерджентность представляет собой обобщение принципа подчинения Г. Хакена по отношению к процессам становления, то есть рождение параметров порядка во время кооперативного взаимодействия более чем двух уровней системы. Фактически ученый отождествляет процесс Становления с процессом исчезновения и дальнейшего зарождения одного из уровней системы во взаимодействии не менее трех уровней иерархии системного объекта [2, С. 59].

Следующим принципом, составляющим основу синергетического моделирования систем, является принцип наблюдаемости. В синергетике его определяют как зависимость интерпретаций от масштаба наблюдения и ожидаемого результата [2, С. 62]. По мнению В. И. Аршинова, принцип наблюдаемости подчеркивает ограниченность и относительность наших представлений о системе в результате исследовательского эксперимента [1, С. 23]. С нашей стороны добавим, что принцип наблюдаемости полностью соответствует нормам неклассического типа научной рациональности, предложенного академиком В. С. Степиным в рамках концепции глобальных научных революций [6, С. 318].

Согласно закономерностям данного типа научного познания результат эксперимента (знания об объекте) зависит от инструментов его исследования.

Иначе говоря, ответ на исследовательский вопрос обусловлен способом постановки задачи и масштабом наблюдения [4, С. 51].

В процессе синергетического моделирования системы специального перевода можно выделить несколько этапов. Названные этапы, по В. Г. Буданову, охватывают: 1) постановку задачи для конкретной дисциплины в сочетании с междисциплинарной экспертизой; 2) перевод внутридисциплинарных понятий и эмпирических данных в тезаурус синергетики; 3) обнаружение базовых процессов, обратных связей и принципов синергетики на эмпирическом материале; 4) взаимное согласование принципов синергетики на практике, в результате чего возникает «кольцевая причинность»; 5) построение структурно-функциональной когнитивной модели; 6) конструирование формальной динамической модели; 7) создание «реальной» модели; 8) математическое решение модели; 9) интерпретация результатов эксперимента; 10) корректировка модели на любом из этапов разработки с целью замыкания герменевтического круга моделирования [2, С. 68–70].

Если рассмотреть приведенные этапы с точки зрения специальной теории перевода, следует подчеркнуть, что в контексте синергетики специального перевода на практике выполнимы лишь пункты 1–5 и 9–10. Обоснуем нашу мысль детальнее. В соответствии с первым этапом моделирования (постановка задачи) ключевым заданием специальной теории перевода считаем создание синергетической теории перевода специальных текстов. В свою очередь, конечной целью синергетики специального перевода является повышение качества перевода специальных текстов.

Ожидаемое повышение качества специального перевода может достигаться двумя путями. Первый путь состоит в разработке синергетической методологии исследования ССП для определения доминанты перевода исходного текста и минимизации переводческих ошибок на всех уровнях транслята. Второй путь включает мониторинг и оценку результатов перевода специальных текстов для обоснования правомерности переводческих решений и обнаружения механизма воздействия на когницию переводчика.

Оба пути оптимизации специального перевода реализуются на практике с помощью синергетической модели перевода, построенной по принципу двойного включения [3, С. 170].

Второй этап моделирования включает определение категорий общей и специальной теорий перевода в терминах синергетики, то есть перевод категориально-понятийного аппарата переводоведения в соответствующий аппарат классической синергетики. Смена тезауруса позволяет описать процесс перевода, используя терминологию синергетики, исследовать традиционные проблемы перевода в синергетическом ракурсе, и таким образом, предложить для них новые решения.

Третий этап обнаружения принципов синергетики на эмпирическом материале можно рассматривать на примере трех типов научной рациональности и практической реализации принципов Становления в переводческой деятельности [6, С. 318–337; 4, С. 52].

Четвертый этап взаимного согласования принципов синергетики на основе «кольцевой причинности» целесообразно представить в виде синергетической модели системы специального перевода [3, С. 169].

Вышеизложенное касается и пункта 5, который включает построение структурно-функциональной когнитивной модели. Такая модель является конечным представлением элементов, связей, структуры и функций системы с выбором системного конфигулятора в соответствии с поставленной задачей [2, С. 69]. В контексте синергетики специального перевода мы ассоциируем системный конфигулятор с понятием точки отсчета либо критерием построения синергетической модели.

Пункты моделирования 6, 7, 8 (см. выше) пока не представляется возможным реализовать на материале исследования перевода, поскольку они предусматривают разработку и создание математических алгоритмов в виде уравнений либо соответствующих компьютерных программ. Однако онтологические признаки перевода как системного объекта синергетики, среди которых нелинейность, незамкнутость и неравновесность, на данный момент не позволяют формализовать процесс перевода языком алгоритмов.

Пункт 9, предусматривающий интерпретацию результатов эксперимента, реализуется в рамках синергетической информационной методики сравнительно-переводческого анализа специальных текстов. Наконец, пункт 10, где речь идет о корректировке отдельных частей синергетической модели, остается перспективой дальнейших теоретических и прикладных исследований в русле синергетики перевода.

Поэтапно представим синергетическую информационную методику сравнительно-переводческого анализа (СПА) специальных текстов.

Первый шаг на пути СПА составляет (1) *анализ целевого текста* либо одного из вариантов множественного перевода исходного текста. На данном этапе необходимо выделить все места в тексте, непонятные для субъекта переводческого анализа. Выделенные фрагменты маркируют потенциальные нарушения межкультурной специальной коммуникации.

На втором этапе (2) *рассматривается исходный текст по критериям цели и аттрактора*. Во-первых, следует установить цель создания и применения оригинала в исходной ситуации специальной коммуникации. Установленная цель эксплицитно формулируется в виде пропозиции. Во-вторых, в соответствии с целью оригинала определяется аттрактор системы. Тут имеется в виду обнаружение видов информации в исходном тексте, предназначенной для передачи адресату, иначе говоря, доминанта перевода в межкультурной специальной коммуникации.

Третий этап синергетической информационной методики СПА (3) включает сравнение оригинала и перевода по точкам бифуркации, обнаруженным на этапе анализа целевого текста (1) и дальнейшего сравнительного анализа. На данном этапе субъект СПА устанавливает все расхождения между оригиналом и переводом как альтернативные выборы одного из путей развития системы переводчиком.

Следующий этап СПА (4) предусматривает представление данных с помощью таблицы 1. В таблице выполняется распределение точек бифуркации, обнаруженных в ходе анализа, по двум параметрам. Первый параметр формируют языковые уровни оригинала и их воспроизведение в переводе согласно иерархии переводческих решений, в частности, на уровнях словосочетания, предложения, абзаца. Вторым параметром таблицы включает распределение переводческих решений по графам «неустойчивое равновесие» и «отсутствие равновесия», поскольку именно эти переводческие отношения определяют возможность сохранения или разрушения всей системы специального перевода.

На пятом этапе СПА *рассматриваются конкретные случаи отсутствия равновесия в системе* (5). Для представления данных создается следующая таблица 2. С помощью таблицы субъект ППА распределяет языковые примеры отсутствия равновесия по типам информации, составляющим доминанту перевода исходного текста. Упомянутая операция помогает

установить тот тип информации, который вызывает информационный дефицит, и, как следствие, приводит к необратимым нарушениям межкультурной специальной коммуникации в переводе.

Шестой этап процедуры анализа (6) включает устранение информационного дефицита в переводе субъектом СПА. Так, если информационный дефицит переводного текста касается семантической (языковой) информации оригинала, субъект СПА обращается к словарям разного типа и формата представления.

При наличии дефицита коммуникативно-прагматической информации в переводе субъект СПА должен воспользоваться данным исходного текста. Косвенными источниками коммуникативно-прагматической информации часто служат так называемые метаданные (метатексты в терминологии П. Торопа) [7, С. 111–118]. В специальном переводе к ним относятся инструкции заказчика, данные об авторе, источник исходного текста, информация о целевой аудитории, вспомогательные печатные и мультимедийные материалы в форме презентаций, веб-страниц, рекламы.

Если факторы коммуникативной ситуации эксплицитно не представлены в оригинале, речь идет о дискурсивно-ситуативном типе информации — имплицитных категориях специального дискурса, релевантных для понимания перевода, но не раскрытых в переводном тексте.

Для устранения дефицита дискурсивно-ситуативной информации субъект СПА обращается к параллельным текстам того же специального дискурса на языке оригинала и перевода.

Дискурсивно-специальная информация в специальном тексте носит ключевой характер и всегда является доминантой перевода. Для устранения дефицита дискурсивно-специальной информации субъект СПА обращается к специализированным источникам знаний, среди которых терминологические базы дан-

ных, в частности, SDL Multiterm, терминологические стандарты языка оригинала и перевода, а также узкоотраслевые лексикографические и терминологические источники (см. исчерпывающий список) [5, С. 444–448].

Следует заметить, что в современных условиях профессиональной деятельности дефицит любого типа информации пополняется в первую очередь через поисковые системы в сети Интернет.

На седьмом этапе анализа (7) субъект СПА предлагает свой вариант передачи доминанты перевода на разных языковых уровнях с целью восстановления жизнеспособности системы специального перевода.

Восьмой этап работы (8) включает обоснование принятых переводческих решений с помощью ТАР — протокола (*Think Aloud Protocol*) по уровням динамической иерархии. Составление такого протокола выполняется методом когнитивной интроспекции. На основе протокола субъект СПА осуществляет реконструкцию всего процесса специального перевода, выясняет причины ошибочных прохождения точек бифуркации переводчиком и намечает пути верного переводческого выбора.

На последнем этапе анализа выполняется мониторинг и оценка результатов перевода (9). Субъект СПА сравнивает не только исходный и целевой текст, но и включает в процесс анализа результаты собственных исправлений, а также по возможности экземпляр перевода-эталона. Переводом-эталон для специальных текстов служит, как правило, официальный, в частности, авторизованный перевод, выполненный профессиональными переводчиками — участниками переводческого проекта. Перевод-эталон издается в виде текстового либо онлайн-документа, прошедшего экспертизу качества. По окончании мониторинга и оценки субъект СПА формулирует выводы и дает рекомендации по улучшению качества продукта специального перевода.

Список литературы:

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки/В. И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, – 1999. – 203 с.
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании/В. Г. Буданов. – М.: Издательство ЛКИ, – 2009. – 240 с.
3. Дорофеева М. С. Принцип подвійного входження як основа синергетики перекладу / М. С. Дорофеева // Вісник КНЛУ. Серія «Філологія». – Т. 19, № 2. – Київ: Вид. центр КНЛУ, 2016. – С. 166–174.
4. Дорофеева М. С. Некласичний тип наукової раціональності у синергетиці перекладу / М. С. Дорофеева // Science And Education a New Dimension. – Philology, – IV (21), – Issue: 98, – 2016. – P. 51–56.
5. Міщенко А. Л. Лінгвістика фахових мов та сучасна модель науково-технічного перекладу: монографія / А. Л. Міщенко. – Вінниця: Нова книга, – 2013. – 448 с.

6. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук/В. С. Степин. – М: Гардарики, – 2006. – 384 с.
7. Тороп П. Тотальный перевод/Пеэтер Тороп. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та: Tartu University Press, – 1995. – 220 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-22-28>

*Dunyamin Yunusov, Professor
Arabov Vahid, Associate professor
AUL, Azerbaijan
E-mail: xatireaslanova@yahoo.com*

Investigation of the Exclamatory Sentences (on the materials of the English and Azerbaijani languages)

Abstract: In the present article some theoretical questions related to the determination of place of the exclamatory sentences in the general system of the communicative types of sentences are discussed. The authors stress the fact, that the exclamatory sentences are vivid examples of the emotive syntactic units, built upon some definite models and dedicated first of all to the expressions of the emotional conditions and emotional relations of the subject of the speech. The complexity of the nature of the phenomenon of emotion and of its manifestation in the languages as well as the variety of the initial positions of one or other directions in linguistics condition the absence of the unanimous answer to the studied question.

The article has been written on the basis of comparative -typological method in the study of the languages (the English and Azerbaijani languages). The research work has been oriented on the study of the communicative types of sentences including the study of exclamatory sentences as a target matter. The main aim of the investigation is to make a short survey to the problem of determination of sentence, its communicative types and particularly focusing the main attention to the study of exclamatory sentences.

In the introduction of the article the scope of the study of the investigated problem is highlighted the main orientation of the research is determined.

In the part of the article called “consideration of sentence Theory” different view-points of the scholars of the world are enumerated, on the existing view points of the linguists some necessary considerations are made.

In the part of the article named “The status of the Exclamatory sentences”, which contains the main body of the article, thoughts spoken on the exclamatory type of sentence are critically studied and more attention of the authors are paid to the functional aspect in the determination of exclamatory sentence. The coauthors stress the fact that there are no pure communicative types of sentences, each of which may become or transfer to exclamatory sentence. All these considerations are illustrated both in English and Azerbaijani languages.

Keywords: communicative types of sentences, exclamatory sentence, paradigm, pragmatic aspect, classification.

1. Introduction

The main goal of sentence, as we know, is sending information and receiving the sent information which is mainly realized by sentences. As a final result a text is formed, which is an important issue for each language. Just as to this reason each bearer of the language having observed the sounding of speech and arrangement expressed by both of them acts as an informant. The objective laws

which a linguist, any bearer of the language studies every day blindly realize them in the speech. Thus, they form up sentences; change their compositions, makes additions to their speech make numerous experiments for being better understood. This process continues until the time when listener and speaker reach their aims.

It is well-known that traditionally syntax is determined as an instruction on sentences. It becomes clear

from the investigations that the founder of American structuralism L. Bloomfield in his scientific work, called "Language", notes morphology as a field covering words and parts of words, but he marks syntax as a field forming phrases [4]. But his follower H. Gleason determines syntax such: "Syntax generally may be determined as the principles of forming of combinations appearing in the word –forming and word –changing process" [8]. Determination of sentence remains disputable until now in linguistics.

Method of Investigation

We must note that in the study of the problem, usage of one method of investigation is not appropriate. This is linked with the fact that the thesis which is put forth in the article is not categorically proved. The authors move from inhibitory doubts born of surprises, disagreements and the like, and to reach a secure belief, belief being on that, on which the authors are prepared to act. That's why in the study of determination of exclamatory sentences we- the authors have chosen the usage of the **Method of tenacity** within the **Pragmatic Model**. To follow the systematization of theory and practice the method of deduction is used as well.

The article dealing with two languages (English and Azerbaijani) languages belonging to different systems among the languages of the world, the usage of typological comparative-contrastive method of investigation is inevitable, thanks to which a common **decision** for the both languages can be made.

2. Consideration of Sentence Theory

Considering the history of linguistics we discover that, four absolutely different from one-another principle exist on the determination of sentence:

- a) Logical principle;
- b) Psychological principle;
- c) Grammatical (structural) principle;
- d) Phonetic principle;

It is worth mentioning that psychological principle is not so characteristic for the English language.

Logical principle shows itself in the initial points about sentence.

The main place is occupied by the grammatical (structural) principle. It is necessary to note that the representatives of structural and transformational grammar have stated different viewpoints about sentence. Scholars of the world have given more than 300 determinations about sentence. The most spread determination is such: "A word or a group of words in a combination expressing a completed thought is a sentence" "Despite the fact that this sentence determination was criticized in a number

of cases, it found its reflection in many of the books on linguistics.

It became known from the investigations, that the scholars, while determining sentence did not use complex approach to this problem. H. Sweet in his book "A new English Grammar" determines sentence like this. "A word or a word combination, expressing a complete thought or a meaning is called a sentence" [18]. Approximately similar determination is given by G. O. Curme which we meet in his book "A Grammar of the English Language" [6]. M. Braynt in his book named "A Functional English Grammar" approaching the problem from functional viewpoint, determines sentence such: "A sentence is a communication in words conveying a sense of completeness and containing at least one independent verb with its subject [5]. If we approach the problem from this angle, namely, if we approach the problem of a sentence from the view of necessity of a subject and predicate in each sentence, then a number of sentence types in a language, particularly one member sentences might have been beyond this sentence division. M. Braynt himself names the sentences not subordinating this structure as "nonsentence".

As to M. M. Peterson a sentence is a word or a word combination establishing a word, which is an intonation unit and which expresses a complete thought. As to A. A. Shakhmatov a sentence is a speech unit, as a grammatical unit, serving the expression of thinking by words cognized by the speaker and listener. Different from above-mentioned linguists V. V. Vinogradov possesses a different approach in the determination of sentence. He notes that a sentence, being a language unit, formed by the grammatical laws of one language is the main means, serving the formulation and expression of a thought.

So, having considered the works of foreign and native investigators on the determination of sentence, we may come to the conclusion that the main features, peculiar to the sentence are intonation, types of predicative and modality which are mentioned most of all. Putting them in other words:

1. A sentence must express a certain thought;
2. A sentence must possess a certain syntactic structure;
3. A sentence must possess a certain type of intonation;

Despite the fact that a sentence is considered as the central unit of syntax, this notion is a very complicated and disputable linguistic problem. If we consider the book called "Linguistic Encyclopedia" prepared by the authorship and editorship of prof. F. Veysalli, we can once more admit the importance and usefulness of correct determination of sentence. In the second volume of the linguistic

Encyclopedia we read: "A sentence is a unit, realized by intonation frame, formed by the smallest elements of the language, having relative meaning completion and grammatical structure. Herein it is noted that historically too many determinations have been given about sentence, but we can determine those under two large groups:

1) Determination given in structural linguistics especially by American Linguist Bloomfield and the determination of the sentence by formal aspect. As to this determination, a sentence is the biggest independent form, which as a grammatical construction enters still bigger syntactic form. During the syntactic analysis a sentence is divided into its component parts, combinations are divided into words, the words into morphemes and morphemes are divided into phonemes. In opposite direction, synthesis forms a sentence. In the generative grammar a sentence acts as a final point and it is achieved by the application of the laws leading to the formation of new sentences. In these two approaches language-speech contrasting clearly shows itself. In fact in speech act it is not so easy to determine the borders of the sentence. As a whole a sentence is considered from this aspect:

a) Formal aspect of determination: by this time the place of the classified part of the predicate is important;

b) Practical communicative approach. By this time taken the mood and place of the predicate are taken as bases and four types of sentences are distinguished. 1) Imperative sentence 2) declarative sentence 3) interrogative sentence 4) sentences in subjunctive mood;

c) Approach from the view of wholeness and completeness of the sentence: simple, extended, compound sentences. In simple sentences there is one predicate, extended sentences are widened by adverbial modifiers and attributes, but in complex sentences there are two predicates;

d) From the view of dependence, sentences are divided into principle and subordinate sentences;

e) As to coordination of sentences they are compound and complex sentences. The complex sentences in their turn are syndetic and a syndetic [11].

As it is obviously seen, a sentence being one of the main grammatical categories is opposed in the system with both a word (word form) and word combination as to the meaning and function. In the wider sense, a sentence is sending a certain piece of information to the listener in a loud or low voice, but in the narrow sense a sentence is a unit of language possessing special grammatical distribution, acquiring the meaning of predicative, possessing its own semantic structure, being subjected to formal changes in the system and having ability to perform a certain

communicative duty, possessing the intonation cover and possessing a certain word order [10].

If we generalize different considerations and thoughts we may mark the main peculiarities of sentence as follows:

- 1) Syntactic structure;
- 2) Semantic structure;
- 3) Word order and intonation;

4) Sentence members being considered as the basis of the predicative components of the sentence. More significance is given to the predicative which differentiates above numerated features from the others because it is a more important component in the arrangement of a sentence. Here we'd like to touch upon verbocentric theory too. As to this conception, namely, as to the sentence conception in the center of which stands a verb, a sentence predicate of which is expressed by a verb matches a certain real or invented situation. In this situation there are participants (persons, or things) if no participant is present, the contents of the verb reflect it. For e. g. the verb "to write" demands the agent of the action, the object of the action, the instrument of the action (with eye-glasses), materials of the action (a book, an article, an essay) theme and the addressee (whom the action is directed) to each of these participants one octant sentence member matches etc. As far as classification of sentence is concerned, as to the traditional sentence division, it is classified as to the structural and semantic view-points. Structural classification of sentence is many-sided enough, thus, as to this classification different scholars have marked the structural types of sentences basing on different approaches and as to different criteria in different ways. Here it is especially important to note that both in the English and Azerbaijani languages the semantic analysis of sentence has not been thoroughly investigated. As a rule a sentence is classified not only semantically but also structurally. That's why some linguists show this as a semantic-grammatical model of the sentence [19]. So, a sentence is a unit of speech expressing a complete thought as to the intonation and is formulated by the laws of this or that language. Along with intonation, other factors, characteristic to the sentence form predicative and modality of the sentence. Without these factors, we can't speak of the completion of the thought; neither can we speak of the sentence at all. Distinguished linguists G. Lich, J. Swartwik, M. Swan, H. Sweet, V. Admoni, V. Kodukhov, V. Urchenko, G. Susov, G. Zolotova, A. Mukhin, G. Pocheptsov, V. Burlakova and others have told very valuable thoughts about sentence, its paradigm, its predicative and about some other problems of sentence. G. G. Pocheptsov's

thought from this view point is more interesting. He determines three aspects of sentence.

- a) Structural aspect;
- b) Semantic aspect;
- c) Pragmatic aspect. It is known to us that each of the sentences possesses a self-belonging structure. For e. g.:

1. She did not tell me the truth.

2. Put the key in its proper place

3. Is everything all right?

4. Oh, your eyes are bloodshot and heavy!

As it is seen above — mentioned sentences from the structural view-point sentences differ from one-another.

As far as semantic aspect of the sentence is concerned, the first of above-mentioned sentences denies a certain fact, in the second sentence an order is expressed, in the third of sentences interrogation is stated, at last in the fourth sentence feeling of excitement is obviously demonstrating itself and this is called an exclamatory sentence.

3. The status of Exclamatory Sentences

Besides this the third aspect of sentence is pragmatic aspect. This aspect of the sentence shows the attitude of the speaker to reality. As to the communicative aspect the types of sentences are classified in different ways. In a number of textbooks, manuals and monographs we come across three-types of sentences: declarative sentence, interrogative sentence and imperative sentence. Here we shan't deal with declarative, interrogative and imperative types of sentences, because they are the object of separately-taken investigations.

M. Y. Blokh writes in his book "A course in Theoretical English Grammar".

"In accord with the purpose of communication three cardinal sentence-types have long been recognized in linguistic tradition: the declarative sentence, the imperative sentence, the interrogative sentence" [3].

As it is known, M. Y. Blokh does not include exclamatory sentence into this division. As to him all the three types of the sentences can turn to exclamatory sentences used with special type of intonation.

He writes:

"Each of the cardinal communicative sentence types can be represented in two variants" [3].

Another linguist G. O. Curme in his book "A Grammar of the English Language", being different from M. Y. Blokh, places the exclamatory sentence in the first place of his classification. In that book he writes:

The form of the sentence may be:

1) Exclamation, uttering aloud, or giving expression to a command, wish, or desire, often closing with an exclamation point—perhaps the oldest form of the sentence;

2) Declarative, stating a fact, closing with a period;

3) Interrogative, asking a question, closing with an interrogative point [6].

B. Ilish's approach to this problem is more cautious. He notes that there are some sentences, which may be named only as exclamatory sentences. [9]. In the issue of modern typological investigation of sentence V. Y. Koprovin's classification is of more interest. In his research work, by paying attention to the functionality of different types of sentences, investigates this problem on the basis of three pragmatic factors:

1) Intention of the speaker;

2) Sentence division;

3) giving emotional coloring to the speech by the speaker [10] if we approach the problem of studying exclamatory sentences we can discover that in both the English and Azerbaijani languages exclamatory sentences in comparison with other types of sentences have not been sufficiently investigated. Especially in the typological aspect in different languages, exclamatory sentences, their formal features, their theme and rheme structure in the general paradigm of syntactic units, in linguistic as a whole are the fields which have not been touched upon properly. On this problem many conceptual thoughts exist too. One of these thoughts refers to the determination of the exclamatory sentences in the system of communicative type.

We once more stress the fact that logical aspect of the language acquires still more emotional colorings, we admit the fact that the meaning, which it acquires, cardinality differs from other types, and we note the fact that it can be realized in all the three communicative types of which we have mentioned above. It is natural that the main thought is advantageous, but the expression of emotion shows itself as a second-grade factor.

Like other three types of sentences, exclamatory sentences grouping self-belonging qualities around themselves in reality cannot keep them in one line. This is cardinal communicativity peculiar to a sentence. In the final result exclamatory sentence has to refuse its communicative status, because it is embraced with emotional colorings. In reality during the use of language emotional coloring, we may say that, it becomes characteristic for all the sentence types, and the main role is given to the intonation of the sentences of exclamation character. This feature may be related to all the sentence types. In the Dictionary of Linguistic Encyclopedia it is written on the intonation of exclamation: Intonation of exclamation is used in the sentences which express feeling of excitement, alarm. In the Azerbaijani language intonation of imperative sentence is as the same as in the declarative

sentence from the view of general movement of the voice tone. Putting them in other words we can say, it is not correct to accept intonation of imperative sentence as an independent type of intonation. But the speed of imagination and dynamic structure of this or that case (intensiveness) depending on the concrete shades of meaning may be stressed. The shades of meanings in the imperative sentences expressed as order (threatening, banning) instigation (challenge, command, insistence) influence (concession, advice, admonishment, request, pleading), feeling of excitement, alarm, emotion (delight, refusal, irony, fear-excitement, pleasure, caressing) etc. colorings find their concrete expression in the concrete parameter and concrete place of intonation counter. The word which is semantically strong is pronounced with strong stress and high tone. In the imperative and exclamatory sentences approximately the same intonation counters are used [12].

In the same book it is noted that in the exclamatory sentences the end of the nuclear weakens, time lingers. For e.g.: Ana! O müqəddədir! Yanğın! Fəlakət! [13] (Mother! She is saint! Fire! Calamity)

It is necessary especially to stress one more feature of exclamatory sentences expressing of exclamatory sentences expressing themselves in the importance of some interrogative pronouns which are used in the composition of exclamatory sentences both in the English and Azerbaijani languages. For eg:

Nə böyük xoşbəxtlik! (What great happiness!)

Bax gör, necə də sərbəst danışır (Look, how freely she speaks!)

What a nice girl she is!

How beautiful the picture is! etc.

Prof. D. Yunusov notes in his research work called “A Guide to English Grammar” that sentences being of all three communicative types (declarative, interrogative, imperative) receiving colourings etc) may transfer to the exclamatory sentences [7]. It is possible to divide exclamatory sentences into two groups:

1) Derivational exclamatory sentences:

2) Pure exclamatory sentences. As we have mentioned above when declarative, interrogative and imperative sentences along with expressing certain meanings, they also express strong emotions, without changing their former structures may transfer to the exclamatory sentences. For e.g.:

1. The nieces were only listeners!

2. How could you, Mr. Dumble cried his friend!

3. Let me spend the entire day digging in the story ground behind the barn!

The first of above –mentioned examples as to the structure is a declarative sentence, the second is an interrogative sentence and the third is imperative sentence, but as they express strong emotionality as it has been mentioned above, keeping their syntactic structure have transferred into the exclamatory sentences. The following Azerbaijani sentences of the same type are completely similar with these models. For e.g.:

1. Qoca kişi sürücüyə məşını sürməyi əmr etdi!
(*The old man ordered the driver to drive the car!*)

2. Siz nə etdiniz, O bacısına qışqırdı!
(*What did you do, he cried at his sister!*)

3. İcazə verin, onlar həqiqəti danışsınlar!
(*Let them tell the truth!*)

Such kind of exclamatory sentences existing in the modern English and Azerbaijani languages are called derivational exclamatory sentences. The other types of exclamatory sentences possess self- belonging to them syntactic structure which can be named as pure exclamatory sentences. [15].

Exclamatory sentences of such type as a rule either begins with interrogative words “what” or “how”. If the noun in the sentence is stressed, the word “what”, but if adjective or adverb is used then the word “how” is used, in other words usage of “what” or “how” depends on what element of the sentence the emphasis is made or the intention of the speaker is directed. For e.g.:

What wonderful customs you have, said Mr. Van Butcher Taylor (Maugham).

Another characteristic feature of the exclamatory sentences is that they begin with the emotional feeling arising expression “long live”. For e.g.: **Long live Azerbaijan Republic!** Etc.

As it has been mentioned above, being different from the other communicative types, (declarative and interrogative types of sentences) imperative sentences are more similar with exclamatory sentences than the other types because imperative sentences being different from other two types are loaded with higher emotional colorings than the others. Just as to this reason reception of emotion, or its refusal change the kind of this communicative type. For e.g.:

Pəncərəni açın. Pəncərəni açın!

Open the window. Open the window!

Investigations show that in the compared English and Azerbaijani languages we come across such kind of sentences which are realized in two variants: **emotive and neutral variants**

Both English and Azerbaijani sentences possess another type of exclamatory sentences in which emotional-

ity is realized by verbal and non-verbal means in the attitude between the speaker and the listener. In such kind of exclamatory sentences the character of exclamation is conditioned not only by the reception of intonation, but also it is conditioned by special lexical- grammatical expression. For example:

Oh, nə gözəldir, xarici qonaq qəflətən qışqırdı!

(Oh, how beautiful it is, a foreign visitor suddenly cried out!)

In the sentences of such type emotional aspect passes to the first plan, emotionality is coordinated with situation and the speaker gets into the emotional instigation. It is worth mentioning that in the exclamatory sentences, this type of exclamatory sentences is more linked with text and context. They are deprived of structural and categorical semantic features and of course enter the rubric of serious communicative type. The scholars, taking structural peculiarities of this type of exclamatory sentences into consideration including their functional peculiarities introduce such type of models as special type of exclamatory sentences. They think that the main function of the exclamatory sentences of this type is to express “**feeling**” and “**excitement**”.

4. Conclusion

Scientific investigation of the problem of the status of Exclamatory Sentences in the paradigm of sentence (based on the materials of the English and Azerbaijani languages makes it possible for us to come to the following conclusions:

1) Determination of types of sentence remains disputable until now in linguistics. Considering the history of linguistics we discover four absolutely different from one another principle on the determination of sentence.

We once more stress the fact in conclusion that the viewpoints of linguists in determining the types of sentences greatly differ from one another.

2) In the determination of the types of sentence especially as to the determination of American structural linguistics founded by American scholar Bloomfield the following approaches in the determination of sentences are offered:

Formal aspect, practical communicative approach, approach from the view of wholeness and completeness

of the sentence, from the view of dependence and independence of the sentences and as to the coordination of sentences.

3) As to the structure of the sentence, the sentences are determined as to the syntactic, semantic structures, word order and intonation and as to sentence members which occupy an important place in the establishment of sentence. Structural classification of sentence is many-sided and in these principles the viewpoints of linguists are different as well. As a rule a sentence is classified not only semantically, but also structurally. That's way some linguists show this as a semantic- grammatical model of the sentence.

4) One of the notable aspects in the determination of the types of sentences is pragmatic aspect. This aspect of the sentence shows the attitude of the speaker to reality. In the issue of modern logical investigation of sentence V. Y. Koprov's classification for us is of more interest. In his approach, paying attention to the functionality of different types of sentences he studies this problem on the basis of three pragmatic aspects: 1) intention of the speaker; 2) sentence division; 3) giving emotional coloring to the speech by the speaker, with which we fully agree.

5) Studying exclamatory sentences we discover that in both the English and Azerbaijani languages exclamatory sentences in comparison with other types of sentences have not been investigated well enough.

6) We come to the conclusion that in the establishment of exclamatory sentences logical and emotional factors play great role and that by giving logical and emotional advantage to any type of sentence we may transfer them into the exclamatory sentences. The given examples in the article, as we think can illustrate the truthfulness of our consideration. So, as a result of investigations we come to the conclusion that the history of determination of sentence and its communicative types does not cover a long term, and our study of the types of sentences, especially exclamatory sentences can't be considered as the final complete consideration. This problem still remains disputable and always demands all- rounded investigation.

References:

1. Abdullayev A. Z., Seyidov Y. M., Hasanov A. Y. Modern Azerbaijani Languages, Syntax, IV part, – Baku, – Maarif, – 1985.
2. Balli Sh. T. French Stylistics. – M., – 1961.
3. Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. – M.; – 2006.
4. Bloomfield. L. Language/translated into the Azerbaijani Languages by Arabov V. S., and Heybatov G. N. Baku Prestije, – 2014.

5. Braynt M.A Functional English Grammar, – Oxford, – 1947.
6. Curme G.O A Grammar of the English Language, in three volumes, – Vol II, – Syntax, – London, – 1935.
7. Dunyamin Yunusov A Guide to English Grammar, – Baku; Mutarjim, – 2006.
8. Gleason H. Introduction to Descriptive Linguistics, – New York, – 1965.
9. Ilish B. A. Structure of Modern English. L. – 1965.
10. Koprov V. U. Comparative Typology of Sentences. – Voronej; – 2000.
11. Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow; – Nauka, – 1990.
12. Linguistic Encyclopedia – I Volume, – 520 p, – Baku, – Mutarjim, – 2006.
13. Linguistic Encyclopedia – II Volume, – Baku; – Mutarjim, – 2008.
14. Modern Azerbaijani Language, ANAS. – Baku, – 2002.
15. Oruj Turksever (Musayev) the Grammar of the English Language, – Baku, – 2007.
16. Pocheptsov G. G. Constructive Analysis of the Structure of Sentence. – Kiev; – Visschaya – Shkola, – 1971.
17. Pocheptsov G. G. Theoretical Grammar of the English Language, – M. – 1981.
18. Sweet H. New Grammar, Logical and Historical, part I, Oxford, – 1930.
19. Zolotova G. A. Essey in Functional Syntax of the Russian Language, – M. – 2006.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-28-30>

*Egorova Liudmila Alekseevna,
Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor, Institute of Foreign Languages
E-mail: egorova_la@pfur.ru*

Scientific hypermedia text perception in the era of science globalization

Abstract: Scientific discourse acquired completely new features in the modern world of globalization and the Internet communication. The development of hypermedia technologies has changed a scientific text obtaining multimedia character as well as the interaction between the addressee and the addressant, the text and the recipient.

Keywords: dialogue, discourse, dichotomy, scientific communication, hypermedia discourse, scientific discourse perception.

The globalization of science and technology is not only a key component of economic globalization, it is also its engine and lifeblood. The globalization of knowledge today has reached another level with new potentials emerging, and the migration of scientific knowledge is no longer characterized by the trajectories of individuals, but rather by global social patterns. Scientific knowledge goes hand in hand with global economic processes; it is embedded in global infrastructures and regulatory regimes, and is part of global cultural products [1]. Communication in the field of science is expanding in various directions, which is caused by many factors. First of all, it is scientific world view development, which makes scientists deal with information in different fields as well as work in allied disciplines. Achievements in medicine and technology, inventions in physics and chemistry —

they are all spreading in the world and accelerating the globalization trend in science as a whole. Globalization refers specifically to the increasing dominance of an international network of communications — especially in the economy, but also in social systems such as politics, the mass media, and science and technology.

We would like to point out that the study of scientific discourse, its perception, comprehension and assessment is essential if we aim at promoting scientific communication. Therefore, the main objectives of this paper are to focus on the role of the addressee in modern scientific hypermedia discourse and summarize the experimental data connected with its perception. Address as an intrinsic feature of any utterance was analyzed by M. Bakhtin in his concept of dialogism. In his opinion, the inner essence of the text reveals when the author and the reader

start interacting and a special dialogue appears — a dialogue between two texts, the author's and the reader's, so the reader becomes a co-author and enters into a dialogue on the same footing [2, 285]. Another important factor for the communication is the context as the utterance makes sense only at a particular time and place.

The text acquires the functions of a mediator in the dialogue between the author and the reader as it evokes certain feelings and emotions in the reader. According to R. G. Barthes the reader may experience the sense of loss and discomfort caused by the discrepancies between the text and his cultural, psychological and historical views and values. So, the concept of the text expands to the text of symbols, the text of body, the text of cultural artifacts [3]. Specific context together with the background knowledge and operative consciousness of the sender and the recipient constitute the major part of the communicative act. To make the communication successful the sender is to take into account the characteristics of the recipient (addressee), peculiar for each sphere of communication [4; 5]. What is more, the sender's interpretation of the prior knowledge of the addressee including his assumptions about the sender makes the addressee the key figure of communicative interaction.

The addressee (recipient) is broadly understood as an individual interacting with a sign work, whereas the text is a kind of sign work possessing the features of unity, integrity, coherence and cohesion interpreted by the recipient to form a system of concepts. In this paper the text is closely connected with the author's system of aims and the situational context, so the text is the notion connected with communication, social interactions and activity of non-verbal character. Discourse is used to denote a corpus of texts linked by means of semantic, functional and communicative relations, which serves as an analogue of social practice, which is in accordance with the views of Michel Foucault [3, 54–55]. The recipient and the text interaction has been the focus of special attention in many linguistic and psycholinguistic studies. Experimental data show that during the interaction with the text the categories of perception are foregrounded and the text attains recurring traits. When the recipient first sees the text, his glance sweeps onto the surface of the text, an overall assessment is made to categorize the features of the form and the content and decide whether to go deeper into the text or not [6, 184]. This process of the text perception is getting more and more widespread in the modern world under the pressure of workload and tons of information. So, all this leads to the popularity of the texts with the elements catching the

recipient's attention immediately. These elements being non-verbal in most cases stand out in the text and divide it into sections easy for perception and assessment. A. G. Sonin in his study of polycode texts states that these texts are more informative than purely verbal ones and thus require new modes of reading, representation and conceptualization of the content. The experimental study proved the higher degree of their understanding and retention by the readers [7].

Scientific discourse reflecting the usage of language in the scientific sphere possesses a set of characteristics connected with typical situations of communication, their participants, objectives, strategies and topics. The principal aim of the scientific discourse is cognition, so its objectives are the solution of theoretical or applied issues. The texts with other aims, i. e. to teach or interest the recipient, cannot be considered a nucleus of the scientific discourse as they integrate the characteristics of the discourses of other types. Therefore, the scientific discourse has a field structure with educational instructive, popular and technical texts on the periphery.

New ways of social interaction intensify the periphery influence on the nucleus of the scientific discourse. V.A. Sorokin's experimental study [8] showed that the relevant features for both scientific and scientific popular texts are “scientific-non-scientific”, “popular-unpopular”, “informative-non-informative”, “artistic — documentary”.

New information technologies lead to the Internet development, with different social subject interacting on new grounds. This communication is based on the mosaic principle, so new cells can be added at any time [9]. Thus, the dialogue becomes the prevailing form of the communication, which has a two-way character in contrast with the habitual one from the sender to the addressee. The factors the successful communication is based on are studied in linguistics, psychology and sociology. Interdisciplinarity of these works helps to produce the new model of communication, where the hypertextual links are in focus.

What is more, hypertextual informational model, which appeared in the 80s, is based on the hypothesis that as information production and processing is done associatively in the human brain it would be the most efficient model for the cognitive elements representation and transfer. A hypertextual system consisting of a number of nodes and associative links becomes a multidimensional informational space reflecting the inner structure of human data processing.

T.Yu. Vvedenskaya and A. S. Yakovlev carried out an experimental study connected with the perception of

hypertext by students [10]. They showed that the students preferred to use hypertext (electronic) format for reference and encyclopedic materials while paper one for fiction. The information perception depends on the computer literacy and the time the student spends every day working at it. The following preferences of the hypertext layout were singled out:

- the screen should not be too bright or colourful;
- the font should be medium size;
- the text should not be too big;
- the text should not be overloaded with hyperlinks,
- the hyperlinks should be connected with the theme of the message;
- the hyperlinks should be supported by running commentaries;
- the text should be organized in columns;
- the text should not contain too big or too small visual elements [9].

Our experimental study taken on the basis of evaluation analysis of 16 respondents (academicians in humanities from Russia, Britain, China and Cuba) showed

that the scientific hypertext they consider “positive”, “open”, “worth investigating on a deeper level” does not contain specific national elements and allusions, prevailing expressive, evaluative or ironical elements. It is mainly full of the elements of various modalities and reflect the perception specifics of the electronic format. We may conclude that in the case of scientific on-line communication their participants create their own informational space by forming a system of texts and imposing the rules of their communication style. They are under pressure of openness, anonymity and indirect way of this communication.

The process of scientific communication cannot be optimized without realizing that the new character of the recipient and the hypertext interaction is taking place. Therefore, the text acquires the qualities of addressing certain social and professional groups. The era of globalization demands the new techniques of information processing. The psycholinguistic peculiarities of the textual structure meeting the expectations of the addressee can help to manage the communicative processes of the scientific community.

References:

1. Pérez-Llantada C. *Scientific Discourse and the Rhetoric of Globalization*. – Bloomsbury Academic, – 2013. – 256 p.
2. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство, – 1979. – 424 p.
3. Barthes R. *Le Plaisir du Texte*. – Paris: Éditions du Seuil, – 1973. – 105 p.
4. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет)//*Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2002. – № 1. – P. 55–67.
5. Баталов А. А., Никашина Н. В. Средства речевого этикета: прагматические и стилистические функции //*Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семантика. Семиотика*. – 2013. – № 2. – P. 61–69.
6. Левченко Е. В. О первичных и вторичных свойствах текста//*Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов./Отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. – Пермь, – 2004. – С. 174–184.*
7. Сонин А. Г. *Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: диссертация... доктора филологических наук: 10.02.19. – Москва, – 2006. – 323 p.*
8. Сорокин Ю. А. *Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста*//Сорокин Ю. А. *Психолингвистические аспекты изучения текста*. – М., – 1985. – P. 5–34.
9. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества//*Сборник научных трудов “Актуальные проблемы теории коммуникации”*. – СПб.: Изд-во СПб ГПУ, – 2004. – P. 34–52.
10. Введенская Т. Ю., Яковлев А. С. Психологические особенности восприятия учебной информации в виде гипертекста//*Материалы Первой Международной конференции “Новые информационные технологии в образовании для всех”*. – 29–31 мая – 2006. – Киев, Украина – URL: <http://www.dlab.kiev.ua/ITEA2006/paper/vvedenskaja.doc> (date of access 24 May 2007).

Determination of contradictory meanings between phraseological antonymy and phraseological antonyms

Abstract: The article explores determination of contradictory meanings between phraseological antonymy and phraseological antonyms.

It consists of semi titles including introduction, internal and external oppositions, phraseological antonyms and phraseological antonymy, nature of creation of opposite attitude among the components of phraseological combinations, semasiological determination of antonyms, conclusion and references.

In the introduction the author makes attempts to substantiate the urgency of the investigation, its importance in linguistic study and some other issues linked with the research work.

In the part, dealing with internal and external oppositions within the phraseological combinations is explained, differences between antonyms and phraseological antonymy are pointed out and the views distinguishing these differences are illustrated with examples.

The author of the article in dealing with the nature of creation of opposite attitudes among the components of phraseological combinations makes attempts to coordinate philosophical view of contradictions, taking place in the substantial world, with the contradictions taking place among the components of phraseological combinations in linguistics.

In the part dealing with semasiological determination of antonyms the principles of determination are pointed out and substantiated with concrete examples.

In the conclusion the attained results in the process of investigation have been summarized.

Keywords: phraseological oppositions, contradictory meaning, phraseological antonyms, determination.

1. Introduction

Semantic structure of phraseological combinations belonging to different systems on the materials of the languages, have not been well enough investigated. We must mention that each phraseological combination has its self-belonging peculiarity in the antonymous attitude in different levels of languages. Revelation of these specific features, creation of systematic description of antonymous meanings and antonymy are very important from the view of investigation of phraseological combinations in the languages of different systems.

Phraseological combinations being the product of a certain social environment always develop, concretized along with the development of living conditions of society. Antonymy — contradiction is a language phenomenon and involves different fields of human society, that's why it is impossible to imagine opposition in language apart from the oppositions taking place in the society. So study of antonyms and antonymy in the language is closely coordinated with the philosophical cognition of antagonism and contradictions.

Oppositions as a whole are philosophical-logical, linguistic and universal language phenomenon. The role of this phenomenon in the society is great. If in the human thinking the associations deriving from this language phenomenon are studied in the phraseological layer of the language, this issue may prove its greater importance as well.

Method of Investigation:

In the article typological comparative –contrastive method of investigation is used, for in many cases new elements can be discovered in the compared languages. This is the method which has found its justification in linguistic study of different languages.

2. Internal and external oppositions

Oppositional meanings as the object of semasiology are studied as a field of science both in lexicology and stylistics. This field of science mainly investigates words and word combinations possessing different phraseological compositions, expressing opposite features of notions, having the contents of quantity, quality, time and place. For e.g. *at any hand* (hər ehtimala qarşı) — *at no hand*

(heç vəchlə); *to put one's neck into a noose* (özünü tələyə salmaq) — *to save one's neck* (canını qurtarmaq) so on.

There exist two types of oppositions between objects and events: internal and external oppositions. Opposition, existing between the objects and events, is external opposition, but the opposition between the inner essences of events is internal opposition. On the basis of internal contradictions, opposite and contradictory features of an event are created. It is possible to discover inner contradictions, peculiar to the objects and events, by the way of opposing their opposite and contradictory features [5].

As we know notions are different from one another as to their sizes. In the contradictory notions two features show themselves: opposite and contradictory features.

Contradictory features of notions, as to the contents deny each-other. They don't possess transitional, intermediate stage, but their opposite features as to the contents do not deny each-other and possess an intermediate, transition stage. [3] For e. g. *head in the clouds — down to earth* or *both feet on the ground*. Though these phraseological combinations bear opposite meanings to each other, the second one is the intermediate combination. The phraseological combinations *as to be down to earth/to have both feet on the ground* which possess the opposite meanings in the translation into the Azerbaijani language as *huşsuz olmaq, ətrafında olanlardan xəbəri olmaq*, show that (*ətrafında olanlardan xəbəri olmayan bir şəxs*) the person being unaware of the facts taking place around him is already surprised at the things taking place around him and looks around in the real state of things. For e. g. *You can go to Susan for advice? She will give you practical solution to your love life? Because she is out of touch with the reality around her, her head is down to earth* [8].

Only the opposite features of contradictions in the phraseological combinations can be expressed by the term antonym, which is used in linguistics, because their contents are similar with the contents of antonyms [10].

As we know from linguistics, the term antonym is of Greek origin consisting of anti-opposite, onoma-name, namely, words and word combinations having opposite meanings are called antonyms. Antonyms have been created to reflect contradictions existing in life. As in the thought, so in the language word and word combinations exist to express opposite meanings.

Antonymous meanings possess nearness to the meanings of opposite features of word combinations as to their essence. This nearness is linked with different opposite features of phraseological combinations, belonging to different categories. Certainly, the meaning itself is contradictory. Meanings reflect both contradictory and

oppositional features [2].

Phraseological combinations with contradictory meanings belong to one field of objective reality.

The antonymous phraseological combinations which are used in the language are linked with notions. If there are no objects and events, neither there would be antonyms indicating opposite features of notion or notions [1].

When we speak of phraseological antonyms we do not mean opposite meanings formed by the merely addition of negative suffixes to the components of the word combinations, we mean the confrontation of the expressions of contradictory meanings of phraseological combinations, possessing the contents of quantity, quality, time and place.

We should not equalize antonymous words with the words, bearing negative meanings, because while antonyms are expressed by opposite names (by two words or word combinations) negation is the usage of the same word or word combination in the opposite meaning. Here, we can come to the conclusion that the term of phraseological antonym is characteristic for the phraseological combinations, bearing opposite meanings. There is also a contradiction between the affirmative and negative components of the phraseological combinations of the same roots, but these components are not in the antonymous relation to each other, because the opposite meaning expressed by the words having the negative suffixes in the same root is not linked with the lexical meaning of these words, but it is linked with added to them suffixes. Thus, the suffixes added to the components of the phraseological combinations neither changes the internal meaning of the phraseological combination nor they can discover the opposite features in them. For e. g. if we use the expression "*to mind one own business*" as it is we shall have the semantic negation of the same phraseological combination but not its opposition. But when we say "*to stick one's nose in*" we shall have the opposite meaning of the phraseological combination "*to mind one's own business*". Here antonymous phraseological meaning establishes semantic opposition and this opposition semantically is more rough than it can be expressed grammatically (*to stick one's nose in* or *to pry one's nose into* — *burnunu bir yerə soxmaq*).

Negative suffixes being added to the components of the phraseological combinations; negate them as to the contents [5].

In linguistics sometimes the notions of antonyms and antonymy (antonym being) seem as if they were the same. If antonyms express semantically opposite to one

another words and word combinations (as for e. g. on the wagon — içkini tərgitmək, — to give up drinking — Peter used to drink alcohol to excess but now he doesn't drink any more, he is on the wagon) and the opposite to the first expression *off the wagon* (aludəolmaq) we can clearly see the true opposition. For e. g. He is off the wagon. He can't abstain from drinking (əlçəkəbilmir), though there is commonness between these antonymous expressions, they are used for different from one another notions and for different purposes.

3. Phraseological antonym and phraseological antonymy

But antonymy denotes both antonymous word and word combinations semantically being of the same root and possessing suffixes with negative meaning.

For e. g. blue collar worker (yaşayışını güclə təmin edən fəhlə, a worker who hardly keeps body and soul together) but the white collar worker (kontor işçisi — office worker); or open mind (keep an open mind — qərəzsiz, zəkali, vicdanlı — intelegent, honest) — close minded (narrow — mended, dishonest); take care (ehtiyatlı olmaq, diqqət yetirmək — be cautious to pay attention) — to take care — not to take care, be indifferent to — diqqətyetirməmək; to lose one's face (adını batırmaq, to lose one's dignity) — to save one's face (abırınıgözləmək — to keep what one is worth for) [9].

Despite the fact that both phraseological antonyms and phraseological antonymy from the view of forming contradiction are similar, they have got some distinctive features as well. Thus, the notion of antonymy is relatively wider than the notion of antonym. If phraseological antonyms are linked with only their contents, phraseological antonymy and word and word combinations not being in antonymous relations to each other are expressed by figurative meanings, contrastive situations, contrastive thoughts and texts.

In the meaning of phraseological antonym, quantity and quality are linked with the word combinations possessing the signs of place and time, but phraseological antonymy reflects the whole of differential signs of word and word combinations. Here semantically similar and different features of opposed words or word combinations are intended [4].

Phraseological antonyms, being different from phraseological antonymy indicate both the limit of creation of the features as quality, signs, movement, attitude and so on, and the coordination of ties of opposite signs [6].

Despite the fact that antonyms are linked with opposite feature, the phraseological antonymy is linked with both the opposite sign and the contradictory sign.

4. Nature of creation of opposite attitude among the components of phraseological combinations

When a phraseological combination is created its opposite meaning is created as well. Otherwise human beings while cognizing the occurrences around them could not tell the good from the bad, the positive notion from the negative one. Here for the oppositions of meanings the similarity of the common and important signs of meaning is basically taken as the main principle. Here we may come to the conclusion that words and word combinations opposed as to the common and main signs of meaning coordination can be considered as antonyms.

Opposite attitude among the phraseological combinations are created as a result of cognition, achieved by the way of confrontation of objects and events of substantial existence. Creation of opposite meanings — antonyms in the language, their development and formulation are linked with the contradictory attitudes of the things and events, which exist in the substantial world. Contradictions in the language are linked with the contents of phraseological combinations. Contradiction in their form and contents do not create obstacles for their unity, moreover, it proves their existence. These contradictions are expressed by the combinations, possessing contradictory meanings. Just for this reason they are considered as the main factor in the creation of antonyms.

Oppositions of common and individual features within the phraseological combinations stimulate the development of language system. For the revelation of opposite features of events, for the indication of transition of opposite quality of one to the other, usage of antonymous phraseological combinations is useful. By this way human beings, cognize and differentiate the signs and qualities of objects and events, existing in the substantial world.

5. Semasiological determination of antonyms

Determination of antonyms as a semasiological phenomenon is linked with a number of principles:

- phraseological antonymy expresses different opposite features of any word or word combination;
- phraseological antonymy denotes quality or quantity achieved by the way of confrontation of opposite features, characteristic to an event or object, belonging to one category. For e. g. *to beat around the bush* (qeyri-səmimi danışmaq/yazmaq, nala-mıxa vurmaq — not to speak or write frankly, not to keep to the point) — to get (keep) to the point (mətləbə keçmək, səmimi danışmaq); to laugh in somebody's face (üzünə gülmək) — to laugh on the wrong side of one's face (arxasınca gülmək);

– confrontation of opposite features of any phraseological combination; for. E. g. to call a spade a spade (açıq danışmaq, bir şeyi öz adı ilə çağırmaq/adlandırmaq, to speak frankly, to state the things or events in the true state, as truthfully even if they form unnecessary effect) — to beat around the bush. Here phraseological combinations expressing the opposite features of events are confronted and by this way, antonyms are formed;

– confrontation of phraseological antonyms as one unite of meaning, makes their existence necessary. Phraseological antonyms confronted within the text and out of, create antonymy. Such phraseological antonyms reflect their contradictions in our conscious even beyond the text. Any person speaking in the English language can easily understand and use the phraseological combinations *on the wagon* and its opposite meaning expressed by the word combination *off the wagon*. In the confronted phraseological combinations there must be opposite signs, inclinations, mutual attitudes between events and objects. Phraseological combinations must be confronted as to their meanings. For e. g. *open minded* — *close minded* so on.

– One of the main conditions for the phraseological combinations with opposite meanings is in the fact that one component of these phraseological combinations belongs to one and the same lexical phraseological field. Phraseological combinations express such notions which in all situations and in separately — taken situations as well, denote opposite meanings. For e. g. Such phraseological combinations as to hear (something) through the grapevine (hər hansı bir xəbəri ağızdan/oradan-burdan eşitmək — to hear something orally from mouth) — to hear (something) straight from the horse's mouth (əsas mənbədən, mötəbər yerdən eşitmək — to hear something from the main source/the true source) in the isolated forms express opposite meanings as well.

Contextual antonyms act in the opposite function only within the text, namely, a number of phraseological combinations become antonyms in the opposed to one another situation, within a text. For e. g. the phraseological combination to keep one's shirt on (sakitolmaq, tələsməmək, təmkinini saxlamaq — be calm, not to hurry, be patient) while being antonymous to the combinations to shake a leg or to step on it individually, but within the text they are not antonymous. See the sentences: *I know you are hungry, but dinner will not be ready for another ten minutes, just keep your shirt on*. Here the phraseological combination *keep your shirt on* is antonymous to the expressions possessing the opposite meaning such as *shake a leg* or *step on it* not within a text

but beyond it. We may set the following antonym as an example which is within the text.

The children put their money together to buy their mother a birthday present. The youngest child became so excited that he couldn't keep it *under his hat* (sirri saxlaya bilməmək) and told his mother about it. His brothers told him he shouldn't have *let the cat out of the bag* (sirri açmaq) [Shelly Vance Laflin, 1993]. The phraseological combinations in the text are contradictions within the text and deny each other.

In the determination of phraseological oppositions one of the principles lies in the fact of having a different root in one of the opposite components: for e. g. to open one's face (ağzına gələni demək) — to shut one's face (ağzını yummaq, abırına qısılmaq).

– if parts of speech in the composition of phraseological combinations are in contradiction to each other, then they must belong to the same part of speech. For e. g. to keep one's footing (düz yola getmək) — to lose one's footing (ayağı büdrəmək, düzgün yol seçməmək); to be in good hands (yaxşı əllərdə olmaq) — to be in bad hands (pis əllərdə olmaq) — while determining the antonyms we must pay attention to their pair usage within one and the same text. For e. g. I don't know where my head is today. I can't keep my thoughts on my work. *My head is in the clouds today* (fikrimi cəmləyə bilmirəm) — I can't concentrate my thoughts). *I had to be down to earth* (fikrimi bir yerə toplama liyam) — I have to focus my thoughts).

– In phraseological antonyms too antithesis, oxymoron, contrast may be formed. In such ways of literary expression laconic concise, concrete ways of expression, and other features are used, aimed at creating expressiveness in speech. Thus, usage of antonyms based on folk aphorisms in such ways of expressions plays a great role in the cognition of contradictions.

6. Conclusion

The article highlights the field of science dealing with words and word combinations possessing different phraseological combinations, expressing opposite features of notions, having the contents of quantity, quality, time and place. Investigations show that in the phraseological combinations exist two types of oppositions: internal and external oppositions.

Contradictory features of notions as to the contents deny each other but their opposite features as to the contents do not deny each other and possess an intermediate transition stage.

Antonymous meanings possess nearness to the meanings of opposite features of word combinations as to their essence.

We should not equalize antonymous words with the words bearing negative meanings.

Despite the fact that both phraseological antonyms and phraseological antonymy from the view of forming contradiction are different, they have got some similar features as well.

In the meaning of phraseological antonym, quantity and quality are linked with the word combinations possessing the signs of place and time, but phraseological antonymy reflects the whole of differential signs of word and word combinations.

When a phraseological combination is created its opposite meanings are created as well. Opposite attitude among the phraseological combinations are created as a result of cognition, achieved by the way of confrontation of objects and events taking place in the substantial world.

Determination of antonyms as a semasiological phenomenon is linked with a number of principles each of which is explained in details and substantiated by examples in the article.

References:

1. Babayev A. M. Introduction to linguistics. – Baku, – 2004.
2. Baranov A., Dobrovol'skij D. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology. *Journal of Pragmatics* – 25, – 1996, – P. 409–429.
3. Blank A. Polisemy in the lexicon and discourse B. Nerlick (eds), – 2003, – P. 267–293.
4. Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Cognitive Theory of Metaphor and Idiom analysis*. – M.: Jarikoslovye, – 2005, – 735 p.
5. Hasanov H. *Semasiology of the Azerbaijani language*. – Baku, – 1978.
6. Hajiyeva A. H. *The bases of somatic phraseology in the English and Azerbaijani languages*. – Baku, – 2008.
7. Hajiyeva A. H. *English-Azerbaijani phraseological dictionary*. – Baku, – 2006.
8. Shelley Vance Laflin. *Something to Grow About*. – Washington, – 1993.
9. Kunin A. V. *English-Russian phraseological dictionary*. – M., – 1967.
10. *Semasiology of Modern Azerbaijani language*. – Baku, – 1985.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-35-37>

*Mustafi Muhamed,
As. Prof. of Arabic language
PhD in Philology, Faculty of Islamic Sciences
Skopje, Macedonia
Email: meti@t.mk*

Oriental linguistic elements in Albanian. Baytajejan creativity

Abstract: The issue of Oriental linguistic elements in Albanian literature is considered as a very sensitive and complex period because it has been abandoned for ideological and political reasons. Such approach cannot pass easily because we all now start from a later point. The name of this period is known as “The period of Baytajes”, and it implies the fact that this literary school was formally and substantially under the influence of oriental languages and thoughts. Oriental words are numerous and can be divided into Arabic, Ottoman and Persian, but mostly in Arabic because it was treated as a lingua franca of the artistic expressions of this group of Albanian literary creators that lasted for almost two decades until the literary Albanian renaissance.

Keywords: oriental elements, influence, Albanian literature.

Access to a detailed study of Baytajejan literature in general, and oriental elements in this creative language in particular, would not be so easy because this kind of study is going to face various challenges. Baytajejan creativity is a very wide branch as a deep sea which incorporates many diverse issues. So, based on this aspect, it is

not at all easy to deal with this creativity, and much more with oriental elements of its language, because there are many confrontations with different components.

According to the well known Albanian researcher Hajdar Salihu, the period of this kind of Albanian literature, has its roots to the beginning of XVIII century. “The

earliest fact on this literature goes back to 1725, the year when the poem was written by Muci Zade: “Imzot, mos më lerë pa kahve (Sir, do not leave me without coffee) and the closest end of this period goes to 1947, when Hysen Statovci wrote the poem “Nji e permenje n’gjuhen shqip” (A mention in Albanian language) and this confirms that this poetry was written continuously for two centuries” [4, P 13–14].

However, on the other hand, the first writings lead us to the early centuries. The first writing Baytaje poem, by some researchers, has begun in the fifteenth century, when the Albanian baktashain poet, philosopher and intellectual from Tetovo, Sersem Ali Dede, who died in 1569, started the first writings in Arabic script, [5, P 173–274] but this period has not yet been properly enlightened and many things have been left to desires. Everything is wrapped in a veil of mystery. It is only known that this author, influenced and inspired by Islamic mysticism, wrote many poems of this nature.

While, on the other hand, Jalal Veisel Guta, who lived until the mid-twentieth century and died in 1986 in Skopje, Hasan Beg, [3] has been rightfully considered as the last Baytajist [4, P 475].

The baytaje literary creators and those who disbursed in this area are numerous, but it still remains to researchers of the history of Albanian literature in the near future to access these works and creativity and come up with concrete data and scientifically proven historical facts. I wish this to happen as soon as possible!

In this work, I am approaching the other side of the Baytaje creativity, respectively concentrated on the oriental impact in this literature, ie poetry, because most of them, or rather, all those who have written in this spirit, were well known intellectuals and have learned in the different centers of the Islamic world, such as Istanbul, Cairo, Beirut, Damascus, Baghdad, Tehran etc., and most of them were various clerics, dervishes and mystics who spread their activities primary in mosques, tekkes and different madrasas. They acted everywhere they lived.

There is no doubt that the used oriental linguistic elements in this creativity are numerous. They wrote in Albanian language, but used Arabic alphabet in modified form in the same way as the Ottomans and Persians used it. Their poetic expression came out from numerous Turkish, Ottoman and Persian words. Sometimes the text of a poem comes out exactly as it was written in any Oriental language, whether Arab, Turkish, Ottoman or Persian.

But how big was the capacity of the influence of Oriental elements in the creativity of Baytajes?

We see that few Albanian scholars have been researching this specific topic, such as Hafiz Ali Korca, Tahir Dizdari, Ibrahim Hasnaj, Osman Myderrizi, Faik Luli, Islam Dizdari, Dimiter S. Shuteriqi, Shefik Osmani, Vexhi Buharaja, Shaban Sinani, Jorgo Bullo, Jani Thomai, Hasan Kaleshi, Jashar Rexhepagiqi, Ismail Ahmedi, Mahmud Hysa, Abdullah Hamiti, Feti Mahdiu, Mehdi Polisi, Nexhat Ibrahimimi, Muhamed Pirraku etc.

The researcher Tahir Dizdari from Shkodra even compiled a dictionary where he summed voluminous Albanian Oriental words. He titled his vocabulary:

“Orientalizmat në gjuhën shqipe (Orientalism in Albanian language)”.

This dictionary has recently come out in printed version. It is interesting to note that he selected quite scientifically the oriental originated words and marked their Arabic, Turkish, Persian source. After the selection, he explained the way they have been used in Albanian language across ethnic Albanian territories. This dictionary, perhaps is not directly connected with Baytajes, and for this we are more than aware, but it cannot deny the impact of Baytaje poetry in compiling this dictionary.

On the other hand, the academic Jashar Rexhepagiqi, when he mentions the influence of Oriental elements in Albanian, he comes out with concrete data: “Let us take for example the distinguished Albanian linguist and orientalist Tahir Dizdari, who worked 30 years (1941–1971) and completed his voluminous titled dictionary “Orientalizmat në gjuhën shqipe” (Orientalism in Albanian language). In the dictionary, Dizdari confirmed 1732 Albanian words of Turkish origin, 1460 with 505 words of Arabic origin and Persian origin. Also singled out 72 Arab-Persian compounds, 43 Arab-Turkish and 24 Turkish-Persian 24” [1, P. 111].

We also see a numerous factual material of oriental linguistic borrowings in Albanian language in the lexicographical works of the Albanian lexicographers: Shemimi Shkodra “Fjalori shqip–turqisht” (Albanian-Turkish Dictionary), Daut Boriçi “Fjalori turqisht-shqip” (Turkish-English Dictionary), Hafiz Ali Ulqinaku “Fjalor shqip-turqisht” (Albanian-Turkish Dictionary), Mustafa Merlika Kruja “Fjalorth shqip-turqisht-frëngjisht-italisht”, (Glossary English-Turkish-French-Italian), Sotir Kolea “Fjalor i orientalizmave të shqipes” (The Dictionary of Albanian Orientalism), Shefqet Gavoçi “Fjalor shqip-arabisht-anglisht — frëngjisht”, (Dictionary English — Arabic — English — French), Nijazi Sulca “Fjalor turqisht-shqip”, (Turkish-English Dictionary), Rian Disci “Fjalor shqip-turqisht-anglisht” (Albanian-English-Turk-

ish dictionary), Ismail Muçej "Fjalor arabisht-shqip" (Arabic-English Dictionary), Nexhip Alpan "Fjalor turqisht shqip" (Turkish English Dictionary), and obviously the master piece of Tahir Dizdari "Fjalori i orientalizme në gjuhën shqipe" (The Dictionary of Orientalism in Albanian language) [2, P. 31].

The oriental linguistic elements were present since its inception and it is completely understandable, considering the intellectual formation of authors who wrote with Arabic alphabet, Ibrahim Frakulla finished his studies in the capital of the Ottoman Empire, Istanbul, Muhammad Kyçyku-Cami was graduated by the oldest Al-Azhar University in Cairo. So, their intellectual formation was at the center where Oriental languages and literature flourished, and it was normal that the Albanian poets could not possibly remain immune from this, ie by linguistic and literary influence.

The same applies to those who had not the oppor-

tunity to study in the metropolis of the world of Islam, but received the lessons from the primary madrasas and tekkes in the cities such as Prizren, Gjakova, Skopje, Tetovo, Debar, Bitola Shkodra, Elbasan, Berat, Gjirokastra, Janina. They finished relevant institution, not only were prepared without problems speaking Arabic, Turkish, Ottoman and Persian, but immediately approached the writing in these languages, which indicates that they have exceptional intellectual abilities.

Islamic mysticism also helped penetrating the oriental elements in this period of Albanian literature through the various Sufi orders in Albanian areas and played an extremely important role in building the intellectual, literary and artistic Albanian centers. The population got in touch with different oriental eminent writers from the East, such as Hafiz, Sadi, Attar, Rudaki, Yunus Emre, Rumi, Hacı Bektaş Veli etc.

References:

1. Jashar Rexhepagiç, Islamsko-persijska kultura i uticaj persijskog jezika u nas, – Beograd, – 1996. – fq. 111.
2. Jup Kastrati, Për historinë e marrëdhënies gjuhësore shqiptaro-persiane, revista Perla, – Nr.1, – 1999, – Tiranë, – fq.31.
3. Mulla Vesel Xheladin Gutës, Perëndia më frymëzoi, i Mulla Vesel Xheladin Gutës, Shkup.
4. Hajdar Salihi, Poezia e bejtexhinjve, Prishtinë, – 1987. – fq. 13–14.
5. Baba Rexhepi, "Misticizma islame dhe Bektashizma", Kryegjyshata Botërore Bektashiane, – Tiranë, – 1995, – fq. 173–174.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-37-40>

*Surkova Elena Viktorovna,
candidate of philology, associate professor
of the department of linguistics
and intercultural communication
of Volgograd State Technical University, Volgograd
E-mail: Matteo2005@yandex.ru*

Author gender specificity of the description of the nonverbal expression of anger and fear of men and women in the russian and german textes of popular literature

Abstract: The article shows main gender specificity of the description of the nonverbal expression of anger and fear of men and women in Russian and German popular literature from the point of author gender. It is proved, that specificity of popular literature breaks gender communicative stereotypes of anger and fear expression.

Keywords: nonverbal behavior, gender communicative stereotype, gender of author, description of anger and fear.

Суркова Елена Викторовна, к. филол. н.
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградский государственный технический университет г. Волгоград,
E-mail: Matteo2005@yandex.ru

Авторские гендерные характеристики дескрипций невербального выражения страха и гнева мужчин и женщин в русских и немецких текстах массовой литературы

Аннотация: В статье рассматриваются гендерные особенности дескрипций невербального выражения страха и гнева в русских и немецких текстах массовой литературы с точки зрения гендерной принадлежности автора. Доказывается, что лингвокультурология массовой литературы допускает нарушение гендерных коммуникативных стереотипов выражений страха и гнева.

Ключевые слова: невербальное поведение, гендерный коммуникативный стереотип, гендерная принадлежность автора, дескриптивные средства описания страха и гнева.

Хотя мужчины и женщины выражают свои эмоции по-разному, существует определенная гендерная типология выражения эмоций и эмоциональных реакций. В массовой литературе средства реализации стереотипов обусловлены не только культурой, но и относительной достоверностью пола продуцента текста, то есть гендерной принадлежностью автора.

Целью данной статьи является определение гендерной авторской особенности при выборе языковых средств для описания невербального выражения страха и гнева персонажей немецкой и русской массовой литературы, тексты которой стереотипны и шаблонны не только в содержательном, но и в языковом выражении. В данных текстах наиболее ярко представлен гендерный коммуникативный стереотип.

Поскольку в современном русском и немецком обществе существует общая тенденция к намеренному стиранию межполовых граней на социальном, культурном, коммуникативном и т. д. уровнях жизни, современное гендерное коммуникативное поведение практически лишено запротоколированных этикетных правил и норм. В гендерном эмотивном стереотипе поведения наблюдаются наиболее четкие межполовые различия. Так, невербальные реакции мужчин в гневе как у мужчин-авторов, так и у женщин-авторов следующие: *стукнуть, ударить, шарахнуть кулаком по... , наотмашь дать... , яростно вскричать* и т. д. Для женщин в женских и мужских текстах в гневе характерно: *задышаться от приступа гнева, злобно сверкать глазами, зеленеть на глазах* и т. д. Однако в массовой литературе приняты нарушение гендерных стереотипов и карнавализация пола.

В немецких текстах авторы женщины используют для дескрипции невербального поведения глаголы *erwidern* (отвечать, возражать), *fauchen* (шипеть, фыркать), *wisperm* (шептать, шушукать), *flüstern* (шептать), *jammern* (громко плакать, причитать), *schreien* (орать), *schimpfen* (ругать, бранить), *hysterisch sagen* (истерично сказать). Мужчины-авторы в качестве дескрипции мужских реакций часто используют реакцию смеха: *wütend* (яростно), *zornig* (злобно), *hässlich* (ужасно), *böse* (зло) *lächeln* (улыбаться), *grinsen* (ухмыляться), *lachen* (смеяться).

В страхе у мужчин *трясутся губы, появляется нервная дрожь, стучат зубы, мурашки ползут по спине, они потеют/die Furcht ließ seine Stimme zittern* (от страха его голос задрожал) *erschrocken zusammenfahren* (испуганно вздрогнуть), *verstört murmeln* (испуганно бормотать); женщины чаще *робеют, пугаются, падают в обморок, юркают под кровать, не открывают глаз, холодеют, мямлят, у них дрожат коленки*. Представление авторов-мужчин о мужских реакциях отлично от представлений женских реакций. Это характерно и для авторов-женщин.

Несмотря на то, что количество невербальных реакций на эмоцию страха в мужских текстах заметно меньше, способы описания физиологических реакций на страх различаются незначительно, для их описания характерен излишний натурализм: *Она вспотела; капельки пота выступили на ее лбу, зрачки расширились*. Среди универсальных невербальных реакций, то есть тех невербальных реакций, которые характерны для мужчин и женщин и в мужских и женских текстах в немецких и русских текстах отмечены: **кинесика:** *дрогнуло сердце; пот тек; внутри что-то сжалось;*

похолодел от страха; вздрогнуть. *Das Herz hämmerte wie verrückt* (Сердце бешено забилося). *Schreck lähmte sie* (Страх парализовал ее). *Erschrocken atmen* (испуганно вздохнуть). **милика:** огромные глаза; в зрачках промелькнул страх; выражение ужаса на лице. *Eine so grenzlose Angst, wie sie sie noch niemals im Blick eines Menschen gesehen hatte* (Такой безграничный страх, который они еще никогда не видела во взгляде человека); **просодика:** сипло выдавить; внезапная осиплость голоса; крик умер на губах; испуганный шепот; от страха заорать. *Die Stimme bebte*; (голос дрожал); *einen Schreckenslaut unterdrücken* (подавить испуганный крик), *wie von Sinnen schreien* (кричать как неменяемый).

Авторы женщины отмечают у представительниц своего пола и скрытое, и открытое проявление страха, при этом женщины часто падают в обморок, плачут и роняют вещи. *Бедная Вика чуть не упала в обморок; Я испугалась, а испугавшись, выронила сумочку; В невероятном ужасе я юркнула под кровать; Я мгновенно запаниковала.* В мужских немецких текстах у женщин *Herz hämmerte* (сердце колотилось), *Hand begann zu zittern* (рука начала трястись).

Данные примеры подтверждают гендерный коммуникативный стереотип поведения русской женщины в страхе как маленького слабого существа, но отчасти разрушают коммуникативный паттерн поведения мужчины, срывая общепринятые установки на необходимую мужскую смелость и выдержку, хотя в большинстве случаев мужская реакция в страхе имплицитна и направлена на подавление данного чувства.

Специфически «женскими» словами и словосочетаниями в описании страха в русских текстах нами признаются: *взвизгнуть, заплакать, терять сознание, испугаться до обморока, вибрирующим голосом, запаниковать*, то есть употребление данных слов и словосочетаний у авторов мужчин нами не зафиксировано.

В немецких текстах эмоция страха встречается реже, чем в русских. Страх мужчин во всех мужских текстах редко подавляется, скорее направлен во вне, и здесь ярко представлены гендерные паттерны внутри одного пола. В немецких текстах авторов мужчин отмечается репрезентативная частотность описания просодической реакции для мужчин и женщин, как в страхе, так и в гневе, представленных как глаголами речи с распространением, так и без них. В описании *страха* — *turmeln verstört* (растерянно бормотать), *erschrocken sagen* (испуганно сказать); *stammeln* (заикаться, смущенно бормотать), *schreien* (орать), *stocken* (запинаться), *keuchen* (кряхтеть), *flüstern* (шептать), *die Worte kamen schwerfällig über die Lippen* (Слова были произнесены с большим трудом).

Представление нарастания страха: *Aus dem Schreckensschrei des Mannes wurde ein entsetztes Brüllen* (Крик ужаса мужчины превратился в ужасный вой) *Er schrie immer lauter vor Entsetzen* (От ужаса он кричал все громче). Немецкие авторы-мужчины часто описывают страх на лице героя: *ein rasches, nervöses Zucken lief über das Gesicht* (быстрая нервная дрожь пробежала по лицу), *sein Gesicht war arschgrau* (Его лицо было пепельно-серым). Женщины у авторов мужчин реагируют на страх по-разному: *Panische Angst* (панический страх), *erschrecken* (испугаться).

Такой глагол как *aufschreien* (вскрикнуть, закричать, выть) репрезентирует женскую эмоциональную реакцию у авторов обоих полов: *Sie schrie vor Schrecken auf* (Она вскрикнула (завыла) от ужаса). По отношению к мужчине использование данного глагола не зафиксировано. Реакция юношей у авторов мужчин приравнивается к эмоциональной реакции женщин, поскольку юношам еще допускается некая неустойчивость в культурно зафиксированном коммуникативном поведении Европы.

Мужчины у авторов женщин открыто проявляют страх, и их реакции сопоставимы с реакцией юношей и женщин у авторов мужчин. Типичным являются следующие проявления страха: *die Augen vor Panik aufreißen* (вытаращить глаза от страха), *In Todesangst schreien* (закричать в смертельном страхе), *der Atem stockte* (перехватило дыхание), *mit zitternden Händen* (трясуцимся руками). Усиливаются просодические реакции *Ferros Schreie steigen sich zu hysterischem Gebrüll* (Крики Ферро превращаются в истерическое рычание). Женской реакцией на страх у авторов-женщин является плач — от всхлипываний до судорожных рыданий.

У авторов-мужчин гнев и ярость представителей своего пола эксплицитны. С точки зрения автора-мужчины, открытое проявление гнева для женщины запрещено, поэтому описания направлены на импликацию данного чувства, тогда как авторы женщины эксплицируют гнев представителей своего пола.

Выразительность и обширность контекстуальной синонимии глаголов речи, представляющих реакцию гнева как женщин, так и мужчин, характерны для немецких текстов: *knurren* (рычать, ворчать), *fauchen* (шипеть, фыркать), *flüstern* (шептать), *grunzen* (хрюкать, бурчать под нос), *einen zornigen Laut ausstoßen* (извергнуть гневный возглас), *aufbrausen* (бушевать, кипеть гневом), *jammern* (громко плакать, убиваться), *schreien* (орать), *schimpfen* (бранить, поносить), *brüllen* (реветь, орать), глагол *sagen* (сказать) с наречиями *nervös* (нервно), *hart* (грубо), *heftig* (резко), *schroff*

(жестко), böse (зло), bössartig (зло, злое), erbost (озлобленно), zornig (гневно, разъяренно), eisig (ледяным голосом), ärgerlich (сердито, раздраженно), empört (возмущенно), hasserfüllt (с ненавистью в голове), hysterisch (истерично).

В мужских текстах одной из множеств реакций на гнев считается способ описания улыбки и смеха — lächeln (улыбаться), grinsen (ухмыляться), lachen (смеяться) — со следующими наречиями: wütend (яростно, свирепо), zornig (гневно), hässlich (ужасно), böse (зло).

Подводя итог, отметим, что в текстах тривиальной литературы наиболее частотны дескрипции реакции страха и гнева. Как в русских, так и немецких текстах у авторов-мужчин и авторов-женщин страх описы-

вается слишком натуралистично. В русских текстах у авторов-мужчин и авторов-женщин женщины ведут себя, как маленькое слабое существо. Реакция мужчин чаще имплицитна, хотя есть исключения.

В описаниях психосоматических реакций гнева у немцев в отличие от русских не обладают четкой гендерной отнесенностью, которая проявляется в преобладании глаголов речи у русских авторов-женщин. Авторы-мужчины в качестве реакции на гнев используют описание смеха.

Мужчины в русских и немецких текстах эксплицируют гнев, женщины стараются его подавить. В текстах тривиальной литературы гендерный стереотип коммуникативного поведения часто разрушается.

Список литературы:

1. Витлицкая Е. В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе (на мат. английских и русских текстов)/Е. В. Витлицкая. Дисс... канд. филол. наук. – Тамбов, – 2005. – 147 с.
2. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: культурно-универсальные и культурно-специфичные особенности невербального коммуникативного поведения/Г. Е. Крейдлин//Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. Материалы Третьей Международной Конференции – 27–28 ноября – 2003. – М., Московский государственный лингвистический университет, – 2003. – С. 67–68.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография /В. И. Шаховский. – Воронеж, – 1987. – 192 с. Издательство Воронежского университета.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-40-46>

Frantzi Katerina T,
University of the Aegean,
Mediterranean Studies Department, Associate Professor,
E-mail: frantzi@rhodes.aegean.gr

GreTerrOr: The Greek Terrorist Organizations' Corpus

Abstract: This study presents the GreTerrOr Corpus, a Corpus of Greek Terrorist Organizations' Proclamations that has been developed at the Informatics Laboratory of the Department of Mediterranean Studies, University of the Aegean. The corpus has been developed for applications not only by linguists interested in the language used by terrorists when communicating their actions to the public, but also by forensic scientists as well.

Keywords: corpus development, terrorist organizations' proclamations.

Introduction

Forensic linguistics is a very interesting area, where linguistics is applied to evidence in court, courtroom discourse and interpreting, authorship, plagiarism and in fact any aspect concerning both language and law [3; 6; 7; 13; 15; 16]. Corpus linguistics, on the other hand, is rapidly increasing the scientific fields that take advantage of its methodology and techniques for the processing of language material, with the great benefit of fast, accurate and com-

plete processing of real language data [1; 9; 10; 11; 12; 14]. Blackwell [2] argues that the use of corpora is necessary when dealing with forensic linguistics issues while Cotterill [10] suggests a way of incorporating corpus-based methods for forensic linguistics purposes.

There is worldwide interest in the language used by terrorists and the interest seems to be increasing due to the current world situation. Cohen [4], for example, proposes a corpus-based methodology for the study of in-

dividual suicide bombers acting in Israel or Palestine, analyzing personal farewells written by suicide bombers to their families for the years 2000–2006. Cirilo, Marchi and Venuti [8] describe the CorDis corpus, a corpus of texts that concern the Iraq war. It is an interesting work that consists of language material from the British House of Commons and the US House of Representatives, White House Press Briefings, television news and newspapers and the Hutton Inquiry. CorDis is organized into subcorpora so that different material can be used for the investigation of various research questions.

Greek terrorist organizations, primarily consisting of far-left members, have been very active in Greece for over the last decades. The term “terrorist” has been given to these organizations by the state and the media. These organizations differ in the type of their attacks, the number of their attacks and on whether their members are still free or in custody. However, all the organizations need to communicate the reasons for the attacks to the public and therefore a proclamation is almost always sent by them to the media after an attack.

This study presents GreTerrOr, a corpus of Greek terrorist organizations' proclamations, developed at the Informatics Laboratory of the Department of Mediterranean Studies, University of the Aegean. The corpus is dynamic and is periodically updated with new language material. The corpus can be used for both linguistic and forensic research purposes.

The structure and the material of the GreTerrOr Corpus

The corpus consists of language material from the active and non-active Greek terrorist organizations. The language material mainly consists of proclamations while there is some material produced by former members after they had been arrested. For these organizations metadata concerning their characteristics are kept as meta-data. Besides its organization's characteristics, for each proclamation in the corpus, meta-data includes the name of the organization it belongs to, the date the text was publicized, the title of the text, the size of the text in terms of number of words, the electronic address of its retrieval, the name of the file it is kept under and any notes that seem appropriate. The corpus can be used as a whole but is organized in sub-corpora, one for each organization so that users can use the part of the corpus that corresponds to the organization (s) they are interested in. There is also a sub-corpus for the language material by members in custody. Part of the corpus is manually annotated with part-of-speech information, so the corpus is also divided in two sub-corpora, the unannotated and

the annotated. The unannotated sub-corpus consists of 304,819 words while the part-of-speech sub-corpus consists of 327,083 words. The sub-corpus by members in custody consists of 19,861 words. The language material is kept both in.doc and.txt formats.

There have been seven main organizations in Greece, the first six of which are banned:

- Revolutionary Organization 17 November, “Epanastatikí Orgánosi 17 Noémvri”, “17N”;
- Revolutionary Struggle, “Epanastatikós Agónas”;
- Cores of Fire Conspiracy, “Synomosía Pyrínon Tis Fotiás”;
- Revolutionary People's Struggle, “Epanastatikós Laikós Agónas”;
- Sect of Revolutionaries, “Sékhta Epanastatón”;o Warriors of Revolutionary Conscience, Polemistés Epanastatikís Sinídisis”;
- Revolutionary Nuclei, “Epanastatikí Pirínes”.

Some of the above mentioned organizations have not taken any action for the last years and as such they are characterized as inactive. These are the *Revolutionary Organization 17 November*, active for the period 1974–2002 when members of the organization were arrested, the *Revolutionary People's Struggle*, active for the period 1975–1995 and the *Revolutionary Nuclei*, active from 1996 to 2000. The remaining four organizations are considered active, that is the *Revolutionary Struggle*, active from 2003, the *Sect of Revolutionaries*, active from 2009, the *Cores of Fire Conspiracy*, active from 2008 and the *Warriors of Revolutionary Conscience*, active from 2011.

Revolutionary Organization 17 November, “Epanastatikí Orgánosi 17 Noémvri”, “17N”

Revolutionary Organization 17 November, 17N, is the most well-known Greek urban guerrilla organization, with the largest number of attacks, one hundred and three, against Greek, Turkish, British and U.S.A. targets and the largest number of victims, twenty-three of which were killed. It was designated as a terrorist organization by the Greek Government, the United Kingdom and the U.S.A. 17N was formed in 1975 as an anti-imperialist, anti-capitalist, anti-U.S.A. group that took its name after 17th November 1973, the day when a popular uprising was bloodily suppressed by the military junta [17]. Since 2002, when its members were arrested, 17N has been inactive.

In the 17N sub-corpus, there two types of language material.

1. Proclamations.
2. Texts by members of the organization.

Regarding the language material of the proclamations, we have two sub-corpora. The first sub-corpus

consists of “clean” language material which consists of the real language material of the proclamations without any interference or any annotation, and the sub-corpus of the annotated language material of the proclamations. The annotated material is manually tagged with part-of-speech information.

For each of the 84 proclamations, there are two files, the “clean”, i. e. the unannotated file, and the annotated file. Each of the proclamation texts has been manually tagged with part-of-speech information. The total size of the sub-corpus of proclamations is 230,219 words of the unannotated material and the same amount of annotated material. The shortest proclamation is the 39th, consisting of 44 words, while the longest is the 6th, consisting of 14,140 words. A sample of the unannotated 18th proclamation text file of 2,172 words follows:

ΠΡΟΚΗΡΥΞΗ 18η
[ΕΠΙΘΕΣΗ ΚΑΤΑ ΙΑΤΡΟΥ Ζ. ΚΑΨΑΛΑΚΗ]
4 ΦΕΒΡΟΥΑΡΙΟΥ 1987

Βρέθηκε στον τόπο της επίθεσης (Ριζαρείου και Χρυσοστόμου Σμύρνης).

ΟΙ ΜΕΓΑΛΟΓΙΑΤΡΟΙ ΜΑΖΙ ΜΕ ΤΟ ΚΡΑΤΟΣ-ΑΠΑΤΕΩΝΑ ΕΙΝΑΙ ΥΠΕΥΘΥΝΟΙ ΓΙΑ ΤΙΣ ΥΠΟΒΑΘΜΙΣΜΕΝΕΣ ΥΓΕΙΟΝΟΜΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ ΤΗ ΣΤΥΓΓΝΗ ΕΚΜΕΤΑΛΛΕΥΣΗ ΤΟΥ ΕΛΛΗΝΑ ΑΣΦΑΛΙΣΜΕΝΟΥ ΚΑΙ ΑΡΡΩΣΤΟΥ

Στην τελευταία μας προκήρυξη όπου εξηγήσαμε γιατί χτυπήσαμε με βόμβες τις λαομίσητες Εφορίες, υποστηρίξαμε ότι στη χώρα μας σήμερα το καπιταλιστικό κράτος-απατεώνας, ενώ εισπράττει υποχρεωτικούς βαρείς φόρους και κάθε τύπου κρατήσεις απ’ τους εργαζόμενους, δεν προσφέρει τις στοιχειώδεις υγειονομικές υπηρεσίες πρόληψης, περίθαλψης, θεραπείας, για τις οποίες υποτίθεται ότι εισπράττει. Με αποτέλεσμα να λειτουργούν σήμερα, όχι ένα σύστημα υγείας με ίσες

The following text is from same proclamation annotated with part-of-speech information:

ΠΡΟΚΗΡΥΞΗ/ΟΥ_Θ_Ε1 18η/ΑΑΠ_ΣΣ
[ΕΠΙΘΕΣΗ/ΟΥ_Θ_Ε1 ΚΑΤΑ/ΠΙΑΤΡΟΥ/ΟΥ_Α_Ε2 Ζ/ΣΣ. ΚΑΨΑΛΑΚΗ/ΟΥΚΥ]

4/ΑΑΠ ΦΕΒΡΟΥΑΡΙΟΥ/ΟΥΚΥ_Α_Ε2 1987/ΑΑΠ
Βρέθηκε/ΡΠ_Ο_Α_Ε3 στον/ΑΕ_Α_Ε3 τόπο/ΟΥ_Α_Ε3 της/ΑΟ_Θ_Ε2 επίθεσης/ΟΥ_Θ_Ε2 (Ριζαρείου/ΟΥΚΥ και/Σ Χρυσοστόμου/ΟΥΚΥ Σμύρνης/ΟΥΚΥ_Θ_Ε2).

ΟΙ/ΑΟ_Α_ΕΠΙ ΜΕΓΑΛΟΓΙΑΤΡΟΙ/ΟΥ_Α_Π1 ΜΑΖΙ/ΕΡΘ_ΤΡ ΜΕ/ΠΙ ΤΟ/ΑΟ_Ο_Ε1 ΚΡΑΤΟΣ/ — ΑΠΑΤΕΩΝΑ/ΟΥ_Α_Ε3 ΕΙΝΑΙ/ΡΕ_Ο_Ε_Ε3 ΥΠΕΥΘΥΝΟΙ/ΕΘ_Α_Π1 ΓΙΑ/Π ΤΙΣ/ΑΟ_Θ_Π3 ΥΠΟΒΑΘΜΙΣΜΕΝΕΣ/ΜΤΧ_Π_Θ_Π3 ΥΓΕΙΟΝΟΜΙΚΕΣ/ΕΘ_Θ_Π3 ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ/

ΟΥ_Θ_Π3 ΚΑΙ/Σ ΤΗ/ΑΟ_Θ_Ε3 ΣΤΥΓΓΝΗ/ΕΘ_Θ_Ε3 ΕΚΜΕΤΑΛΛΕΥΣΗ/ΟΥ_Θ_Ε3 ΤΟΥ/ΑΟ_Α_Ε2 ΕΛΛΗΝΑ/ΟΥΚΥ_Α_Ε2 ΑΣΦΑΛΙΣΜΕΝΟΥ/ΜΤΧ_Π_Α_Ε2 ΚΑΙ/Σ ΑΡΡΩΣΤΟΥ/ΕΘ_Α_Ε2

Regarding the texts authored by members of the organizations, there are five files by Alexandros Giotopoulos, Dimitris Koufontinas, Savvas Xiros and Christodoulos Xiros with a total of 19,861 words. The shortest text consists of 205 words while the longest 7,062 words, both by Koufontinas. The following sample is from a text file of 2,258 words from Koufontinas’ blogspot, entitled “Reply to Filia”.

1989–05–17/Απάντηση στον Φίλια

Εμείς πάντως απ’ όσα κατά καιρούς έχει δηλώσει ο Παπανδρέου συμφωνούμε με ένα. Τη νύχτα των εκλογών, σε στιγμή αδυναμίας, μπροστά στα απρόσμενα γι’ αυτόν αποτελέσματα, άφησε να του ξεφύγει: «Αν δεν ανταποκριθούμε στις προσδοκίες αυτού του υπέροχου λαού θα θέλαμε όλοι κρέμασμα».

Revolutionary Struggle, “Epanastatikós Agónas”

Ideologically related to the Revolutionary People’s Struggle organization and Revolutionary 17 November organization, the Revolutionary Struggle organization first appeared in 2003 with the bombing of a courthouse and the injury of one police officer. It is suspected that some of its members had ties to the above mentioned organizations. Among the organization’s attacks was the assassination attempt on Greece’s culture Minister in 2006 and the firing of a rocket at the U. S. embassy in Athens in 2007. Six of its members were arrested in 2010. For its twenty-one attacks, it was designated as a terrorist organization by the Greek Government, the European Union and the U. S. A. [18].

There are currently twelve files of “clean” language material from proclamations of a total size of 37,229 words in GreTerrOr. The shortest proclamation is of 339 words while the longest of 6,410 words. The average size of the proclamations is 3,102.4 words. There are also fifteen proclamations that have been manually part-of-speech tagged for a total size of 50,625 words. The shortest annotated proclamation is of 403 words while the longest of 6,956 words. The average size of annotated proclamations is 3,616.07 words. A sample from the unannotated proclamation of the 6th of June 2006 follows.

Επαναστατικός Αγώνας «Προκηρύξεις Επαναστατικού Αγώνα: νο.4: 08/06/2006»

Με την επίσκεψη στην Αθήνα της υπουργού Εξωτερικών των ΗΠΑ, Κοντολίτζα Ράις, η υπουργός Εξωτερικών, Ντόρα Μπακογιάννη, υποσχέθηκε την διπλωματική και πολιτική συνδρομή της Ελλάδας στο θέμα του Ιράν και θα

ψηφίσει υπέρ της επικείμενης επιβολής κυρώσεων. Στο πλαίσιο των στρατιωτικών διευκολύνσεων για την προαποφασισμένη στρατιωτική επίθεση εναντίον του Ιράν, ο νέος υπουργός Εθν. Αμύνης, Μείμαράκης, βιάστηκε να διευκρινίσει ότι οι ΗΠΑ μπορούν εν λευκώ και

The sample that follows is from the same proclamation annotated with part-of-speech information.

Επαναστατικός Αγώνας «Προκηρύξεις Επαναστατικού Αγώνα: νο.4: 08/06/2006»

Ισορροπία/ΟΥ_Θ_Ε1 του / ΑΑ καθεστώς / ΟΥ_Ο_Ε2 της / ΑΑ αντιπροσωπευτικής / ΕΘ_Θ_Ε2 δημοκρατίας/ΟΥ_Θ_Ε2 και/Σ κατ'/Σ επέκταση/ΟΥ_Θ_Ε3 των/ΑΑ προνομίων/ΟΥ_Ο_Π2 που/Α_ΑΝ απολαμβάνουν/ΡΕ_Ο_Ε_Π3 από/Π τη/ΑΑ συμμετοχή/ΟΥ_Θ_Ε3 τους/ΑΑ σε/Π αυτήν/Α_ΑΝ επιχείρησαν/ΡΕ_Ο_Α_Π3 να παρουσιάσουν/ΡΕ_Υ_Ε_Π3 ως/Π << περιθωριακά/ΕΘ_Ο_Π1 και/Σ μεμονωμένα/ΕΘ_Ο_Π1 περιστατικά/ΟΥ_Ο_Π1 >> τα/ΑΑ γεγονότα/ΟΥ_Ο_Π1.

Cores of Fire Conspiracy, “Synomosía Pyrínon Tis Fotiás”

Designated as a terrorist group by the U.S. State Department in October 2011, *Cores of Fire Conspiracy* is an anarchist organization which took its first action in 2008 with eleven bomb attacks against banks in Athens and Thessaloniki, and luxury car dealerships. Their proclamations concerned the freedom of the anarchists in custody in Greece. In 2009 and 2010 there were six arrests [19].

There are currently twenty proclamation files of “clean” language material of a total of 18,778 words. The shortest proclamation is of 123 words while the longest is of 2,815 words. The average size of the proclamations is 938.9 words. There are also twenty-five proclamations that have been manually part-of-speech tagged, of a total size of 32,159 words. The shortest annotated proclamation is of 139 words while the longest is of 3,281 words. The average size of annotated proclamations is 1,286.36 words. The following sample is from the unannotated proclamation of the 1st of July 2008.

Πυρήνες της Φωτιάς «Ελλάδα: Επίθεση σε όχημα του συνοδού του προέδρου της δημοκρατίας (Αθήνα, 01/07/2008)»

Επιλέξαμε να χτυπήσουμε το προσωπικό όχημα της συνοδού του πρόεδρου της δημοκρατίας Κάρολου Παπούλια χθές τα ξημερώματα στην περιοχή του Παγκρατίου. Αφιερώνουμε το χτύπημα στους αναρχικούς Μάριο Τσουραπά και Χρυσόστομο Κοντορεβυθάκη που στις επαναστατικές επιλογές τους είμαστε

A sample of the same proclamation annotated with part-of-speech information follows.

Πυρήνες της Φωτιάς «Ελλάδα: Επίθεση σε όχημα του συνοδού του προέδρου της δημοκρατίας (Αθήνα, 01/07/2008)»

Επιλέξαμε/ΡΕ_Ο_Α_Π1 να/Μ χτυπήσουμε/ΡΕ_Υ_Α_Π1 το/ΑΟ προσωπικό/ΕΘ_Ο_Ε1 όχημα/ΟΥ_Ο_Ε1 της/ΑΟ συνοδού/ΟΥ_Θ_Ε2 του/ΑΟ πρόεδρου/ΟΥ_Α_Ε2της/ΑΟδημοκρατίας/ΟΥ_Θ_Ε2Κάρολου/ΟΥΚΥ_Α_Ε2 Παπούλια/ΟΥΚΥ_Α_Ε2 χθές/ΕΡΘ_ΧΡ_τα/ΑΟ ξημερώματα/ΟΥ_Ο_Π1 στην/ΑΕ περιοχή/ΟΥ_Θ_Ε3 του/ΑΟ Παγκρατίου/ΟΥΚΥ_Ο_Ε2. Αφιερώνουμε/ΡΕ_Ο_Ε_Π1 το/ΑΟ χτύπημα/ΟΥ_Ο_Ε1 στους/ΑΕ αναρχικούς/ΟΥ_Α_Π3 Μάριο/ΟΥΚΥ_Α_Ε3 Τσουραπά/ΟΥΚΥ_Α_Ε3 και/Σ Χρυσόστομο/ΟΥ_ΚΥ_Α_Ε3

Revolutionary People's Struggle, “Epanastatikós Laikós Agónas”

The Greek urban guerrilla Revolutionary People's Struggle was a far-left, anti-U.S.A., anti-NATO organization which first appeared in 1975 to oppose the Greek military junta of 1967–1974. It has been inactive since 1995. As an anti-imperialist and anti-capitalist organization, its bomb attacks were against political and economic targets. Four members of the organization were arrested and convicted for taking part in forty-two bomb attacks [20].

There are currently three proclamation files of “clean” language material of a total size of 6,652 words. The shortest proclamation is of 1,248 words while the longest is of 3,194 words. The average size if the proclamations is 2,217.3 words. The three proclamations have been manually part-of-speech tagged, so there are also three same-sized annotated proclamation text files. A sample of the unannotated proclamation of the 20th of November 1993 follows.

ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΗ του Επαναστατικού Λαϊκού Αγώνα — ΕΛΑ — 20 ΝΟΕΜΒΡΗ 1993

Στις 10 Οκτώβρη 1993 οι καθεστωτικές εκλογές έφεραν και πάλι το ΠΑΣΟΚ στην κυβέρνηση, δηλαδή στη θέση του κεντρικού πολιτικού διαχειριστή του καπιταλισμού στη χώρα μας.

Η πολιτική μας θέση και στάση σχετικά με το ΠΑΣΟΚ είναι γνωστή, ξεκάθαρη και χωρίς παλινωδίες, ήδη από πριν τον Οκτώβρη του 1981 που αυτό έγινε κυβέρνηση για πρώτη φορά. Αυτό το κόμμα μαζί με τη «Νέα Δημοκρατία» αποτελούν τους δύο κύριους εταίρους της ΚΥΒΕΡΝΟΑΝΤΙΠΟΛΙΤΕΥΣΗΣ. ΠΑΣΟΚ και Ν. Δ. αναλαμβάνουν διαδοχικά, ανάλογα και με την εξέλιξη των κοινωνικών συγκρούσεων και της ταξικής συγκυρίας, την διαχείριση του εκμεταλλευτικού καθεστώτος, σε βάρος των σύγχρονων προλετάρων, στα πλαίσια του παγκόσμιου

καπιταλισμού-ιμπεριαλισμού.

The following sample is from the same proclamation tagged with parts of speech.

ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΗ/ΟΥ_Θ_E1 του/ΑΟ Επαναστατικού/ΕΘ_A_E2 Λαϊκού/ΕΘ_A_E2 Αγώνα/ΟΥ_A_E2 — ΕΛΛ/ΣΣ —

20/ΑΤΚ ΝΟΕΜΒΡΗ/ΟΥ_A_E2 1993/ΑΤΚ

Στις/ΑΕ 10/ΑΑΠ Οκτώβρη/ΟΥ 1993/ΑΑΠ οι/ΑΟ καθεστωτικές/ΕΘ_Θ_Π1 εκλογές/ΟΥ_Θ_Π1 έφεραν/ΡΕ_Ο_A_Π3 και/Σ πάλι/ΕΡΘ_ΤΡ το/ΑΟ ΠΑΣΟΚ/ΣΣ στην/ΑΕ κυβέρνηση/ΟΥ_Θ_E3, δηλαδή/Σ στη/ΑΕ θέση/ΟΥ_Θ_E3 του/ΑΟ κεντρικού/ΕΘ_A_E3 πολιτικού/ΕΘ_A_E3 διαχειριστή/ΟΥ_A_E3 του/ΑΟ καπιταλισμού/ΟΥ_A_E3 στη/ΑΕ χώρα/ΟΥ_Θ_E3 μας/Α_Κ1.

Η/ΑΟ πολιτική/ΟΥ_Θ_E1 μας/Α_ΚΑ_A_Π1 θέση/ΟΥ_Θ_E1 και/Σ στάση/ΟΥ_Θ_E1 σχετικά/ΕΡΘ_ΤΡ με/Μ το/ΑΟ ΠΑΣΟΚ/ΣΣ είναι/ΡΕ_Ο_E_E3 γνωστή/ΕΘ_Θ_E1,

Sect of Revolutionaries, “Sékhta Epanastatón”

The Sect of Revolutionaries is an active far-left organization. In 2009 it committed three attacks, the first against a police-station in Athens, while the second was against the headquarters of Alter TV. During the third attack, an anti-terrorist police officer was killed. In 2010, Socratis Giolias, a Greek journalist and broadcaster, was assassinated in the fourth attack. The group claimed responsibility, stating they would target more policemen, journalists and prison staff in order to crush the “system’s democracy” [21].

There is currently one proclamation file of “clean” language material of 3,568 words and three proclamations that have been manually part-of-speech tagged, of a total size of 7,428 words. The shortest annotated proclamation is of 1,246 words while the longest is of 4,058 words. The average size of annotated proclamations is 2,476 words. A sample from an unannotated Sect of Revolutionaries proclamation follows.

Σέχτα Επαναστατών «Ανακοίνωση Νο. 4: Η Σέχτα Επαναστατών οπλίζεται ξανά»

Ανακοίνωση ν 4

Η Σέχτα Επαναστατών οπλίζεται ξανά

Στο σημερινό κόσμο το πιο βίαιο πράγμα είναι να μένεις απαθής. Όλη μας η ζωή κατακλύζεται από τη βία. Και όταν δεν είναι η βία των μπάτσων, των κρατητηρίων, των φυλακών, τότε τα πράγματα είναι ακόμα πιο ύπουλα. Μιλάμε για μια βία χωρίς αίμα. Για την βία της εικόνας, των διαφημίσεων, της καταναλωτικής μαστούρας, των ψυχοαδιέξοδων, της μοναξιάς. Ζούμε σε άθλιες πόλεις, τρώμε πλαστικό φαγητό,

The same Sect of Revolutionaries proclamation, annotated with part-of-speech information, follows.

Σέχτα Επαναστατών tag «Ανακοίνωση Νο. 4: Η Σέχτα Επαναστατών οπλίζεται ξανά»

Ανακοίνωση/ΟΥ_Θ_E1 ν/ΧΧ 4ΑΑΠ

Η/ΑΟ Σέχτα/ΟΥΚΥ Επαναστατών/ΟΥ_A_Π2 οπλίζεται/ΡΠ_Ο_E3 ξανά/ΕΡΘ_XΡ. Στο/ΑΕ σημερινό/ΕΘ_A_E3 κόσμο/ΟΥ_A_E3 το/ΑΟ πιο/ΕΡΘ_ΠΟ βίαιο/ΕΘ_Ο_E3 πράγμα/ΟΥ_Ο_E3 είναι/ΡΑ_Ο_E_E3 να/Μ μένεις/ΡΕ_Υ_E_E2 απαθής/ΕΘ_A_E3. Όλη/ΕΘ_Θ_E1 μας/Α_ΠΑ_A_Π3 η/ΑΟ ζωή/ΟΥ_Θ_E1 κατακλύζεται/ΡΠ_Ο_E_E3 από/Πτη/ΑΟ βία/ΟΥ_Θ_E3. Και/Σ όταν/Σ δεν/Μ είναι/ΡΑ_Ο_E_E3 η/ΑΟ βία/ΟΥ_Θ_E1 των/ΑΟ μπάτσων/ΟΥ_A_Π2, των/ΑΟ κριτηρίων/ΟΥ_Ο_Π2, των/ΑΟ φυλακών/ΟΥ_Θ_Π2,

Warriors of Revolutionary Conscience, “Polemistés Epanastatikis Sinidisis”

This rather new, active organization appeared in January 2011 with a bomb attack against a construction company in Athens and a bomb attack against a car dealer company in December 2010 [22]. The corpus contains two proclamations of the *Warriors of Revolutionary Conscience*, the first of 755 words, the second of 5,624 words, with an average size of 3,189.5 words and a total size of 6,379 words. The following sample is from the *Warriors of Revolutionary Conscience* proclamation of the 17th January 2011.

Πολεμιστές Επαναστατικής Συνείδησης «Ελλάδα: Εμπρηστική επίθεση εναντίον της κατασκευαστικής VASARTIS στο Χαλάνδρι (Αθήνα, 17/01/2011)»

Ανάληψη Ευθύνης (Πολεμιστές Επαναστατικής Συνείδησης)

Ο πόλεμος μαίνεται. Ζούμε και μεγαλώνουμε μέσα σε ένα εχθρικό σύστημα σχέσεων που μας δίνει διαρκώς εντολές. Στο σχολείο, στους χώρους εργασίας σε κάθε πτυχή της κοινωνικής ζωής επικρατούν αξίες που αναπαράγουν μοντέλα συμπεριφορών τα οποία και στελεχώνουν το καπιταλιστικό σύστημα. Το χρήμα, η δόξα, το ατομικό συμφέρον, η κοινωνική καταξίωση, είναι μερικές μόνο από αυτές. Αυτά τα μοντέλα συμπεριφορών εξελίσσονται διαρκώς με αποτέλεσμα και την διαρκή εξέλιξη και αναδιαμόρφωση του κοινωνικού ιστού.

Revolutionary Nuclei, “Epanastatikí Pirínes”

Revolutionary Nuclei, an organization which has carried out fifteen bomb attacks, is one of the organizations considered inactive since 2000. It started its actions in 1996 as an anti-European Union, anti-U.S.A and anti-NATO, far-left organization. According to its four proclamations, the attacks were their response to the “imperialist domination, exploitation, and oppression” of Greece. Its action started with two attacks that were acknowledged after the third bomb attack against

Greek Coast Guard installations in 1997. On 27 April 1999 their bomb attack against the Intercontinental Hotel in Athens killed one person while in 1999 there was an attack against Texaco and Citigroup offices and a Greek-American sculptor's studio in 2000 [23]. There is currently one proclamation from the Revolutionary Nuclei organization of 1994 words. The sample that follows is from the Revolutionary Nuclei proclamation regarding the Tarek Mousli case [24].

Προκήρυξη των Επαναστατικών Πυρήνων σχετικά με την υπόθεση Τ.Μousli.

Ο Τ.Μousli ήταν γνωστό μέλος του αυτόνομου χώρου του Βερολίνου κατά την δεκαετία του '80 και αργότερα μέλος των Επαναστατικών Πυρήνων (RZ/Rote Zora). Το 1999 συνελήφθη και παρουσιάστηκε από την αστυνομία σαν η κατ'έξοχή ηγετική φυσιογνωμία των Επαν. Πυρήνων του Βερολίνου. Ο ίδιος συνεργάστηκε με τον κρατικό μηχανισμό και στη βάση των ομολογιών του καταδικάστηκαν τρία άτομα και έγιναν άπειρες συλλήψεις. Για την κατανόηση της προκήρυξης θεωρώ σημαντικά τα παρακάτω σημεία: — Οι Επαναστατικοί Πυρήνες συμμετείχαν ενεργά στον αυτόνομο αριστερό χώρο και στις δραστηριότητές του μέσω των μελών τους, παράλληλα με την υποστήριξη

της ένοπλης δράσης και της αναγκαστικής παρανομίας ορισμένων μελών.

Conclusion

The GreTerrOr Corpus is a dynamic corpus of Greek terrorist organizations' proclamations built for linguist and forensic research purposes. The corpus is dynamic and periodically updated with relevant language material. Besides the "raw", unannotated material, the corpus contains a significant portion of material annotated with parts of speech. The annotated language material makes possible the processing of proclamations for the extraction of morphological and syntactic information.

Regarding future work, the corpus will be enriched with proclamations of organizations already represented in the corpus as well as of any new organizations which appear. As a second future plan, annotation is to be done for the rest of the corpus. Lastly, the corpus, besides the proclamation material, will be updated with other, various language material produced by known organization members, such as letters sent by members in custody to the media, their apologies to the court and their published articles and books.

References:

1. Adolphs S. & Lin P. Corpus linguistics. In J. Simpson (ed.), *The Routledge handbook of applied linguistics*. Oxford: Routledge. – 2010.
2. Blackwell, S. Why Forensic Linguistics needs Corpus Linguistics. In J. Bańcerowski and A. Matulewska (eds.), *Comparative Legilinguistics, International Journal for Legal Communication*, – 2009. – Vol. 1, – 19–34.
3. Broussalis G., Markopoulos G. & Mikros G. K. Stylometric profiling of the Greek Legal Corpus. In Z. Gavriilidou, A. Efthymiou, E. Thomadaki & P. Kambakis-Vougiouklis (eds.), *Selected Papers of the 10th International Conference of Greek Linguistics*, – 2012. – 167–176. Komotini: Democritus University of Thrace.
4. Cohen S. J. Mapping the Minds of Suicide Bombers using Linguistic Methods: The Corpus of Palestinian Suicide Bombers' Farewell Letters (CoPSBFL). *Journal of Studies in Conflict & Terrorism*, – 2016. – Vol. 39, – Issue 7–8: Measurement Issues in the Study of Terrorism, – 749–780.
5. Cotterill J. How to use Corpus Linguistics in Forensic Linguistics. In A. O'Keffee and M. McCarthy (eds.) *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*, – 2010. – 578–590. – New York: Routledge.
6. Coulthard M. Powerful evidence for the defence: an exercise in forensic discourse analysis. In J. Gibbons (ed.), *Language and the Law*. London and New York: Longman. – 1994.
7. Coulthard, M. The official version: Audience manipulation in police records of interviews with suspects. In C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds.), *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. London: Routledge. – 1996.
8. Cirilo L., Marchi A. & Venuti M. The Making of the CorDis Corpus: Compilation and Markup. In J. Morley and P. Bayley (eds.), *Corpus-assists discourse studies on the Iraq-conflict – Wording the war*, – 2009. – 13–34. – New York: Routledge.
9. Goutsos D. & Fragaki G. *Isagoyí sti Glossoloyía Somáton Kiménon*. Athens: Elliniká Anadimaiká Ilektroniká Singrámata kai Vithímata – www.kallipos.gr (in greek). – 2015.
10. Leech G. & Fligelstone S. Computers and corpus analysis. In C. S. Butler (ed.), *Computers and written text*, – 115–40. Oxford: Basil Blackwell. – 1992.

11. Lüdeling A. & Kytö M. (eds) *Corpus Linguistics. An International Handbook (Volume 1 & 2)*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. – 2008.
12. McEnery T. Corpora. In R. Mitkov (ed.), *The Oxford handbook of computational linguistics*, – 2003. – 448–63. Oxford: Oxford University Press.
13. Ocawara M. H. *A linguistic analysis of Some Japanese trademark cases*. Ph. D. thesis. Sydney: University of Sydney. – 2006.
14. O’Keeffe A. & McCarthy M. (eds.) *The Routledge handbook of corpus linguistics*. New York: Routledge. – 2010.
15. Shuy R. *Creating Language Crimes: How Law Enforcement Uses (and Misuses) Language*. Oxford: Oxford University Press. – 2005.
16. Tiersma P. M. *Legal language*. Chicago: University of Chicago Press. – 1999.
17. Wikipedia The Free Encyclopedia (retrieved: 13/09/2016) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Revolutionary_Organization_17_November
18. Wikipedia The Free Encyclopedia (retrieved: 13/09/2016) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Revolutionary_Struggle
19. Wikipedia The Free Encyclopedia (retrieved: 13/09/2016) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Terrorism_in_Greece#Conspiracy_of_Fire_Nuclei
20. COUNCIL on FOREIGN RELATIONS (retrieved: 13/09/2016) URL: <http://www.cfr.org/greece/november-17-revolutionary-peoples-struggle-revolutionary-struggle-greece-leftists/p9275#p5>
21. Wikipedia The Free Encyclopedia (retrieved: 13/09/2016) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sect_of_Revolutionaries.
22. athens.indymedia.org (retrieved: 13/09/2016) URL: <https://athens.indymedia.org/post/1250136/>
23. Wikipedia The Free Encyclopedia (retrieved: 13/09/2016) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Terrorism_in_Greece
24. DER TAGGESSPIEGEL (retrieved: 13/09/2016) URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/revolutionaere-zellen-ein-ganz-sensibler-zeuge/149282.html> (in german).

Section 2. Literature

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-47-51>

*Abdyramanova Aynagul Shabdanbayevna,
The scientist of philology, assistant professor,
the head of the department regional studies
of Bishkek humanities university of the name H. Karasayev
E-mail: a.abdyramanova@yandex.ru*

The subject of land in Kyrgyz history and literature in the imperial period

Abstract: The article considers works by Kyrgyz “zamanist” poets, early prose-writers and “The Peasants” novel by Sh. Abdyramanov which address Kyrgyz farmers’ agrarian issues at the times of Tsarist Empire. In the research work historical evidence correlates to literary material. The article stirred up reflections in anticipation of a date significant to the Kyrgyz — anniversary of the Kyrgyz uprising which had the agrarian problem as one of its reasons.

Keywords: “zamanist” poets, soviet literature, thaw, stagnation, history and literature, people’s liberation movement, 1916 uprising, land issues.

*Абдыраманова Айнагуль Шабданбаевна,
Кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделением
Регионоведения Бишкекского гуманитарного университета им. Х. Карасаева
E-mail: a.abdyramanova@yandex.ru*

Земельный вопрос в Кыргызской истории и литературе в имперский период

Аннотация: В статье рассматриваются произведения кыргызских поэтов-заманистов, первых писателей-прозаиков и роман «Дехкане» Ш. Абдыраманова, в которых освещаются земельные проблемы кыргызского земледельца периода царской империи. В данном исследовании литературный материал подкрепляется историческими документами. Статья стала поводом для размышления в преддверии значимой для кыргызского народа даты — 100-летия народно освободительной восстания кыргызов, одной из основных причин которого стал земельный вопрос.

Ключевые слова: поэты-заманисты, советская литература, оттепель, застой, история и литература, народно-освободительное движение, восстание 1916 года, земельные проблемы.

Вхождение Туркестанского края, в частности территории Кыргызстана, в состав Российской империи во второй половине XIX века оставило глубокий след в истории народов ее населявших. Жестоко были подавлены Ташкентское восстание 1892 года, Андижанское восстание 1916 года. Одним из самых трагиче-

ских событий в истории кыргызского народа стало восстание 1916 года, которое произошло 100 лет назад. Оценки народно-освободительного движения и восстания в регионе разные, иногда прямо противоречивые. Для Кыргызстана это особенно болезненный вопрос, так как противостояние русских войск

и местного населения и в 1898 и 1916 году привело к многочисленным жертвам, большая часть населения северных районов была вынуждена покинуть родные места, бежать в Китай. Эти события коснулись почти каждой кыргызской семьи.

Активное освоение земель переселенцами из России началось с первых лет управления Туркестаном. Царским указом Сыр-Дарьинская и Семиреченская области были объявлены переселенческими районами, скотоводческие районы Туркестана подверглись стихийной колонизации “пустующих киргизских земель”; государством “совершенно законно” захватывались земли туземцев. Царский закон еще в 60-х годах прошлого столетия объявил все киргизские земли “принадлежащими государству” [1.]

Аграрная политика Российской империи относительно новообретенных колоний заключалась в обеспечении земельными наделами безземельных и малоземельных крестьян центральных и южных регионов страны, после отмены крепостного права и крестьянских бунтов. Введение «Временных правил по переселению в киргизские степи сельских обывателей» (1881), положение «Об управлении Туркестанским краем» (1886) решало задачу активного освоения новых территорий русскими переселенцами, с множеством льгот и поддержкой царской администрации. «На основе “Положения” царские власти изъяли большое количество земель, принадлежавших коренному населению, и создали земельный фонд для раздачи российским переселенцам. Увеличивались налоги, вводился поземельный налог в размере 10% от валового дохода крестьян и земский сбор в размере 35% общих податей ... в Туркестанский край из России прибыло большое количество чиновников, которые своими действиями и пренебрежительным отношением к национальным обычаям и традициям оскорбляли национальные чувства местного населения. В 1891 г. в Ферганскую область приехали переселенцы, размещение которых еще больше ухудшило положение и так перенаселенной долины. Несомненно, такие действия царской администрации способствовали росту недовольства местного населения и вызывали сопротивление властям [2].

Эти меры в свою очередь повлияли на жизнь местного населения. Положение 1986 года законодательно закрепляло колониальный режим. Колониальные чиновники не знали, и пренебрежительно относились к местным обычаям, культуре в целом. Впрочем, это была обычная практика колонистов и в других странах. Восстание 1998 года побудило людей к активным

действиям, регион становится непокорным, мятежным. Андижанское восстание не нашло поддержку в северных регионах, как следствие в 1916 году южные кыргызы не участвовали в восстании 1916. Таким образом, одним из факторов поражения этих восстаний были разрозненность кыргызских племен, отсутствие единения.

Если русская администрация в течение первых 20 лет еще справлялась с потоком переселенцев, то в дальнейшем процесс переселения стал неуправляемым. А. Каганович пишет: «За первые два десятилетия русского управления Туркестаном, в крае официально поселилось лишь 2170 переселенцев-крестьян. Русские переселенцы — исконные крестьяне обосновывались на новых землях. С точки зрения новоприбывших земли эти были плохо благоустроены, не обрабатывались так, как привычно было для русских крестьян. В последующие годы местная администрация пыталась сдержать поток крестьян, но не могла его остановить без поддержки центра. Так, в начале 90-х годов XIX века из-за голода в Центральной России большая волна самовольных переселенцев хлынула в край. Из 15 тысяч прибывших туркестанской администрации удалось разместить лишь 2 тысячи крестьян на отчужденных у туземцев землях [3].

Дальше больше — голод в Центральных районах России в 1905–1906 годах привел к новому наплыву переселенцев. Специально созданное Переселенческое управление отнимало у местного населения земли под выпас скота, характеризуя их как излишки земли. Царское правительство имело конкретные цели по освоению земель туркестанского края — сначала вытеснить местное население с плодородных земель, а затем полностью присвоить их, используя местное население как наемных работников для русских крестьян.

Один из чиновников Сыр-Дарьинского переселенческого района, некто П. Рылов писал: «К началу 900-х годов местная (ферганская) администрация уже исчерпала запас пригодных для заселения переселенцами земель, поэтому переселение приняло ярко выраженный самовольный характер, особенно проявившийся в Кугартской долине Андижанского уезда (Кугартская долина сейчас входит в Джалал-Абадский район Киргизии). Здесь большая партия переселенцев согнала киргиз с их стоянок, захватила их собственность. Из материалов киргизских зимовок строили себе жилища или употребляли его на топливо... Таким в высшей степени ненормальным порядком к началу 1906 года в Ферганской области образовалось 10 самовольных селений, насчитывающих

в общей сложности около 900 дворов» [4]. Эта характеристика взаимоотношений между крестьянами-переселенцами и коренным населением, данная чиновником переселенческой организаций, говорит сама за себя — взаимоотношения были очень ненормальными. Стычки переселенцев-колонистов, которым было разрешено иметь вооружение, с местным населением случались все чаще.

Земельные проблемы, таким образом, стали одной из главных причин недовольства русской властью, народно-освободительного движения и восстания 1916 года.

Для древнего и свободолюбивого кыргызского народа, веками защищавшего родную землю от чужеземцев, наступили тяжелые времена. Прогрессивные кыргызские поэты (акыны) не могли оставаться равнодушными и в своем творчестве отражали тяжелое положение народа, размышляли о будущем родины, проблемах единения нации, отношении к русским колонизаторам и переселенцам, которые присваивали исконно кыргызские земли. Против национального гнета, в том числе земельных притеснений, выступали кыргызские поэты-заманисты. Слово «замана» означает «век», «эпоха», в то же время означает жанр, объединяющий произведения философского содержания. Поэты-заманисты Калыгул Бай уулу (1785–1855) «Акыр заман» («Судный день» или «Конец света»); Арстанбек Буйлаш уулу (1824–1878) «Тар заман» («Тесная эпоха»); Молдо Кылыч (1866–1917) «Зар заман» («Печальная эпоха»); Молдо Нияз (1820–1896) «Эпоха скорби».

Основоположником жанра стал поэт Калыгул, который обладал даром предвидения. В «Судном дне» Калыгула есть такие строки: «Орой киши батыр болор, От чыкпай жериң такыр болор, Капыр менен аралаш айыл конор...» [5. С. 522] (Грубый человек станет героем, Не станет расти трава, земли оголятся, вперемешку с неверными (русскими) будет жить народ). Или: «Оңу сары, көзү көк, Орус деген эл келер, Арканга өлчөп жер бөлөр» (Рыжелищый, голубоглазый, придет народ, называемый русские. Будут делить землю веревками) [5. С. 522] (Перевод мой — А. А.). О судьбе кыргызских земель говорится в стихотворении «Калыгулдун Ормон ханга айтканы» («Что сказал Калыгул хану Ормону»): «Орус алар жериңди, Сындырар сенин белиңди, Уга жүргүн кебимди, Таап коер эбиңди» (Русский возьмет твою землю, Сломает твой хребет, Послушай мои слова, он усмирит тебя) [5. С. 536]. Заметим, что поэт не дождал до времени присоединения кыргызских земель к Российской империи, но предсказал многие изменения в жизни

кыргызов в будущем, призывал к единению народа для сохранения национального менталитета.

В «Тесной эпохе» Арстанбека говорится: «Ошол орус чыкканда, Кара жол кылаар көлүңдү, Эсепке алаар жериңди Кайсаңдар сенде чама жок Капкандай чабаар белиңди» (Когда появятся эти русские Высушат твоё озеро, превратят в дорогу Возьмут на учет твои земли Не будет сил у тебя возразить Как капканом схватит спину твою) [5. С. 576]. (Перевод мой — А. А.) В поэме говорится о том, что от русского насилия страдал не только народ, но и природа. «Көч алды болор орусун, Сары журт болор конушун, Жайлоо тургай жер кайда. Жайылып жаткан эл кайда...» [5. С. 577]. (Русские будут впереди кочевья, Пожелтеют земли, где расположены айлы, Не то, что джайлоо (летние пастбища), земли где, Где люди, жившие здесь... (Перевод мой — А. А.). Поэт описал трагическую судьбу народа, согнанного с родной земли русскими колонизаторами, оказавшегося в двойной кабале, в тесной эпохе. Поэма стала выражением жизненной, творческой и социальной философии не только самого поэта, но и народа в целом.

Молдо Нияз один из первых поэт-писменников и просветителей, представитель южного региона страны был более резок в своих высказываниях относительно присутствия русских, а также местных жителей, ставших прислужниками этой власти. Религиозный аспект немаловажен в его произведениях. В стихотворении о восстании 1898 года он пишет:

“Отуз жылга жакындап, Орус келип зор болду. Оң-солдун баары кор болду...” (Уже около тридцати лет, Русские пришли и укрепились. Все вокруг (влево вправо) страдают.) [6].

У истории нет сослагательного наклонения, но логика управления царских колонизаторов: льготные условия и поддержка переселенцев (разрешение иметь оружие для защиты от местного населения), увеличение потоков переселенцев, постепенное усиление налоговой политики для местного населения, говорят о понимании ситуации поэтами-заманистами, согласно их мировидению и миропониманию.

С самого начала развития профессиональной литературы в стране события 1916 года стали предметом изображения. В 20–30-е годы XX века события народно-освободительного движения воспринимались коммунистами как борьба народов за независимость против Российской империи «тюрьмы народов» (В. И. Ленин), избавление от которой принесла советская власть. Восстание 1916 года отражается на судьбах героев первых произведений кыргызских авторов:

К. Баялинов «Аджар», С. Карачев «В дни неволи», Токомбаев «Перед зарей», К. Жантошева «Молодцы», А. Токомбаева «Раненое сердце», «Время летит», М. Элебаева «Долгий путь». Основной темой большинства из них становится «сопоставление старого и нового мира, утверждение преимуществ жизни социалистической...» [7. С. 17]. Вопрос о земле упомянут в повести М. Элебаева «Трудная переправа», где рассказано о возвращении мальчика-сироты на родину: «Безрадостна и беспросветна жизнь бедняков после возвращения на родину, русские переселенцы заняли все земельные угодья. Возникает конфликт во взаимоотношениях русских переселенцев и местных кыргызов. Но противоречия между ними не столько национального характера, сколько классового» [7. С. 29].

Таким образом, в кыргызской литературе начального периода восстание 1916 года, бегство в Китай и возвращение на родину олицетворяют старый мир, советская действительность, новая жизнь идеализируется. В целом, такая задача стояла перед всей советской литературой, но для кыргызских дехкан действия новой власти имели особое значение. Советская власть заплатила огромную сумму китайским властям за возвращение кыргызов на родину. Из документов того времени ясно, что была создана Особая комиссия по возвращению кыргызских беженцев. По словам доктора исторических наук, директора Института истории Национальной академии наук КР Дж. Джунушалиева: «На нее были возложены следующие функции: вести через отдел внешних сношений переговоры с китайскими властями о свободном возвращении беженцев на родину; выплачивать их долговые обязательства, чтобы снять препятствия к возвращению; оказывать материальную помощь деньгами, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, строительными материалами; устраивать беженцев на прежних местах жительства и на участках, отводимых местными земотделами; возвращать им отобранные земли, постройки, скот и инвентарь» [8]. Эти действия Советской власти воспринимались писателями как дополнительный фактор благоприятного восприятия новой реальности, действий Советской власти. Действия и поступки участников восстания 1898 и 1916 года освещались только с позиции победившей власти.

Во времена зрелого социализма (60-е гг.) политика дружбы и братства народов СССР, концепция «русского народа как старшего брата» были важным компонентом для решения задач совместного

строительства социализма, поэтому писать о негативных явлениях в отношениях между народами в прошлом, в том числе о народно-освободительном движении в период царской империи, надо было с определенной точки зрения.

Одним из самых значимых романов в творчестве кыргызского писателя второго поколения Ш. Абдыраманова был роман «Дыйкандар» («Дехкане») В журнальном варианте он вышел в 1968 году и вызвал неоднозначную реакцию в литературных кругах и среди читателей [9]. В нем автор показывает тяжелую судьбу кыргызского земледельца в имперский период. Роман написан был под влиянием хрущевской «оттепели», времени относительной свободы выражения мысли в литературе, снятия некоторых идеологических запретов, а время выхода совпало с брежневским «застоем», когда идеологический диктат усиливается.

На наш взгляд, дополнительной причиной предвзятой оценки романа, гонений на автора стало отображение положения кыргызских дехкан в период вхождения страны в Российскую империю, их отношения с русскими переселенцами. Автор представляет суровую правду об этом времени.

В четвертой главе романа «Дехкане» через воспоминания старика Миңбая Ш. Абдыраманов описывает жизнь кыргызских дехкан, соотносимые с документами того времени и воспоминаниями стариков. Речь идет о конфликте дехкан с русскими переселенцами, которые по-хозяйски запахивают уже обработанные земли местных жителей. Большая часть земли кыргызов к этому времени уже передана переселенцам: «Сен азыр отурган жер да меники болгон. Сен алдың, мен майли дедим. Эми бул жер меники болсун» [9. С. 46] (Земля, на которой ты сейчас живешь тоже была моей. Ты забрал, я согласился. Теперь пусть эта земля будет моей.) (Перевод мой — А. А.) Андрей Попов резонно (для него) замечает: «Дурак, мен сендан жер алган жок. Его Величество царь Николай алган меники» [9. С. 46] («Дурак, я не у тебя взял землю, я взял у его Величества Николая») (Перевод мой — А. А.). Из слов переселенца понятно, что прошло уже полгода с начала Первой мировой войны и есть решение передать оставшиеся земли кыргызов Попову, для обработки ее: «Мына, мага жердин амузун берди. Его величество берди. Меники балдар солдатка барады» [9. С. 46]. («Вот дал мне благодатную землю. Дал Его величество. Мои дети пойдут в солдаты»). Далее он объясняет, что должен обеспечивать питание солдат на фронте.

Дехкане просят оставить землю дехканам, препятствуют русским работникам запахивать свою землю. И тогда старший сын Андрея Попова в упор стреляет в дехканина Эрмека из ружья, а запуганные люди даже не могут забрать его тело до темноты. Надо отметить сам Андрей Попов пытался остановить сына, но не смог. Отец Миңбая раненный вилами в этой стычке, умирает к лету. Кыргызы вновь смирились, казалось, конфликт исчерпан.

В романе описывается случай, когда русские подростки измываются над женой Миңбая, насилюют и оставляют раздетой в камышах. Потрясенный Миңбай мстит, устроив ловушку, он убивает русского переселенца. Не выдержав позора, жена Миңбая повесилась. Понимая, что из-за него могут пострадать родственники, Миңбай бежит в город. Такое событие было свидетельством попустительства царских управленцев и вседозволенности для переселенцев. Изложенные события имели под собой почву и подтверждались рассказами стариков, это реальные события, соотносимые с вышеприведенными официальными документами. Русские названия сел Михайловка, Благовещенка, Сафроновка, Октябрьское, Серное в местах, где происходило действие романа, большинство из которых в настоящее время переименованы, свидетельствуют о большом наплыве переселенцев в южные регионы Кыргызстана и наличии подобного рода фактов.

Ш. Абдыраманов изложил свою точку зрения на проблему, исходя из правды жизни и она во многом перекликается с позицией кыргызских поэтов-заманистов.

Литература отражает исторические факты через художественные образы, художники слова выражают свой взгляд на мир, в данном случае на земельные проблемы имперского периода. Анализ произведений, на интересующий нас вопрос, выявил специфику их освещения в дореволюционный период, в первые годы Советской власти и в период “хрущевской оттепели” на примере романа Ш. Абдыраманова “Дехкане”. Таким образом, каждое общество, художники слова дают оценку тем или иным значимым событиям в жизни народа, соответственно своему мировоззренческому и индивидуальному видению.

С середины 80-х годов и после распада Советского Союза интерес к национально-освободительному движению и событиям 1916 года в кыргызской литературе значительно возрастает. Это взгляд писателей суверенной страны, которые только теперь, через многие десятилетия, могут говорить открыто о трагедии своего народа.

События национально-освободительного движения в Центральной Азии конца XIX века их причины и следствия обсуждались и в имперский период, и в советское время, и в суверенный период. И здесь очень важно историкам и писателям не забывать, что оценка деятельности имперской России в регионе и оценка действий местного населения требуют дальнейшего тщательного исследования, для выявления исторической правды. Это очень важная задача для обоих независимых государств, которые продолжают многостороннее сотрудничество.

Список литературы:

1. Назир Торекулов Туркестанская автономная республика URL: <http://bibliotekar.kz/chitat-knigu-onlain-n-z-r-t-re-lov/turkestanskaja-avtonomnaja-respublika.html>
2. Андижанское восстание 1898 года и его итоги URL: http://testhistory.ru/history.php?id=his_1_48
3. Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана URL: <http://www.1916.kg/ru/articles/nekotorye-problemy-carskoj-kolonizacii-turkestana>
4. Восстание 1916 года. Доклад выступления председателя Совнаркома Киргизской АССР Юсупа Абдраманова на торжественном заседании, посвященном 15-летию восстания (3 часть) URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7274
5. Кыргыз поэзиясынын антологиясы Бишкек, Фонд Кыргызстан-Сорос. – 1999. – Т. 1. – 739 с.
6. Молдо Нияз Эрназар уулу URL: http://students.com.kg/publ/insandar/moldo_nijaz/1-1-0-175
7. Абдыраманова А. Ш. Поэтика современных кыргызских повестей (70–80-е гг.) Дис. канд... Бишкек, – 2002 г. – 163 с.
8. Кожемякин С. Ленин – спаситель кыргызов. О роли советской власти в возвращении беженцев из Китая URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1391518440>
9. Абдыраманов Ш. Дыйкандар. Роман. //Ала-Тоо, – 1968, – № 6. – 21–98 с.

*Alasgarova Gunel Akif, PhD candidate,
Azerbaijan/Qafqaz University,
the Faculty of World literature
E-mail: gunnel-i@yahoo.com*

Supernatural characters in american science fiction novels

Abstract: The number of good science fiction books being published each year is very large. Science fiction in Europe, North America and to a certain extent Japan was changed from XX century but it is still actual and interesting genre. In these areas it seems clear that today the most ground-breaking, the most exciting and also the most popular science fiction takes the form of visual narrative. Through visual narrative, science fiction novels give many interesting and extraordinary ideas and characters to the readers. Analyzing and exploring these novels give us much benefit. In this article we are going to analyze science fiction history, its development, superhuman characters and three American authors.

Keywords: science fiction, fantastic literature, superhuman, supernatural, American literature, XX century.

Introduction: Although the United States of America is almost a three century-years old country, it could take its honorable place among the powers of the world. “Meanwhile, the rise of science and industry, as well as changes in ways of thinking and feeling, wrought many modifications in people’s lives. All these factors in the development of the United States molded the literature of the country” [12]. The US has a wide history of poetry, drama, fiction, social and literary criticism, autobiography and memoirs but in this article we are going to deal with the science fiction and superhuman characters in this genre works.

Part I. Fantastic literature has three subdivisions like science fiction, fantasy fiction and supernatural horror. Science fiction is the youngest of the three. That genre was popular all over the world in XVIII century, especially in European countries. Scientific Revolution had the biggest influence on literature in the 17th and 18th centuries. Developments in mathematics, physics, astronomy, biology, human anatomy and chemistry transformed the views of society about nature. “Science has brought us to a place where “the radical project of re-engineering ourselves moves out of the realm of science fiction and into the realm of scientific fact.”” [7, P. 46] So science played influential role on literature as well. Speaking about Scientific Revolution we cannot forget about the founders or let us say fathers of this genre. French novelist, poet, and playwright **Jules Verne** (1828 –1905) and English writer, novelist, historian and politics **Herbert Wells** (1866–1946) were called the “Fathers of Science Fiction”. “Jules Verne is the first genius of ‘technology fiction’ and by the twentieth century techno-fiction had

arguably become the dominant form of SF.” [6. P. 9] But in the US the father of science fiction is considered to be **Edgar Allan Poe** (1809–1849). “Whatever else he might have been, Poe was an unusually perceptive (if often also malicious) critic. And he was especially perceptive about his own work. Poe did not invent the Gothic tale, any more than he invented the detective story, science fiction or absurd humor” [1. P. 112] Since the late 1940s it has been by far the most popular, and the total number of science fiction titles published in book form presently exceeds that of fantasy and supernatural fiction combined.

So what is science fiction? Stories in this tradition often focus on a marvelous invention or wondrous journey; writer depicts prediction of the future, time travel, invaders from Mars, or the gift of invisibility as well as superficial characters. “Science fiction embraces such a wide variety of themes and story types — space operas, military adventures, utopias and dystopias, time travel, alternate universes, alien creatures and civilizations, mysteries, and rationalized psychic powers.” [3, P. 6] Let us also mention that there is two major awards — the Hugo Award, presented at the annual World Science Fiction Convention, and the Nebula Award, selected by the Science Fiction and Fantasy Writers of America. With more than 18,000 identified books and countless short stories, we would like to focus our research on superhuman characters in American science fiction works.

Why American science fiction? It is obvious that a number of world respected writers of mainstream literature have written science fiction novels. Readers know very well the authors of this genre from Russia,

India, France, Germany, etc. But there is no clear explanation for the immense popularity of science fiction in preference to fantasy, particularly in the United States in XX century. Possibly it is because Americans are so fond of and dependent upon technology. This nation likes adventure, risk and show perseverance. "During the 1920s and 1930s, pulp fiction magazines proliferated in the United States in particular; many of them were either exclusively or at least partially devoted to scientific romances." [3, P. 5] "To describe the science fiction published in the 1940s and 1950s as 'Golden Age' is — obviously — not to use a neutral or value-free description. Another approach at definition would be to link the Golden Age to the personal taste of John W. Campbell (1910–1971), who played a larger role than anyone else in disseminating prescriptive ideas of what SF ought to be. But it is as editor of *Astounding* (which he renamed *Analog* in 1961), a post he took up in 1938 and which he retained until his death, that Campbell made his greatest impact on the genre." [6] Under Campbell's influence in New York worked such writers like Isaac Asimov, Damon Knight, Frederik Pohl, James Blish, E. E. (Doc) Smith, Robert A. Heinlein, Arthur C. Clarke, Olaf Stapledon, and A. E. van Vogt. The scope of science fiction, its capacity to explore not only social and moral issues but matters of being and knowledge, is nowhere more evident than in the stories of these writers.

In science fiction novels we face unusual cast of characters — including a genetically enhanced superhuman. If the character's or protagonist's physical, mental, moral or behavioral traits surpass normal people then it can be considered superhuman. Modern readers sometimes can mix superhuman with superhero. A superhero is a type of costumed heroic character who is dedicated for fighting crime, protecting the civilians, and usually battling super villains. We can give a gallery of superheroes from American comic books like Superman, Batman, Spider-Man, Captain America, Iron Man, etc. As great Azerbaijani scientist, professor and critic G. Guliyev said: "... by time Nietzsche's superhuman turns into vulgar American supermen" [11] According to the research topic it is indeed reasonable to name Friedrich Nietzsche (1844–1900) and his bestseller novel "Thus Spoke Zarathustra". Nietzsche wrote "Thus Spoke Zarathustra", there introducing the concept of a value-creating Übermensch (English: overman). The symbol of the Übermensch alludes to Nietzsche's notions of "self-mastery", "self-direction", and "self-overcoming". Expounding these concepts,

Zarathustra declares: "I teach you the overman. Man is something that shall be overcome. What have you done to overcome him?" [9] Inspiring from Nietzsche's idea, many writers depicted superhuman in their novels. Jack London dedicated his novels "The Sea-Wolf" and "Martin Eden" for criticizing Nietzsche's concept of the Übermensch, which London considered to be selfish and egoistic. George Bernard Shaw's 1903 play "Man and Superman" is a reference to the archetype; its main character considers himself an untamable revolutionary, above the normal concerns of humanity. James Joyce utilizes the Übermensch in the first chapter of his novel "Ulysses". Most of the science fiction writers have not been outside of this idea and depicted supernatural characters in some novels.

The third question is –So what is superhuman? Superhuman abilities may result from human enhancement by genetic modification, cybernetic implants, nanotechnology, radiation or from human evolution in the future. Most of the supernatural characters' main motivation is to save the world and population from the evil. Superhuman in science fiction novel is usually a person with an added ability, either increased intelligence or some psi power, such as telepathy. "Telepathy is the most popular psi power in science fiction and is the central theme in numerous classic novels, including *Esper* (1962) by James Blish, *The Whole Man* (1964) By John Brunner, *And The Hollow Man* (1992) By Dan Simmons" [3. P. 132]. In other stories the protagonists agree to submit to experiments in genetic engineering so that they will be superior to ordinary humans.

As we mention there are lots of science fiction and not science fiction novels that deal with superhuman characters. It is clear that superhuman stories deal with the emergence of humans who have abilities beyond the normal. This can stem either from natural causes such as in Olaf Stapledon's novel "Odd John", Theodore Sturgeon's *More Than Human*, and Philip Wylie's "Gladiator" or be the result of scientific advances, such as the intentional augmentation in A. E. van Vogt's novel "Slan" and Robert Heinlein's "Friday", "Beyond the Horizon". In any case we would like to dive into the amazing analysis of superhuman characters in three American science fiction novels.

Part II. Stapledon, Olaf (1886–1950). The next great science fiction writers after H. G. Wells was Olaf Stapledon (1886 to 1950), whose four major works like *Last and First Men* (1930), *Odd John* (1935), *Star Maker* (1937), and *Sirius* (1940) introduced a myriad of ideas. "Olaf Stapledon (1886–1950) was, despite his

Scandinavian name, a British writer, who took a PhD in Philosophy from the University of Liverpool in 1925.” [6. P. 169] Olaf Stapledon’s preoccupation with philosophical issues was apparent in his non-fiction even before he turned his hand to fiction. His first novel is actually a speculative essay. *Last and First Men* (1930) is the history of human evolution over the course of the next two billion years, our expansion into space, the alterations in our physical nature, and the gradual modifications of our mental and personal attributes. Although the story hints at some devices that would later become popular in the genre-genetic engineering, for example-these concepts were treated in passing and without detailed consideration of the consequences. A sequel, *Last Men in London* (1932), is a more conventional novel, with an evolved human traveling back through time to visit our era. *Odd John: A Story Between Jest and Earnest* (1936) was one of the first and is still one of the most effective stories of the birth of a superhuman. “The novel explores the theme of the *Übermensch* (superman) in the character of John Wainwright, whose supernormal human mentality inevitably leads to conflict with normal human society and to the destruction of the utopian colony founded by John and other superhumans.” [14] John’s advantages are all in the mind — not the body — but normal humans sense that there is something different about him and, later, those similar to him. [5] Ultimately the two strains of humanity separate, and the more evolved minority dies rather than compromise its more highly evolved ethical state. Writer’s “*Darkness and the Light*” (1942) also involves superhuman theme.

Alfred Elton van Vogt (1912–2000) was a Canadian-born science fiction author whose favorite themes included alien monsters, time travel paradoxes, and superhuman and virtually every plot device popular in the pulp magazines of that time. Most of the novels of A. E. Van Vogt have not aged well. His first novel, *Slan* (1940), is still his best-known and possibly best written novel. This story is about mutants living hidden among ordinary humans to avoid persecution. The most notable exception was *Slan*, his first novel, and which remains his best-known creation. *Slan* was awarded the Retro-Hugo Award for Best Novel for 1941. This novel is in part a coming-of-age story that involves secret plots and psi powers, handled in a much less melodramatic fashion than in his later work. *Jommy Cross* is a slan, a mutant, part of a deliberately created variation of humans who were designed originally to help solve a series of crises that threatened the entire human race.

They have the psychic abilities to read minds and are super-intelligent. [8] “Because slans are physically and mentally superior to normal humans, even without their psi powers, they eventually became the objects of fear and hatred and were driven underground, hunted, and killed by normal people. It was easy for audience to identify with a character alienated from almost everyone else in the world, and the phrase “fans are slans” was in wide use even in the 1970 s.” [3, P. 350] The other best selections of writer are contained in *Destination Universe* (1952), *Monsters* (1965), *More Than Superhuman* (1971), *M33 in Andromeda* (1971), *The Worlds of A. E. van Vogt* (1974), and *The Best of A. E. van Vogt* (1976).

Frederik Pohl (1919 –2013) was an American science fiction writer, editor and fan who was named 12th recipient of the Damon Knight Memorial Grand Master Award in 1993. He was inducted by the Science Fiction and Fantasy Hall of Fame in 1998 and won the Hugo Award for Best Fan Writer in 2010. We will discuss his work “*Man Plus*” which won the Nebula Award for Best Novel in 1976. “Frederik Pohl addresses the problem in a slightly different fashion in this short story. He describes his characters in familiar human terms, but tells us that they are metaphors for alien attributes that we probably could not understand” [3, P. 112] In order to more effectively colonize Mars, some human immigrants are fitted with a number of artificial enhancements designed to allow them to live outside the domed colonies. [4] The transformations have a psychological effect as well, one the planners had not anticipated. As a writer and satirist, he demonstrated how the field could be used to examine current issues by exaggerating them, and he gave us a surprisingly large number of major stories and novels.

Conclusion: The twentieth century, to borrow a phrase from W.H. Auden, was mostly an “Age of Anxiety”. In that century science fiction developed and boomed as the deep integration of science and inventions into daily life. It encouraged a greater interest in literature that explores the individuals, aliens and supernatural characters. People are interested in doing what they would not have thought possible. One solution to this lies in the widespread knowledge of superhuman abilities due to stories (in novels, comics, movies or science fiction) which appeal to writers’ overactive imaginations. Many writers have produced stories in which none of the characters are human, at least in physical form. It is very difficult to create a plausible nonhuman culture, but some worldwide Ameri-

can outstanding writers could do it. In this paper, we understand “supernatural” characters as superior and extraordinary. The portrayal of supernatural protagonists is of particular interest. Such kind of characters postulates a distinction between human and outer world. We tried to analyze briefly superhuman characters in Alfred van Vogt’s “Slan”, Olaf Stapledon’s “Odd John”, Frederik Pohl’s “Man Plus”. All three are differ-

ent and have social problems. They struggle for live and humanity. Though they have special features and abilities, they are not happy, they suffer. Yes they are strong, healthy, well-organized but not safe or happy. Being normal human being can make them satisfied. While reading and analyzing the life of protagonists we can come to conclusion that it is advantage to be normal human and live mortal life.

References:

1. A History Of American Literature/By Richard Gray, American Literature since 1945/Signs and scenes of crime, science fiction and fantasy – 2004-USA, – 911 p.
2. A History Of American Literature – 1950 to the present by Linda Wagner-Martin/Science Fiction and Alternative Worlds – 374 p.
3. Encyclopedia of science fiction. Don D’Amassa. – New York – 2005. – 538 p.
4. “Man Plus” Frederik Pohl. Millennium Paperbacks, imprint of Gollancz – (April 1976) – 215 p.
5. “Odd John” Olaf Stapledon. August 1st – 1975 by Garland Publishing. – 191 p.
6. The History of Science Fiction. Adam Roberts. Palgrave Histories of Literature. England – 2006. – 387 p.
7. Science and Technology Options Assessment. Human Enhancement Study. Brussels – May – 2009. – 202 p.
8. “Slan” A. E. van Vogt. Simon & Schuster edition – 1951. – 164 p.
9. Thus Spoke Zarathustra, Prologue, § 3, trans. By Walter Kaufmann. – New York: Random House; reprinted in The Portable Nietzsche, New York: The Viking Press, – 1954 and Harmondsworth: Penguin Books, – 1976.
10. URL: <https://americanliterature.com/>
11. URL: <https://www.azadliq.org/a/2207702.html>
12. URL: <https://www.britannica.com/art/American-literature>
13. URL: <http://www.sfandfantasy.co.uk/php/the-big-3.php>
14. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Odd_John

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-55-59>

*Bekbergenova Ziyada Utepovna,
candidate of Philological Sciences,
senior researcher of the Department
of the Karakalpak Folklore and Literature
Karakalpak Research Institute of Humanities
Nukus city, Republik of Karakalpakstan, Uzbekistan,
E-mail: ziyada.bekbergenova@mail.ru*

To the problem of communicative and artistic-aesthetic features of the dialogical speech (on material of novels of the Karakalpak writers)

Abstract: Conversation on the phone presented in the speech composition of the Karakalpak novels. In this article the problem of communicative and art and esthetic function of dialogue by phone as one of forms of the dialogical speech is investigated.

Keywords: dialogical speech, the dialogue by phone, personage’s replicas, communicative and artistic-aesthetic function.

*Бекбергенова Зияда Утеповна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела
каракалпакского фольклора и литературы
Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
(город Нукус, Каракалпакстан, Узбекистан),
E-mail: ziyada.bekbergenova@mail.ru*

К проблеме коммуникативной и художественно-эстетической функции диалогической речи (на материале романов каракалпакских писателей)

Аннотация: Диалог по телефону представлен в речевой композиции каракалпакских романов. В данной статье исследуется проблема коммуникативной и художественно-эстетической функции разговора по телефону как одной из форм диалогической речи.

Ключевые слова: диалогическая речь, разговор по телефону, реплики персонажей, коммуникативная и художественно-эстетическая функция.

Через мастерское воссоздание писателем индивидуальных черт личности читатель может различать каждого из персонажей по своеобразному мышлению, действиям и поступкам, характеру, манере речи. И в качестве одного из компонентов речевой структуры художественного произведения, предоставляющих широкие возможности для подобного разграничения индивидуальных особенностей, можно указать диалоги.

Известно, что в момент, когда люди вступают во взаимное устное общение, в перемежающихся между собой и составляющих таким образом диалог высказываниях (репликах) проступает логическая взаимосвязь. При передаче устного диалога в контексте художественного произведения подробности устного контакта могут передаваться через авторское пояснение, и тем самым изображаемому придается ясность, целостность и эмоционально-экспрессивная окраска.

В исследовании поэтики художественной речи особое внимание уделяется изучению диалогической речи. Академик В. В. Виноградов утверждает: «вопрос о строении диалога, его функциях и правилах движения и индивидуальном стиле прозаического литературного произведения, о приемах и принципах его соотношения с формами повествовательной речи — одна из важнейших проблем изучения стилей художественной прозы. В этой сфере особенно остро дают себя знать специфические черты индивидуального словесно-художественного стиля» [1, 85], тогда М. Бахтин придает важное значение диалогу: «Все — средство, диалог — цель. Один голос ниче-

го не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — *minimum* жизни, *minimum* бытия» [2].

Помимо указания на контакт персонажей художественного произведения, диалоги способствуют воссозданию определенного образа, и в глубоком освещении тайных уголков душевного мира каждого из персонажей приобретают особую важность.

Диалогическая речь, привнесенная в структуру прозаического произведения, служит средством художественной выразительности, способствуя тем самым воссозданию присущей каждому персонажу специфики речи и раскрытию типичного характера. Таким образом, в речевой композиции прозаического произведения широко используются различные формы диалогического типа художественной речи, выполняющие важную роль при раскрытии душевного мира каждого из персонажей, его взаимоотношений, а в целом — в раскрытии всего содержания произведения.

В каракалпакских рассказах и повестях 20–30-х годов XX века основное место занимает диалог двух персонажей, а в дальнейшем происходит активное применение смешанного диалога с участием трех-четырех и более персонажей, что свидетельствует о подъеме национальной прозы на новую ступеньку развития.

Начиная с 1970-х годов в каракалпакские ученые-литературоведы обращаются к исследованию проблемы диалогов и их роли в структуре художественного произведения. С. Бахадырова [3] останавливается на художественной функции живого (реального) диалога, использованного в речевой структуре первых

каракалпакских романов 1960–1970-х годов, тогда как Ж. Есенов [4] рассматривает в качестве вспомогательного средства, способствующего раскрытию психологии персонажей живые (реальные) диалоги, встречающиеся в структуре каракалпакских повестей 1960–1970-х годов. В работах литературоведа П. Нуржанова диалоги живой (реальный), драматический и мысленный (воображаемый), используемые в композиции каракалпакских романов 1980–1990-х годов, изучаются в связи с их функцией в построении сюжета, создании характера и выражения взаимоотношений между персонажами [5]. Но, несмотря на наличие в структуре художественного произведения, особенно в эпическом повествовании, различных форм диалогической речи, в каракалпакском литературоведении проблема специального изучения типов речи и их художественной функции до сих пор остается нерешенной.

С развитием науки и техники в повседневную жизнь активно входит разговор по телефону. И если изначально в речевой структуре эпических произведений для передачи взаимоотношений между людьми больше внимания уделялось эпистолярной форме, то в последние годы писатели все чаще обращаются к воссозданию диалогу по телефону. Ведь в новых временных условиях в повседневную жизнь человека ускоренными темпами входит разнообразные средства коммуникации, что закономерно находит отражение на содержании художественных произведений. И в качестве одного из средств, способствующих развитию сюжета произведения, освещению взаимоотношений между персонажами, а также передаче различных мнений, иногда даже полярных, особое значение придается разговору по телефону.

Обратим внимание на телефонный разговор между Даулетовым и Сержановым — главными героями романа «Зеница ока» (1986) Т. Каипбергенова:

– Да, товарищ Даулетов, я — Сержанов! Я услышал, что вам стало плохо, и звоню, чтобы узнать о вашем здоровье. Скажите (мне), если понадобится какая-либо помощь для вашего быстрого выздоровления.

При встрече и общении на том курултае Даулетов казался более мягким, но по телефону он отвечал нервно:

– Мне хорошо, ничего не нужно!

Хотя у Сержанова внутри горел огонь, (он) постарался себя немного сдерживать себя.

– Почему вы говорите, что вам хорошо?! Получается, люди меня обманули... Извините, есть пословица, что человек, приснившийся (другим) умершим, живет

долго. Значит, вы тоже будете жить долго. Это хорошо; мне нужно, чтобы вы жили долго. Но, — сказав это, Сержанов немного помолчал и вылил все, что было (у него) на душе, — у вас нигде не болит?

В сердцах Даулетов хотел ответить на его намеки как-то грубо, но перепалка по телефону показалась неудобной обоим, и из-за того, что вопрос может остаться нерешенным, он сдержал себя...

– Товарищ Сержанов, вам не подобает так поступать. Держать при себе месть, говорить другим злые слова не дело аксакала.

– Что сказал я, чтобы ваша душа болела?

– Вот в этом-то и дело. Ничего не сказали. Но вы похожи на человека, у которого много свободного времени. К тому же стоит ли утруждать себя, когда начинается посевная страда?

– У меня свободного времени не много. Я, оказывается, забыл ваши слова, сказанные на курултае. Но я звоню вам с одной целью: вот, если вы скажете это ещё раз по телефону, я бы записал их и исправил свои ошибки.

– Хватит, Ержан ага («ага»: обращение к старшему по возрасту мужчине – Б.З.)! Не шутите со мной. [6, 6–7].

Разговор, произошедший между Сержановым и Даулетовым, не дал результата, и связь прервалась. Не сумев перебороть свою злость на Даулетова, открыто высказавшегося на областном курултае о его недостатках, Сержанов звонит первому секретарю районного комитета партии Нажимову, одно время ставшему ему близким человеком и опорой. Но и тут разговор получился совсем иной. Через диалог-споры писатель стремится передать обстановку начала 80-х годов XX века, когда были сняты с поста такие, как Сержанов, а их место занимали новые люди. Русский ученый И. Нестеров утверждает: «Часто диалог определяют как разговор с глазу на глаз: собеседником для взаимопонимания надо видеть друг друга. Однако возможен диалог и вне прямого общения, когда беседующие лишены визуального контакта. Так, в телефонном разговоре он выступает в неполном, затрудненном и урезанном виде» [7, 78]. И хотя в приведенном отрывке этот диалог имеет несколько урезанный вид, в то же время он выполняет определенное значение при передаче необходимой информации.

Цепочка событий романа К. Рахманова «Последствия» (1993) начинается с телефонного разговора главной героини Улпери с Шерниязом. В один из знойных летних дней с полуденного сна Улпери пробуждается от неприятного трезвона телефона:

Из трубки донесся хриплый голос мужчины:

– Алло, это вы, Улпери женге («женге»: обращение к жене старшего брата, а также старшим по возрасту замужним женщинам – Б. З.)?

– Да, я.

– Тасполат ага не пришел?

– Ваш ага еще не вернулся.

Голос в трубке немного стих и сказал:

– Вы живы-здоровы, женге?

– Хорошо, сам как, здоров? — Улпери только-только хотела спросить звонившего, как зовут его, когда голос в трубке сам произнес:

– Я – Шернияз!

– А по какому делу звонил, кайним («кэйним»: обращение к младшему брату мужа, а также младшим по возрасту мужчинам – Б. З.)?

Шернияз, как бы не желая сказать ей о деле, по которому звонил, вымолвил:

– Эй, по одному делу... — и усекся.

Из трубки едва послышалось:

– Неудобно говорить (об этом) по телефону. Сейчас подведу [8, 6–7].

Это только на первый взгляд кажется, что данный диалог сам по себе ничего не значит, но по содержанию телефонного разговора чувствуется, что обеспокоенный чем-то Шернияз звонит Улпери. Действительно, вначале Улпери не обратила внимания на то, что во время курортного отдыха Тасполата Алламбаева в магазин Шернияза пришли ревизоры, а единственный сын Нурполат провалил экзамены в институте, и это дополнено также авторским пояснением.

Но телефонный разговор Улпери с Алымом Адамбаевичем, не допустившим Нурполата к экзаменам, заканчивается тем, что развитие события получает совсем иной оборот. Острые драматические моменты в жизни персонажей передаются через следующую сцену:

– Эй, ты Алым или жестокий (игра слов: «Алым» – имя человека, означает «ученый»; алым – жестокий – Б. З.)?!

Трубка немного помолчала, и:

– Кто вы, я не узнаю, — послышался голос смутившегося человека.

– Я – мать Нурполата!

Голос в трубке опять смолк.

– Эй, ты слышишь? – повысила голос Улпери. – Говорю тебе, что я – мать Нурполата!

Из трубки донесся как бы сдавленный голос:

– Даа, а, а...

– Эй, свет мой, сын Адамбая ага! Разве мы с тобой такие были? В чем провинен был наш сын?

Голос в трубке ещё раз смолк; по-видимому, Алым Адамбаевич думал, что ответить. Его молчание, как будто бы ему жалко выговорить хоть одно слово, взбесило Улпери:

– Эй, свет мой, у тебя спрашиваю! В чем вина...

– Ваш сын не успевает...

– Что, что? Почему не успевает? Скажи, который из обученных тобой берет города, а? – накинулась Улпери. – Ты так свысока не смотри, глаза мои! Если ты не допустил, найдем тех, кто допустит. Только и станет, что ты поднимал пыль попусту...

– Успокойтесь, женге, – как будто призывал глухой голос в трубке.

Это как бы подлило масла разгневанной Улпери:

– Что, что? ... Хей, ты что... [8, 14–15]

Каждое из использованных в диалогической речи побудительное, вопросительное предложения, риторический вопрос, многоточие способствуют раскрытию изменения в интонации персонажей, а также передаче их внутренних чувств в отношении к собеседнику.

По часто задаваемым вопросам Улпери, ее репликам в повелительном тоне, обращенным к Алыму Адамбаевичу, у читателя создается о ней представление как о высокомерном и пустом человеке, кичащемся нажитым богатством. Речь Алыма Адамбаевича, кратко и спокойно отвечавшего на выпады собеседника, показывает, насколько это глубоко воспитанный и образованный человек. После того как её разговор с Алымом Адамбаевичем не дал результата, Улпери в сердцах звонит его заведующему Нурым Турымбетовичу. Но и на этот раз все обернулось не так, как ей хотелось. Облик рассерженной Улпери передается через её пылкую реплику: «Что? Вы говорите, что не можете вмешаться? А что будет, если вы вмешаетесь, нос станет меньше? И бюрократство должно быть к месту, кайним! Мы не останемся в пыли у других, да! Ладно, посмотрим! — Сказав это, бросила трубку. — И от этого толку нет» [8, 16].

Как мы видим, уже в самом начале сюжетной линии романа писатель с целью описания острых моментов в жизни персонажей эффективно использует диалоги по телефону.

Таким образом, диалоги по телефону, использованные в контексте романов каракалпакских писателей Т. Каипбергенова «Зеница ока» и К. Рахманова «Последствия», является организующим и эффективным средством, дающим возможность со всей достоверностью передать радость и негодование, страхи и переживания персонажей.

Рассмотренные нами выше диалоги по телефону использованы во вступительной части романов, выполняя важную художественно-эстетическую функцию обеспечения целостности сюжетной линии произведения, что способствует углублению конфликта между персонажами, а также передаче сложных моментов в развитии событий.

Телефонные разговоры все более прочно входят в повседневную жизнь современного общества, и внедрение данной формы речи в структуру прозаического произведения имеет важную коммуникативную и художественно-эстетическую функцию. Не ограничиваясь только лишь отображением образа и судьбы определенного человека, его морального облика, писатель стремится к целостному воссозданию условий жизни и социальной среды, способствовавших формированию конкретной личности.

Если в начале XX века разговор по телефону становится одним из новых важных средств установления культурных, социально-экономических контактов, то сегодня трудно уже представить нашу жизнь без информационно-коммуникационной технологии. Это обстоятельство дает возможность говорить о возможностях дальнейшего обогащения речевой структуры художественного произведения новыми формами. Широкое внедрение в реальную действительность разговора по телефону создает необходимые условия для отражения в речевой композиции художественных произведений устной и письменной форм взаимных контактов, в том числе нового вида коммуникации — видеообщения с использованием новейших достижений в области информационной технологии.

References:

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория литературной речи. Поэтика. – М.: Ак. наук СССР, – 1963. – 255 с.
2. Бахтин М. М. Диалог у Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/08.html> (дата обращения 16.01.2013.)
3. Бахадырова С. Роман и время. Нукус: Каракалпакстан, – 1978. – 167 с. (На каракалпакском яз.)
4. Есенов Ж. Тайны мастерства. Нукус: Каракалпакстан, – 1986. – 100 с. (На каракалпакском яз.)
5. Нуржанов П, Поэтика современного каракалпакского романа (композиционные и жанрово-стилистические особенности). Нукус: Билим, – 2008. – 116 с.; Современный каракалпакский роман (поэтика сюжета и конфликта). Нукус: Билим, – 2009. – 128 с. (На каракалпакском яз.)
6. Каипбергенов Т. Зеница ока. Нукус: Каракалпакстан, – 1986. – 412 с. (На каракалпакском яз.)
7. Нестеров И. В. Диалог и монолог // Введение в литературоведение: основные понятия и термины. Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, – 2000. – 194 с.
8. Рахманов К. Последствия. Нукус: Каракалпакстан, – 1993. – 400 с. (На каракалпакском яз.)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-59-63>

*Reznik Oksana Vladimirovna,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Head of the Chair of foreign languages
and cross-language communication,
doctor of philological sciences, professor
E-mail: oreznik2005@yandex.ru*

Memorocentrism as the worldview marker of the first wave of Russian emigration literature

Abstract: The article by Oksana Reznik represents the main directions in the study of autobiographical prose of the representatives of the first wave of Russian emigration. The author emphasizes the need for such fundamental philosophical categories as memorative centralism and personalism. The use of these categories can help through the key concepts fill in the gaps in research of this literature segment.

Keywords: autobiographical prose; Russian emigration; memorative centralism; literature; personalism.

*Резник Оксана Владимировна,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
заведующая кафедрой иностранных языков
и межъязыковых коммуникаций,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: oreznik2005@yandex.ru*

Мемороцентризм как мировоззренческий маркер русской литературы первой волны эмиграции

Аннотация: В статье Резник О. В. представлены основные направления изучения автобиографической прозы первой волны русской эмиграции. Автор указывает на необходимость применения таких основополагающих мировоззренческих категорий, как мемороцентризм и персонализм, для понимания специфики эмигрантской памяти. Они помогают через ключевые концепты восполнить исследовательские лакуны данного сегмента литературы.

Ключевые слова: автобиографическая проза, первая волна русской эмиграции, мемороцентризм, персонализм, концепт, тема родины.

Актуальность проблемы. Личность в изгнании — совершенно особая категория, замкнутая на самой себе. Потерявшая все, что составляло прежде мировоззренческую целостность, каждая фигура эмиграции пытается обрести себя через обращение к прошлому. Этот процесс индивидуальный и избирательный, однако можно обозначить и некоторые общие тенденции. Специфика эмигрантской памяти (тенденциозность, избирательность, культуроцентризм), гипотетический читатель (литературоцентризм), ориентация на двойной культурный контекст (российский и западный) приводят к трансформации образа нарратора в данной литературе. Именно на этом этапе и в этой литературе, на наш взгляд, заметны наибольшие различия в сравнении с литературой метрополии. Отметим также, что в автобиографической прозе заметно основное отличие от новой литературы 20-х годов в метрополии: там героем была революционная толпа, героически настроенные «множества», устремленные к светлому будущему; в эмигрантской же литературе, напротив, на передний план выдвигалась личность, к тому же устремленная назад — к прошлому, к истокам трагедии, к своей былой славе, к вере, утраченной в социокультурной обстановке начала века. Вполне очевидно, что указанные обстоятельства уточняют теорию «единого потока» русского реализма, выдвинутую Г. П. Струве и другими исследователями эмигрантского наследия. Именно автобиографическая проза русской эмиграции, отразившая «Великий Раскол» страны на непримиримые лагеря, а также трагедию отдельной личности, выступала оппозиционно по отношению к литературе метрополии.

Анализ последних исследований и публикаций.

По мнению Э. Газетто, после осознания в 1921 году, что скорого возвращения на родину не будет, для эмигрантов «индивидуальная и коллективная память приобретает важнейшее значение» [1, 101]. Исследователь указал на главную цель автобиографического творчества — попытку понять тот сложный процесс, который привел к революционной катастрофе, объяснить себе и грядущим поколениям его истоки и последствия. Именно поэтому актуализируется идея сохранения духа русской культуры в эмиграции: «Центры диаспоры превращаются в огромные лаборатории по восстановлению, сохранению и защите национальной и индивидуальной памяти» [2, 9]. Такой интерес именно к теме памяти и ее художественному воплощению в автобиографистике указанного периода позволяет рассматривать автобиографическую прозу эмиграции как мемороцентристскую [5].

Несмотря на достаточно большое количество исследований творчества писателей — представителей первой волны русской эмиграции, внимание эмигрантистов в основном сосредоточено на частных вопросах. Так, изучение проблемы памяти в эмигрантском творчестве стало предметом исследования И. Д. Альберт, Э. Газетто, Е. Уховой, В. М. Пискунова, С. Ю. Сидоровой. Тема родины становится сквозной в работах С. В. Полторацкой, С. Р. Габдуллиной, А. В. Якубчика и других. В целом проблемный ракурс нашей статьи — личность эмигранта и отражение его картины мира в автобиографической прозе — остается недостаточно изученным в отечественном и зарубежном литературоведении.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. В эмиграции происходит максимальное сближение повествований с нарративом от первого лица и собственно мемуаров как документального жанра. В изображении событий прошлого в мемуаристике эмиграции сочетаются как бы два взгляда: восприятие непосредственно переживающей событие личности и комментарий многоопытного, прошедшего сквозь страдания и унижения, потери и разочарование эмигранта-писателя. Такая своеобразная подача фактического материала позволяет говорить о трансформации художественной природы мемуаристики в эмиграции, когда писатель, о чем бы он ни писал, возвращается памятью к прошлому.

Таким образом, в автобиографической прозе отмечаются те же семантико-стилистические особенности нарратива от первого лица, что и в мемуаристике: достоверность, субъективность, неполнота, когда изображенный мир ограничен опытом и кругозором повествователя. Изучить ее через основные личностные ориентиры — значит, понять и осмыслить индивидуальные и типичные поиски русской литературы в эмиграции.

Цель данной статьи — указать, как персонализм помогает не просто создать целостную и достаточно логическую картину эмигрантского автобиографического творчества, но и открывает новые возможности для литературоведческого анализа.

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов и с учетом научной новизны исследования. Эмиграция в художественных произведениях поставила ряд нравственно-психологических и религиозно-философских проблем, которые не могут не быть предметом персонализма: свобода и ответственность человека за происходящее, власть и насилие, смирение перед обстоятельствами, страдание как искупление. Тезис персонализма «чем более развита духовно личность, тем более она аккумулирует в себе предшествующее развитие культуры» позволяет сосредоточить внимание на произведениях тех авторов, которые могут быть идентифицированы как профессионалы в той или иной сфере деятельности.

Итак, персонализм мы рассматриваем как парадигму, в которой можно выделить следующие уровни воплощения.

Религиозно-философский. Возврат русской интеллигенции в лоно церкви был характерным явлением эмиграции. Однако религиозно-философская

парадигма автобиографической прозы с нарративом от первого лица не исчерпывалась вопросами веры (набожности) и выражала мировоззренческий и формосодержательный аспект творчества разных художественных индивидуальностей. По мнению исследователя А. А. Бородич, «религиозно-философские размышления весьма характерны для представителей творческой интеллигенции русского зарубежья в уходящем веке» [3, 173]. Осознание себя в Боге было имманентно причастности к ушедшей культуре, а обращение к религиозной тематике художников и философов концептуально раскрывало противоречивый мир личности, концентрировало внимание на природе внутренних мотивов человеческих поступков и творческих актов. Евангельский подход к человеку предполагает, что истоки каждого человека как личности находятся в том, что человек есть образ и подобие Божие, творение Божие. Персонализм является по преимуществу религиозным, христианским течением. Несмотря на это, некоторые исследователи выделяют секулярный или атеистический вариант персонализма как отдельное направление. Секулярным (светским) вариантом персонализма могут быть названы материалистические (атеистические) системы, ставящие в основу своей философии личность человека и понимающие ее как главную метафизическую ценность, над которой не существует никакого высшего бытия. Выделение такого вида материализма существует в работах многих исследователей конца XIX — начала XXI в. Поэтому и на данном уровне персонализма нелогично говорить только о религиозно-философских воззрениях эмигрантов. Общая картина автобиографической прозы выглядит несколько схематичной без учета творчества тех авторов, которые либо открыто не позиционировали свой интерес к религиозным вопросам (в силу разных причин), либо сознательно отказывались от идеи Бога в своем творчестве. Принимая установку на оценку личности в разнообразных проявлениях и связях, необходимо найти такой концепт, который мог бы вобрать признаки типологической общности потерявших стабильность и защищенность людей. На религиозно-философском уровне в качестве ключевого был определен концепт «Отец», интерферирующий бытовую и бытийную сторону личностного существования.

Социально-исторический. Жизнь личности континуально переплетается с жизнью социума, и нравственный опыт, багаж политических оценок человека имеет социальное значение. Тем самым личность

оказывается не только субъектом, но и объектом социальных преобразований. Для того, чтобы выжить в настоящем и будущем, эмигранту необходимо было переосмыслить прошлое, расставить свои приоритеты, а от чего-то отказаться. В работах персоналистов личность рассматривается как Божья идея и Божий замысел, возникшие в вечности. В то же время в пограничных условиях бегства человек был очень часто вынужден мимикрировать, отождествлять себя с иным социальным статусом, который мог гарантировать уют, покой, физическое выживание. Поэтому персонализм, утверждавший, что «Личность есть целостность и единство, обладающие безусловной и вечной ценностью», отражается в эмигрантском творчестве опосредованно, через систему оценок и авторских комментариев. Именно в условиях угрозы жизни и психике конкретное существование стало мыслиться как нечто особое, исключительное, о чем свидетельствует, например, И. Савин, переживший не только горечь поражения, но и позор плена: «Самую обидную брань выслушивали равнодушно <...> И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горьчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не мученичества, а скрытой, неясной радости и гордости за дух, которого не оплевать и не унижить» [4, 139]. В образе нарратора окружающему жестокому миру противопоставлена внутренняя культура, вера в то, что он нужен белому движению (как указала сестра милосердия), что семья жива, а родной дом только временно покинут. Индивидуум может совсем не обладать цельностью и единством, может быть растерянным и одиноким, и эта дифференциация его состояний отражалась в автобиографической прозе. К конституирующим приоритетам личности эмигранты относили идею Бога, памяти, дома. Память есть ценность, соединяющая личность с государством, нацией, родом, природой. То, что одним виделось как апокалипсическое столкновение добра и зла, столкновение ценностей нового и старого мира, другими воспринималось прежде всего как трагедия личная. Главной потерей многие из них считали

расставание с родиной, однако наиболее точным показателем личностного отношения к утрате не столько материального, сколько культурного наследия нам представляется концепт «дом» (а не стандартная «родина»).

Этический. В литературоведении этика в отличие от социологии изучается не как нравы, нравственные мнения и обычаи, а как первофеномены добра и зла, первоначальные оценки и ценности, нашедшие художественное выражение в творчестве. Социология сосредоточивает внимание на совокупности человеческих мнений и оценок, интегрируя типичное, а в художественной практике авторы выражают индивидуальные мнения и суждения, литература аккумулирует гамму человеческих мнений о добре и зле, об источнике оценок, о нравственных ценностях личности. Этический конфликт становится в эмиграции составляющей отношений личности и общества. В кризисных условиях XX века человек вынужден был определить и выразить в творчестве свое различие между добром и злом, доказать свою нравственную адекватность. Нравственная жизнь переплетается с жизнью социальной, и нравственный опыт человека имеет социальное значение. Речь идет не о ценности личности вообще, а о ценности конкретной неповторимой личности, о ценности индивидуального. Этот уровень мы связываем с концептом «ответственности», позволяющим выявить пассивные и активные способы постижения новой эмигрантской реальности личностью.

Выводы по данному исследованию и перспективы дальнейшего изучения. Персоналистская природа автобиографического творчества может быть объективирована на основе трёх указанных выше уровней. Уровневый подход к интерпретации эмигрантской прозы позволяет типологизировать достаточно разнородную и разножанровую автобиографическую прозу, даёт возможность увидеть своеобразие авторской картины мира в каждом конкретном произведении. Данный подход может и должен быть подтвержден на примере различных текстов автобиографического характера.

Список литературы:

1. Газетто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского зарубежья // Блоковский сборник. XIII. Тарту: [б. и.], – 1996. – С. 101.
2. Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. В. Петров; [Санкт-Петербургский Государственный Университет]. Спб., – 2002. – 34 с.

3. В поисках утраченного единства: сб. статей/Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь: Крымский Архив, – 2005. – 330 с.
4. Крымский альбом: историко-краеведческий литературно-художественный альманах/под ред. Д. Лосева. Феодосия; – М.: Изд. дом Коктебель, – 1998. – 237 с.
5. Резник О. В. Великий Раскол: взгляд с того берега (автобиографическая проза первой волны русской эмиграции). Симферополь, «Доля», – 2010. – 336 с.

Section 3. Philology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-64-66>

*Todua Lia, PH. D.,
associate professor, International Black Sea University, Tbilisi, Georgia,
E-mail: ltodua@ibsu.edu.ge*

*Danelia Ira, PH. D.,
associate professor, Sokhumi State University, Tbilisi,
E-mail: Georgia, iradanelia@sou.edu.ge*

The effectiveness of teaching quantitative stylistic analysis to students of English philology

Abstract: The paper deals with the methods of stylistic analysis of any medium of verbal expression, primarily, of written means whether in fiction or journalism, etc. It is claimed in the research that older methods of text analysis which mostly focus on qualitative empirical processing of a spoken or written text are no longer relevant for full and thorough understanding of it. Quantitative approach to deciphering a text in combination with more traditional methods is seen in the paper as appropriate and efficient for students of stylistics. The research is an attempt to prove this hypothesis.

Keywords: stylistics, qualitative analysis, quantitative analysis, teaching stylistics.

Introduction

It has been practice long established when teaching stylistic analysis of a literary text that the emphasis has been made on an empirical method for interpretation, evaluation and description of this type of written discourse. Students have been equipped with the basic knowledge how to pinpoint various stylistic devices, expressive means, structural, semantic, morphological and phonological peculiarities in the text, they have been trained to characterize the writer's style comprehensively and thus judge true merits of his/her writings. The practice is evidently in unison with the traditional methods and approaches of literary criticism which are principally and firmly based on empirical qualitative decoding of the text. Thus, trends in classroom practices in stylistics are predominantly borrowed from the tendencies in the above sphere.

For the last few decades the field of stylistics has undergone profound and paramount transformations, one of them being establishing the equilibrium between qualitative and quantitative analysis of any text whether literary or non-literary; moreover, of any medium of expression, be it films, advertising, news reporting, etc., therefore, it is

one more prevailing trend in stylistics to on an equal basis switch to non-literary medium of expression as well, i. e., to as many genres and styles as it is possible for interpretation Jeffries and McIntyre [2].

The recent fact that Bob Dylan — a world famous singer and songwriter was awarded the Nobel Prize for literature served as a blow for many literary critics as they were not cognizant, and moreover, indignant which criteria were used by the committee for elevating the poet to such a premium pedestal. Therefore, utilizing more innovative methods of text analysis along with strict literary canons is made essential in order to find logic behind such decisions. Hence, classrooms of literary studies and stylistic analysis must become laboratories for testing various theories (whether questionable or axiomatic) concerning distinguishing true qualities of any text.

Why quantitative studies have been considered so much essential for stylistic analysis? Researchers of the field understood that empirical judgments can be and are predominantly subjective though they are based on the theoretical background of the researcher, and on the "observing" the text by him/her; however, even these two aspects do not decrease the probability of erring to the

lowest point when assessing the writer and the experience frequently proves it. On the other hand, it is evident that sociological studies with their inclination towards combining both qualitative and quantitative studies and thus arriving at more reliable data, conclusions and at a fuller discloser of the subject matter fascinated the whole array of fields. Stylistics is not an exception in this respect.

In the modern world quantitative-statistical analysis of a text is made extremely easy. With special IT programs, virtually at the click of a button any data concerning the text can be obtained inter- and intra-textually — be it the frequency of occurrence of a particular punctuation mark or co-occurrence of definite words, re-occurrence of certain word clusters, repetition and deviation patterns. By means of Internet-based language corpora it is possible to pinpoint whether words or word combinations of a certain author are unique for him/her, i. e., with one hundred percent certainty detect the writer's idiolect. Such arithmetic appraisal, when allowed, implemented even without IT technologies (in case of short texts) discloses those shades of texts which are hard or even impossible to notice through merely empirical observation. These unfolded features of a text complement our understanding of the true style of the author and serve as indicators of its uniqueness or commonness Carter, 2010 [1].

Research

Our study hypothesized that thoroughly developing in students of stylistics skills of quantitative analysis of a text enhances their ability to objectively evaluate literary and non-literary texts, to better detect their true merits in synthesis with qualitative research. For the purpose of verifying truthfulness of the above statement during a term of teaching stylistics to future specialists of English at the faculties of Humanities, specialty- English Philology, International Black Sea (IBSU) and Sokhumi State University (SSU) an experiment was staged and conducted in the following mode: during the term the students of the experimental group (IBSU) were trained to be stylistically competent by teaching them both quantitative and qualitative methods of analysis, while in the control group (SSU) during the same semester among the methods of stylistic analysis taught there prevailed qualitative ones as it is done traditionally. However, at the end of the term even the students of the control group were taught methods of quantitative analysis of any text according to the syllabus requirements. The experiment was designed in order to enable us to observe how gradually skills of stylistic analysis developed in students and which methods enhanced students' skills of decoding any text more comprehensively. The mechanism of understanding whether

progress has been achieved in terms of the targeted knowledge and competence among the students of both groups was the quality of the assignments and of a course work prepared by them, results of quizzes and a midterm written during the term and finally, results of the final exam.

From the start of the term in the experimental group the students were introduced to innovative mostly quantitative methods of text analysis, e. g., they were taught how to use Google corpora of both British and American Englishes for understanding whether certain new formations, collocations, etc. really belong to a particular writer; furthermore, it was explained to them how to conduct elicitation of statistical information concerning the text by means of various tools of Word document, e. g., find, word count, etc. and most importantly, how to interpret their findings and combine them with the results of qualitative empirical examination of the text for obtaining a thorough analysis of it.

Below is given an extract from a poem, thus a short piece of writing for stylistic analysis. To better illustrate how qualitative analysis can be conducted it is noteworthy to state that students are required to count the number of "onion" words, first, as independent lexical items, then, as stems of derived words; later students will have to count frequency of [n] and [ʌ] sounds in the poem; it will enable them to clearly see parallelism patterns in the poem; furthermore, all the derived words in the poem can be checked by means of Google search or Google corpora whether they are created by the author (in this case by the translator of the poem) or they already exist in the English language. Information obtained in the above way later is used for thorough stylistic analysis.

the onion, now that's something else its innards don't exist	our skin is just a coverup for the land where none dare to go an internal inferno
nothing but pure onionhood fills this devout onionist oniony on the inside	the anathema of anatomy in an onion there's only onion
onionesque it appears it follows its own daimonion without our human tears	from its top to it's toe onionymous monomania unanimous omninity

(Wisława Szymborska, **The Onion**, <http://genius.com/Wislawa-szymborska-the-onion-annotated>)

Table 1. – Results of the experimental group

	Home assignments (10*1,5=15 points)	Quiz 1 (5 points)	Quiz 2 (5 points)	Midterm exam (20 points)	Final exam (40 points)	Course work (10 points)	Total (95 points)
Student 1	14	4	5	18	37	10	88
Student 2	15	5	5	17	38	9	89
Student 3	12	4	4	16	37	8	81
Student 4	12	4	4	18	37	9	84
Student 5	13	4	4	17	36	8	82
Student 6	15	5	5	19	39	9	92
Student 7	10	3	4	16	33	7	73
Student 8	11	3	4	15	36	8	77
Student 9	14	5	5	19	39	10	92
Student 10	12	4	4	17	37	8	82
Average	12.8	4.1	4.4	17.2	36.9	8.6	84

Table 2. – Results of the control group

	Home assignments (10*1,5=15 points)	Quiz 1 (5 points)	Quiz 2 (5 points)	Midterm exam (20 points)	Final exam (40 points)	Course work (10 points)	Total (95 points)
Student 1	9	3	3	15	32	7	69
Student 2	9	4	4	16	34	7	74
Student 3	10	4	3	14	28	8	67
Student 4	8	3	3	13	25	7	59
Student 5	12	4	4	17	34	8	79
Student 6	11	3	3	14	25	7	63
Student 7	11	3	4	16	29	7	70
Student 8	10	4	5	18	34	8	79
Student 9	12	4	3	16	33	7	75
Student 10	9	3	4	14	32	8	70
Average	10.1	3.5	3.6	15.3	30.6	7.4	70.5

The results of the experiment demonstrate that the students of the experimental group exceeded their control group peers in all aspects and criteria, the difference between their midterm exam, final exam and total points is 2, 3.6 and 13.6 respectively in favor of the former. This sort of higher achievement can be ascribed solely to the methodology difference as the initial level and other conditions for teaching and learning were absolutely similar for both groups.

Conclusions, discussion and recommendations

The experiment conducted with the aim to understand whether developing in students of stylistics methods of quantitative text analysis contributes to better decoding of it, whether they enhance students' appreciation of any medium of verbal expression- written and spoken, literary and non-literary led to the confirmation of our hypothesis that the above approach in combination with the qualitative analysis is highly efficient.

During the term in the experimental group we observed that students willingly embraced quantitative methods of text analysis as they considered this approach sound and relevant for stylistic analysis, they demonstrated great enthusiasm and enjoyed the process of this sort of research. When during the term they were requested several times to comment on the effectiveness of the quantitative method their responses were unanimously positive.

Thus, lecturers of stylistics and, in general, all those who teach text analysis from various angles and perspectives are advised to use quantitative analysis as a powerful means of uncovering true characteristics of any text. Different computer programs, language corpora whether Internet-based or functioning without it are absolutely necessary for developing in students' competence of quantitative analysis.

References:

1. Carter R. "Methodologies for stylistic analysis: practices and pedagogies", in D. McIntyre and B. Busse (Eds). *Language and Style* – 2010. – P. 34–46. Basingtoke: Palgrave Macmillan.
2. Jeffries L. and McIntyre D. *Stylistics*. Cambridge: Cambridge University Press. – 2010.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-67-68>

Filimonova NataliyaYuryevna,
associate professor,
Candidate of Philological Sciences,
Volgograd State Technical University,
E-mail: filimonova-n@rambler.ru

The transformation of hagiographical stories in the artistic world of N. S. Leskov and L. N. Tolstoy: motifs of early Christianity

Abstract: This article analyzes various approaches to use of motifs of early Christianity in N. S. Leskov's and L. N. Tolstoy's creativity.

Keywords: Christian motifs, a genre of a legend, artistic devices.

The ancient lives of saints is an integral element of Russian culture.

The Old Russian myths are the brightly expressed precedent texts, their plots, images and ideas, served as material for many writers [1], among whom there were N. S. Leskov and L. N. Tolstoy.

The idea that people need to be educated in the spirit of early Christian morality, came to Leskov earlier than to his great contemporary.

In a letter to A. S. Suvorin, he admitted: "*Our century is the triumph in the explanation of the teachings of Christ*" [2, P. 340].

Both Leskov and Tolstoy considered Christianity as a vital doctrine that can indicate "*not so much the way to heaven*" but "*the meaning of life*" [2, P. 287].

Leskov highly appreciated the efforts of Tolstoy in the "*humanization*" of the Gospel: "*to humanize evangelical doctrine — is the most noble and quite timely task*" [2, P. 456].

In search of a form of the realization of the moral life issues Leskov and Tolstoy simultaneously and independently from each other come to the development of the genre of legend.

Both take themes from ancient sources, in particular from "the Prologue" — the Old Russian hagiographic collection of the 12–13th centuries.

Speaking of heroes of "*folksy stories*" by Tolstoy, Leskov confidently says: "*the Prototypes of all of them are in the Prologues*" [2, P. 109].

You can talk about the proximity of the works of these writers not only because the stories were written on the basis of a common source, but also because the writers had a common goal ("*to teach active morality*" with maximum simplicity and accessibility) [2 P. 101], one source, one reader (Tolstoy's folk tales and Leskov's many legends were published in the "Mediator» editions).

However, common characters, themes and plots do not exclude differences of artistic techniques. A different approach to the use of the same source by Tolstoy and Leskov, first of all is explained by the differences in their perception of the world.

In the beginning of their work on materials of "the Prologue» this was hardly felt. Tolstoy always objected to the very free interpretations of hagiographic stories. Leskov also initially did not consider it necessary to deviate from the plots of the source, nor even from the interpretation of ideas.

In a letter dated 14 April 1888 to P. I. Biryukov, Tolstoy praised the "Beautiful Aza" by Leskov: "*I read Leskov's legend on the same day, as it was published. This is even better than the one* (we are talking about the legend of "Conscientious Danila»). *Both are beautiful. But that is too curly, and this is simple and lovely. God helps him*" [3].

Later Leskov increasingly begins to see in "the Prologue" the source of information regarding the right to him "situation." From a letter to Suvorin: "You rightly said, we take only themes" [2, P. 451].

Leskov consciously transforms hagiographic stories, reinterpreting and processing them; using motifs, themes, images, he fills them with new content.

In this regard the legend “Buffoon Pamfalon” (1887) is interesting. Judging by the Preface, which has never been published, Leskov intended to convince the reader that the “Prologue” is interesting not only because of one side that with unparalleled artistic skill being exploited by count Lev Nikolayevich Tolstoy” [2 P. 582]. Noticing that Tolstoy “has its purpose, to which his choice responds” [2, P. 581], Leskov told the reader that he wants to use the plot “a different kind”.

A different system of values of the two writers is reflected in the selection of language means [4]. Each of them had their own techniques and methods for the selection of vocabulary for the implementation of ideological and artistic conception. Leskov honed language of legend, considering that another “language (like “Caucasus prisoner” by Tolstoy) would be out of place” [2, P. 342].

If Tolstoy shifts the basic semantic emphasis to faith as a necessary condition for salvation of the soul (which is the main genre feature of hagiographic story), then Leskov proves that active love to the people has the advantage over moral perfection, asceticism, passivity inherent in heroes of “folk tales” by Tolstoy (“Two Brothers and gold”, “Godson”, “miss the fire is not put out”, “Two old man”).

Even more Leskov retreated from the original source in the legend “Innocent Prudence” (1891), which is a Prime example of compositional changes, accomplished by writer for changing the motivation of the characters. It is a work, original in form (the legend has adventurous and short stories character), and content (the writer made the ending, which is opposite to “the Prologue”, thereby he changed the essence of the legend). The heroine of Leskov legends unlike widow from “the Prologue” does not become a nun, she goes to serve the people: “I will be with those whom i can do a service or favor” [2, P. 87].

Referring to the materials of “the Prologue”, Leskov intended to show people for whom good is not an abstract category, but the norm of behavior (the miracles that occur in the “Prologue” didn’t interest him, just as Tolstoy).

Writers has a different approach to the epigraphs to the legends. Tolstoy prefers to use excerpts from the biblical text. The story “What Men Live By?” is preceded by an epigraph taken from “the Gospel”: “If anyone says, I love God, and hates his brother, he is a liar; because if he doesn’t love brother, which he can see, how can he love God, which he can not see?” [2, P. 7]. All further narration is subordinated to this idea, with which Tolstoy teaches his reader.

Leskov also uses sometimes biblical epigraphs, but he is not intended to use them to moralize: he either tells what will be discussed, or does the conclusion to be drawn from the further narration.

Such, for example, aphoristic epigraph to “Beautiful Aza”: “Love covers a multitude of sins. 1 Peter IV, 8”.

Over time Leskov ceases to worry about problems of early Christianity and begins to wonder the topicality. “... I was ripped away from “the Prologue’s” themes something current and alive” [2, P. 462], — he admits.

Genre of legend implied the existence of allegory, of unusual colour and, most importantly, the deep philosophical subtext. While legends of Leskov differed in verbosity, colorful language, detailed characteristics, vivid landscape and social sketches, whereas Tolstoy’s folk stories are characterized by brevity, dry, schematic and illustrative.

However, different transformation of the hagiographic stories in the artistic world of Leskov and Tolstoy, individuality of the creative manner of the writers does not remove the issue of the proximity of the works, which raised the questions of moral life, affirmed human values.

References:

1. Filimonova N.Yu. Biblical motifs in contemporary literature: tradition or paradox in the interpretation of the traditional//Biblical motifs in Russian culture and literature. – Poznan: University.A. Mickiewicz, – 2000. – P. 189–194.
2. Hereinafter cited. in ed.: Leskov N. With. Coll. Op. at – 11 volumes, или: Hereinafter, op. by ed.: NS Leskov Coll. Op. in – 11 volumes, – M.: GIXL, – 1956–1958.
3. Leo Tolstoy. full. cit. cit., – Vol. 64, или: Tolstoy L. N.. Full. Coll. CIT., – Vol. 64, – M., – 1953, – P. 161.
4. Filimonova N.Yu. Motifs of early Christianity in the work of N. S. Leskov and L. N. Tolstoy (language and thematic differences)//Actual problems of humanitarian and natural Sciences. – 2015. – № 3–1. – P. 324–326.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-1-69-72>

Shastina Elena Mikhailovna
Kazan' (Volga Region) Federal University,
Yelabuga Institute
E-mail: shastina@rambler.ru

Elias Canetti and Umberto Eco

Abstract: The article gives consideration to two books — “Masse und Macht” (“Crowds and Power”) by the Austrian writer, Nobel Prize winner Elias Canetti (1905–1994) and “A passo di gambero: guerre calde e populismo mediatico” by the Italian writer and literary critic Umberto Eco (1932–2016). Both of the writers — philosophers, despite of time discrepancy and the differences in methodology, try to solve global problems by searching the ways of how to protect mankind from repetition of possible mistakes. The author of the article specifies efficiency of connection of documentary and art in the result of which new myths about eternal problems of human life are born.

Keywords: Elias Canetti, Umberto Eco, Crowds and Power, mass media.

Шастина Елена Михайловна,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Елабужский институт
E-mail: shastina@rambler.ru

Элиас Канетти и Умберто Эко

Аннотация: Речь идет о двух книгах — австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии, Элиаса Канетти (1905–1994) «Масса и власть» и итальянского писателя и литературоведа Умберто Эко (1932–2016) «Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ» («A passo di gambero: guerre calde e populismo mediatico»). Оба писателя — философа, несмотря на временное несовпадение и на различия в методологии, пытаются решить глобальные проблемы, ставя перед собой задачу, оградить человечество от повтора возможных ошибок. Автор статьи указывает на продуктивность соединения документального и художественного, в результате чего рождаются «новые» мифы о вечных проблемах человеческого бытия.

Ключевые слова: Элиас Канетти, Умберто Эко, Масса и власть, средства массовой информации.

Итальянского писателя, философа и литературоведа, Умберто Эко (1932–2016), без преувеличения, можно считать выдающейся личностью современности. Романное наследие писателя включает в себя семь романов, шесть из которых на сегодняшний день переведены на русский язык. Знаток Средневековья, он сумел на страницах философского романа-детектива «Имя розы» (1980) увлечь современного читателя в лабиринты истории. В его произведениях явно звучат предостережения перед лицом грозящей опасности, которую таит перегруженное интеллектуальное сознание («Маятник Фуко») (1988). По мнению Г. С. Кнабе, «Маятник Фуко» — «книга об ужасе и гибельности, которое несет в себе произвольное, шутивно-ироническое конструирование исторической реальности вне

понятия истины и ее критериев, вне нравственной ответственности перед ней и перед рациональным началом европейской духовности» [4, 954].

По-постмодернистски блистательно описаны скитания молодых героев в романах «Остров накануне» (1994) и «Баудолино» (2000). В романе «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2004) Эко возвращается к теме «идеального читателя», для которого художественное произведение — источник вдохновения, допускающий многочисленные интерпретации авторских интенций. Герой романа, потеряв память, забывает всё о своей прежней жизни, но сохраняет информацию, почерпнутую им из книг. Шестой роман писателя «Пражское кладбище» — также своеобразная игра с историческим материалом, представленным

в дневниковых записях героя-авантюриста Симоне Симонини. Последний роман Умберто Эко «Нулевой номер», опубликованный в 2015 году, посвящен средствам массовой информации, которые в современном мире выступают важным средством манипуляции сознания. Автор, в присущей ему сатирической манере, описывает журналистов, занимающихся мифотворчеством, перекраивая историю на свой лад.

Помимо романов, эссе, философских, лингвистических и литературоведческих работ, Эко охотно высказывался на страницах СМИ о своем отношении к событиям новейшей истории. В настоящей работе речь идет о выпущенной в издательстве «Эксмо» в 2007 году книге (в переводе с итальянского Е. Костюкович) [5]. Заявленная в заглавии проблема, — книга называется «Полный назад!», — сама по себе уже создает интригу. Впрочем, Умберто Эко всегда умеет талантливо поддерживать интерес читателя, прибегая к различным ухищрениям. Так и в этом случае. Подзаголовок «Горячие войны» и популизм в СМИ лишь частично раскрывают основную идею, скорее позволяет сосредоточиться на выбранном автором ракурсе. В аннотации указано, что книга состоит из ряда статей и выступлений, написанных в период с 2000 по 2005 годы [5, 7], — время, когда люди на рубеже веков испытывали естественный страх перед жизнью. Смена произошла, а страх, по мнению автора, не исчез, напротив, он до сих пор то усиливается, то ослабевает, поскольку век масс-медийности держит в напряжении и крупного политика, и простого обывателя.

Умберто Эко развивает идею «прогресса навыворот». Прогрессируя вспять, человечество проходит новый виток истории «по-старому», демонстрируя при этом случаи отката в историческое прошлое, возрождая средневековые крестовые походы, повторяя войны христианства против ислама и т. д. И хотя на первый взгляд создается впечатление, что автор исходит в своих рассуждениях только из событий, происходящих в Италии в эпоху правления Берлускони, но это только на первый взгляд, поскольку регресс касается не отдельно взятой европейской страны, а всего человечества. «Антропологический кризис» проникает в различные сферы человеческой жизнедеятельности независимо от национальной, социальной и территориальной принадлежности.

Книга австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии, Элиаса Канетти (1905–1994) «Масса и власть» [6] также была задумана в сложное время перемен, на фоне разворачивающихся событий на-

чала XX века. Правда, от замысла до его реализации прошли долгие годы, почти три десятилетия. Избрав ключевые понятия ушедшего столетия — дихотомию «масса–власть», Канетти, с присущим ему максимализмом утверждал, что ему удалось «схватить человечество за горло» [2, 289–290].

И если Умберто Эко иллюстрирует свои мысли событиями, которые пока еще легко восстановимы в памяти современников — это война в Персидском заливе, Афганистан, новая «американская трагедия», разыгравшаяся перед миллионами телезрителей 11 сентября и т. д., то Элиас Канетти, чья жизнь совпала с целым столетием, намеренно старается избегать свое время. В предисловии к русскому изданию Л. Г. Ионин справедливо напишет, что в книге, полностью посвященной XX веку, XX век практически не упоминается [1, 11].

Канетти, «вскормленный мифами», моделирует время, прибегая к памяти человечества. Для него мифологическая модель мира объективна, поскольку в сказках, легендах, мифах скрыта истина. Канетти обращается к архаичным культурам, чтобы объяснить феномены сегодняшнего дня, при этом он проводит социально-психологическое исследование массы и ее отношения к власти.

Оба писателя — философа, несмотря на различия в методологии, пытаются решить глобальные проблемы, ставя перед собой задачу, оградить человечество от повтора возможных ошибок. Относительно книги «Масса и власть» спорят этнологи, социологи, философы, литературоведы. Трудно однозначно сформулировать жанр этого произведения, скорее, это нечто, стоящее между наукой и искусством. Книга У. Эко также, думается, вызовет неоднозначное объяснение в плане ее жанровой принадлежности. Это не просто статьи и выступления, это «размышления, которые затрагивают политические и медийные события» [5, 7] определенного отрезка времени, при этом автором проведен отбор материала, в результате проведенной селекции и появилась эта книга. Хронология не является смыслообразующим и композиционным фактором, восемь глав книги выстроены в соответствии с авторской логикой. Симптоматично, что У. Эко заостряет внимание на вопросах войны и мира, абсурдности смерти и расовых проблемах, в фокус зрения вновь и вновь попадает прошлое, причем возврат в прошлое настолько очевиден, что ему он посвящает целых две главы. Создается впечатление, что автор пишет собственную историю человечества через призму сегодняшнего дня, мифологизируя настоящее

и прошлое. У него, как и у Канетти, присутствуют «вкрапления» из мифологии, различные аллюзии отсылают к текстам других авторов — писателей, философов, политиков.

Показательны в этом смысле рассуждения обоих философов о смерти. У Канетти тема неприятия смерти является ключевой, основополагающей категорией в его «индивидуальной мифологии». Смерть воплощала для него вечное зло, так как ограничивала жизнь, поэтому он категорически отвергал ее и не соглашался признать ее власть над человеком. Он настаивал на том, что она в самой своей сути не соотносится с человеческим существованием и неприемлема, ибо есть нечто внеположное по отношению к жизни.

В речи по случаю пятидесятилетия Г. Броха Канетти формулирует свое восприятие смерти: «Она чудовищно древняя и ежечасно новая. Степень твердости у нее — десять, и режет она не хуже алмаза. Ей присущ абсолютный холод мирового пространства — минус двести семьдесят три градуса. Ей присуща наивысшая сила ветра — ураганная. Она — реальная превосходная степень от всего сущего, но она не бесконечна, ведь ее можно настичь на любой дороге. Пока существует смерть, всякое слово — это прекословие ей. Пока существует смерть, всякий свет — это обманчивый свет, ибо он ведет к ней. Пока существует смерть, ничто прекрасное — не прекрасно, ничто доброе — не добро. Попытки с ней примириться — а что такое религии, как не это? — потерпели неудачу. Открытие, что после смерти ничего нет, ужасающее и не до конца постижимое, бросило на жизнь отблеск новой и отчаянной святости» [3, 27–28]. Принимая во внимание жанр (публичное выступление), а вместе с тем пафос звучания, слова Канетти воспринимаются как манифест жизни, как программный документ писателя, поскольку писатель участвует в жизни многих, а также и во всех смертях, которые грозят этим жизням. Следовательно, его собственный страх должен стать смертным страхом всех, его собственная ненависть к смерти должна стать смертной ненавистью всех. Загадка смерти в том, что она, помимо страха и ужаса, вызывает у человека представления о силе и жизни. В этом ее парадокс и ее притягательность, поскольку миг, когда ты пережил других, — это миг власти.

В книге «Масса и власть» приводится обширный материал, когда это взаимоисключающее начало используется человеком в своих целях. Самое страшное в смерти это то, что она прячется в обыденном, естественном, нормальном. Канетти непоколебим

в противостоянии смерти, потому что он свидетель двух мировых войн и множества военных конфликтов, холокоста и геноцида. Канетти позволяет себе порой «экспериментировать» со смертью. Так, в драме «Ограниченные сроком» [7] наступление смерти следствие «нормальности», поскольку человек с рождением получает капсулу, где стоит дата его смерти. Естественно, что такая обыденность смерти не может устраивать разумно мыслящего героя по имени Фюнфциг, как не устраивает и самого автора. Борьба со смертью заключена для Канетти в настойчивом стремлении извлечь из истории человечества, из его фантазий отдельные примеры для того, чтобы создать свой собственный миф, но такой миф, который способен внушить человеку мужество и силу.

У. Эко, как истинный философ, позволяет себе рассуждать «о плюсах и минусах смерти» [5, 573]. Грустно думать, что смерть лишит человека богатого опыта, также грустно осознавать, что при достаточно долгом владении этот богатый опыт, «поблеклый и, быть может, заплесневелый», начнет его тяготить [5, 584]. Абсурдность смерти и абсурдность бессмертия — понятия одного уровня, поскольку их нужно преодолевать, чтобы жить, а это возможно лишь тогда, когда созидаешь ради будущего — «продолжать в отведенный <...> срок закладывать в бутылки записки тем, кто придет и будет жить после нас» [5, 584].

Канетти исследует механизмы толпы, психологию безликого человека-массы. Он оперирует видами человеческой массы, всевозможными аспектами, элементами, символами власти, устанавливая механизмы их взаимодействия. Естественно, что тема войны у Канетти также одна из центральных. Более того, Канетти, работая над «трудом всей своей жизни», намеренно отказался от литературного творчества, посвятив себя «исследовательской деятельности». Однако, исходя из того, какой «терминологией» оперирует Канетти, как аргументирует свое мнение, можно сделать вывод, что автор далек от научной трактовки ключевых понятий. Его терминологический аппарат экспрессивен, характеризуется образностью и пластичностью, например, «разрядка», «прорыв», «переживший других» и т. д.

У. Эко также «изобретает» свой метаязык, Так для обозначения войн прошлого он вводит понятие «пра-пра-война», у которой есть свой антипод «нео-война». По ряду причин, на которых автор останавливается подробно, «пра-пра-война» переродилась в «нео-войну». «Горячие» и «холодные» войны не уходят, к сожалению, в прошлое.

В рамках данной статьи не представляется возможным детально проследить сходство и различие в теориях Канетти и Эко, многое может показаться при подобном сравнении условным, но априори то, что в обоих случа-

ях речь идет о вкладе авторов в науку о человеке, и если у Канетти «антропологический аспект» целиком завязан на массе и власти во всех их проявлениях, то у Эко, эти понятия модифицируются в соответствии со временем.

Список литературы:

1. Ионин Л. Г. Предисловие. О Книге и ее Авторе/Л. Г. Ионин//Масса и власть – М.: Ad Marginem, – 1997. – С. 9–17.
2. Канетти Э. Из книги: «Заметки». – 1942–1972». Пер. С. Власова//Человек нашего столетия. – М.: Прогресс, – 1990. – С. 250–309.
3. Канетти Э. Герман Брох: Пер. С. Шлапоберской/Э. Канетти//Человек нашего столетия. – М.: Прогресс, – 1990. – С. 22–34.
4. Кнабе Г. С. Роман Умберто Эко «Маятник Фуко» и обязанность предупреждать//Г. С. Кнабе. Избранные труды. Теория и история культуры. – М.-СПб. – С. 952–961.
5. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ/Умберто Эко (пер. с итальянского Е. Костюкович). – М.: Эксмо, – 2007. – 592 с.
6. Canetti E. Masse und Macht/E. Canetti. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, – 1981. – 555 s.
7. Canetti E. Die Befristeten/E. Canetti. – Hanser, Carl GmbH+Co, – 1988. – 72 s.

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Bagirova Nigar Khanlar</i> Tense problems in modern English	3
<i>Bagirova Gunay Fakhraddin</i> Language personality in the aspect of manifestation of history of culture	7
<i>Vukolova Ekaterina Vladimirovna</i> Representation of lexical-semantic peculiarities of the Pittsburgh Speech: impact of social status	12
<i>Derenchuk Nataliia Viktorivna</i> The influence of lingual representants on image formation of the modern Ukrainian politician	15
<i>Dorofeyeva Margarita</i> System modelling in the specialized translation synergetics: practical aspects	18
<i>Dunyamin Yunusov</i> Investigation of the Exclamatory Sentences (on the materials of the English and Azerbaijani languages)	22
<i>Egorova Liudmila Alekseevna</i> Scientific hypermedia text perception in the era of science globalization.....	28
<i>Mirishova Ellada Fakhraddin</i> Determination of contradictory meanings between phraseological antonymy and phraseological antonyms.....	31
<i>Mustafi Muhamed</i> Oriental linguistic elements in Albanian. Baytajean creativity.....	35
<i>Surkova Elena Viktorovna</i> Author gender specificity of the description of the nonverbal expression of anger and fear of men and women in the russian and german textes of popular literature	37
<i>Frantzi Katerina T.</i> GreTerrOr: The Greek Terrorist Organizations' Corpus.....	40
Section 2. Literature	47
<i>Abdyramanova Aynagul Shabdanbayevna</i> The subject of land in Kyrgyz history and literature in the imperial period	47
<i>Alasgarova Gunel Akif</i> Supernatural characters in american science fiction novels.....	52
<i>Bekbergenova Ziyada Utepovna</i> To the problem of communicative and artistic-aesthetic features of the dialogical speech (on material of novels of the Karakalpak writers)	55
<i>Reznik Oksana Vladimirovna</i> Memorocentrism as the worldview marker of the first wave of Russian emigration literature	59
Section 3. Philology	64
<i>Todua Lia, Danelia Ira</i> The effectiveness of teaching quantitative stylistic analysis to students of English philology	64
<i>Filimonova Nataliya Yuryevna</i> The transformation of hagiographical stories in the artistic world of N. S. Leskov and L. N. Tolstoy: motifs of early Christianity	67
<i>Shastina Elena Mikhailovna</i> Elias Canetti and Umberto Eco.....	69

